

ИСТОРИЯ
XXI
ВЕКА

Прогнозы,
перспективы,
предсказания

Арин О. А.

**Россия:
ни шагу
вперед**

МОСКВА
ЭКМО
«АЛГОРИТМ»
2 0 0 3

ББК 66.4 (2Рос)
А 81

Общественно-редакционный совет:

Аннинский Л.А., Кара-Мурза С.Г., Латышев И.А.,
Николаев С.В., Палиевский П.В., Панарин А.С.,
Поляков Ю.М., Сироткин В.Г., Третьяков В.Т.,
Ульяшов П.С., Уткин А.И.

Оформление художника Е. Пермякова

Арин О.А. (Алиев Р.Ш.)

А-81 Россия: ни шагу вперед. - М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 352 с. (Серия «История XXI века»). Электронная версия. 2016. - 203 с.

ISBN 5-699-01580-9

Данная книга является продолжением серии работ автора по восточно-азиатской тематике. В обычной своей язвительной манере он критически оценивает представления зарубежных и отечественных ученых и политиков на международную ситуацию в Восточной Азии, на место и роль России в этом регионе, предлагая при этом свои варианты внешней политики для России.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов международного профиля, а также на всех тех, кто интересуется международными отношениями в Восточной Азии и внешней политикой США, Японии, КНР и России.

© Олег Арин (Р.Ш. Алиев), 2003
©ООО «Алгоритм-Книга», 2003
©ООО Издательство «Эксмо».
Оформление, 2003

Предисловие

После публикации серии работ по международным отношениям в несуществующем "Азиатско-Тихоокеанском регионе" я с радостью переключился на другие, более общие темы, в результате чего появилась книга "Двадцать первый век: мир без России". В ней очень важное место занимают некоторые аспекты теории международных отношений, которые я предполагаю развить в специальной монографии. И тем не менее к восточной тематике вернуться меня вынудили российские ученые и политики, которые, не сообразуясь с реальностью, продолжают нести несусветную чушь об "интеграции в АТР", о формировании "единой атээровской цивилизации", о "коллективной безопасности" и, конечно же, о радужных перспективах "вхождения" в этот самый "АТР" великой России.

Для меня до сих пор остается загадкой: что заставляет всех этих вроде бы на первый взгляд нормальных ученых и политиков говорить и писать о том, чего нет и никогда не будет. Ведь обо всех этих перспективах они талдычат десятки лет. Причем чем хуже ситуация в России, тем более фантастичные проекты "вхождения в АТР" они предлагают. Кто манипулирует их сознанием? Или это своего рода та самая загадочная русская душа: мечтать о несбыточном? Не знаю.

Как бы то ни было, предлагаемая работа не является плодом моего внутреннего побуждения, а представляет собой вынужденный ответ на иллюзии и мечтания "АТР"-болтунов относительно места и роли России в Восточной Азии. В какой-то степени данную работу можно рассматривать как дополнение к упоминавшейся вначале книге, только сфокусированной на одном регионе — Восточной Азии. Поначалу мне пришлось рассмотреть, как США, Япония и КНР прогнозируют структуру международных отношений в Восточной Азии. Затем — в каких терминах они оценивают место и роль России в регионе. И, наконец, каким образом или в каком контексте они учитывают Россию в своей внешней политике. Все это как бы взгляд со стороны.

В специальном разделе о России и российском Дальнем Востоке я попытался показать реальное место страны в экономических связях с важнейшими государствами СВА. Я также предложил наиболее реалистичный вариант политики России в этом регионе, естественно, не рассчитывая, что он будет принят во внимание официальными лицами страны.

Книжка эта не рассчитана на "АТР"-болтунов с зашоренными мозгами и устоявшимися стереотипами. Она предназначена для рационально мыслящих людей, кто умеет считать и отличать "здоровый смысл" от "рассудочного разума" или "разумного рассудка".

Между прочим, в Приложении я перепечатал из одной предыдущих своих книг список с характеристиками на некоторых китаеведов и японоведов с зашифрованными фамилиями, который все, знакомые с этим кругом людей, легко расшифровали. Они сами тоже себя узнали. К этому списку я кое-кого добавил, кое-кого убрал. Как ныне выражается молодежь, сделал я это для "фану", но не только.

Хочу обратить внимание читателей на то, что большая часть материалов выужена мной из Интернета, среди которых немало представлено в формате HTML. А следовательно, при ссылках на них отсутствуют страницы. Кстати, пользуясь случаем, приглашаю всех любопытных на свою страницу в Интернете (www.olegarin.com). Очень удобное место для критики моих работ. Не стесняйтесь.

Обычно в конце предисловия полагается кого-то поблагодарить. Как правило, я благодарю свою жену Валентину, которая блестяще выполняет не только свои естественные функции жены и матери, но и неестественные для нее функции редактора и корректора в подготовке всех моих работ. С некоторых пор я начал благодарить и своего сына Германа, который, хотя моих книг не читает, но почему-то их начал финансировать: то ли по зову сердца (во что верится с трудом), то ли под воздействием своей мамы, т.е. моей жены. А может быть, и по каким-то другим соображениям, о которых я пока не догадываюсь. В любом случае он облегчает мою встречу с читателями, за что я его искренне благодарю. Дай ему бог и дальше облегчать наши встречи.

Май 2001 г.

США

Глава I. Американцы о месте и роли России в Восточной Азии

Известно, что в официальных речах российских руководителей и научных исследованиях "АТР" признается одним из важнейших направлений российской внешней политики. Возможно, это и так. Я вернусь к теме "АТР" в последней главе, чтобы подтвердить или опровергнуть данный постулат на статистическом материале. Здесь же его можно проверить чисто политологическим методом, то есть путем анализа официальных и академических оценок места и роли России в Восточной Азии через призму американской политики в данном регионе. Метод этот — обычный контент-анализ официальных материалов за последние два—три года. А также формальный анализ некоторых работ американских исследователей, в которых они разбирают задачи внешней политики США в этом несуществующем "АТР"¹.

В принципе, аналогичный анализ надо было бы сделать и по другим регионам для получения полного представления о месте и роли России в мире. На самом же деле он и был сделан. Результаты такие: в официальных документах США, где речь идет о региональных направлениях политики Вашингтона, Россия даже не упоминается в разделах, посвященных Латинской Америке, Африке. На Ближнем Востоке она упоминается в контексте Прикаспийского региона. И только на европейском направлении Россия представлена в полном объеме, но только через призму проблем безопасности. Тем не менее европейское направление политики США я опускаю, поскольку никогда Европой специально не занимался. Остается Восточная Азия, по которой мной написано немало работ, и, следовательно, мне легко проследить динамику. Кстати сказать, данная глава уже публиковалась в моих предыдущих работах². Здесь же я просто добавил новые материалы к опубликованным ранее.

¹ В одной из своих работ я доказал, и никто не смог меня опровергнуть, что "АТР" как целостного региона не существует. Поэтому, когда я вынужден употреблять этот термин, он у меня всегда закавычен. См.: О. Арин. АТР: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность. М.: Флинта*Наука, 1997.

² См.: Арин, Олег. Россия на обочине мира. М.: Линор, 1999; его же. Стратегические перспективы России в Восточной Азии. М.: МГИМО, 1999.

Официальная оценка Вашингтоном места и роли России в Восточной Азии

Восточная Азия занимает второе после Европы стратегическое направление в совокупной внешней политике США. Все официальные лица в Вашингтоне оценивают нынешнюю ситуацию безопасности в этом регионе как наиболее благоприятную за весь период после второй мировой войны. Например, бывший министр обороны США У. Перри высказывался в таком оптимистическом ключе: "Азиатско-тихоокеанский регион сегодня является более процветающим и стабильным, чем в любое время за всю свою историю. И по всему региону ощущается усиление доверия и оптимизма на будущее"³. В президентском документе "Стратегия национальной безопасности в новом веке" за 1997 г. отмечалось: "За последние четыре года мы добились значительного прогресса в создании стабильного и процветающего азиатско-тихоокеанского сообщества"⁴. В аналогичном документе за 1998 г. акцент делается на совмещении "интересов безопасности с экономическим ростом и нашими обязательствами в отношении демократии и прав человека". Америка при этом играет цементирующую роль в качестве стабилизирующей силы в более интегрированном АТР⁵.

В Стратегии 1998 г. также четко обозначены приоритеты и цели США в "Восточной Азии и на Тихом океане". На первое место вынесено главное: "Наше военное присутствие является естественным для поддержания стабильности, что позволяет большинству государств в АТР создавать процветающую экономику для всех. Чтобы предотвратить региональную агрессию и обеспечить наши собственные интересы, мы сохраним около 100 000 военного персонала в регионе. Наше обязательство поддерживать активное присутствие в регионе и наши союзнические договоры с Японией, Южной Кореей, Австралией, Таиландом и Филиппинами являются фундаментом для сохранения американской роли в сфере безопасности" (р. 41).

Далее выражается поддержка переговорного процесса в рамках асеановского регионального форума (АРФ).

³ Remarks by Secretary William Perry, Beijing, China, October 18, 1994, "U.S. Department of Defense Circular Release".

⁴ A National Security Strategy for A New Century. Wash., The White House, NSC, May 1997. — Internet.

⁵ A National Security Strategy for A New Century. Wash., The White House, NSC, October 1998, p. 41.

Затем следует пункт о Японии, значение которой определяется устоявшейся формулой — "краеугольный камень безопасности" в регионе.

В отношении ситуации на Корейском полуострове говорится, что "напряженность на Корейском полуострове остается принципиальной угрозой миру и безопасности в Восточно-азиатском регионе". Одной из форм снятия этой напряженности являются четырехсторонние переговоры между США, Китаем, Северной и Южной Кореей.

Особое внимание уделяется КНР. Интересам США Китай отвечает как стабильное, открытое, безопасное и мирное государство. Цели США в отношении КНР включают: поддержание стратегического диалога, укрепление стабильности в районе Тайваньского пролива на основе мирных подходов к перекрестным проблемам пролива и стимулирование диалога между Пекином и Тайбэем; усиление приверженности КНР к международным нормам о нераспространении (оружия массового уничтожения), в частности в деле контроля за экспортом баллистических ракет и техники двойного назначения; достижение большей открытости и прозрачности в военных делах Китая; содействие конструктивной роли КНР в делах международной безопасности через активное сотрудничество в АТЭС, АРФ и Диалог по безопасности в СВА; укрепление сотрудничества с КНР в области законодательства на основе учащения контактов и обмена по программам обучения (р. 44).

Завершается документ блоком проблем ЮВА.

В Стратегии 1999 г. сохранилась та же самая иерархия и подтверждены буквально теми же словами задачи и цели внешней политики США в "АТР". Тем не менее есть отличие, которое заключается в более подробном освещении проблем Корейского полуострова, а также более детально прописан раздел по Китаю. В частности, в нем сказано, что "более полное вовлечение КНР в глобальную торговую систему отвечает нашим национальным интересам", поскольку потенциальный рынок Китая для экспорта американских товаров в следующем веке обеспечит "сотни тысяч рабочих мест в нашей стране"⁶.

Россия же в контексте "Восточной Азии и Тихого океана" не упоминается ни в одной из трех Стратегий.

Теперь есть смысл выяснить, как американские цели и ситуация в ВА рассматриваются официальными военными кругами. Для начала проанализируем Ежегодный доклад 1998 г. министра обороны США У. Коэна президенту и конгрессу⁷. В данном случае я не обращаюсь к Докладу 1999 г., поскольку в разделах,

⁶ A National Strategy For a New Century. Wash., The White House, NSC, December 1999, p. 37.

посвященных Восточной Азии и Тихому океану он почти не отличается от предыдущего послания.

В этом документе сразу же оговаривается, что оборонная стратегия состоит из трех центральных элементов: "1) сформировать такую международную систему безопасности, которая была бы благоприятна для интересов Соединенных Штатов, создавала бы региональную стабильность, сокращая угрозы, предотвращая конфликты и сдерживая агрессию. Причем все вместе должно осуществляться на ежедневной основе; 2) отвечать на весь спектр кризисов, которые угрожают интересам Соединенных Штатов, предупреждая агрессию и насилие в кризисных ситуациях, осуществляя операции малых масштабов, ведя борьбу и выигрывая на основных театрах военных действий; 3) быть готовым к неопределенному будущему; развивать новые тактические концепции, использовать новые технологии и программы, а также прикладывать все усилия, чтобы обеспечивать высокое качество исследований для того, чтобы предотвратить угрозы, которые хотя и маловероятны, но возможны... например такие, как появление региональной великой державы до 2015 г."

Крайне примечательно, что в третьем пункте предусматривается появление региональной великой державы (явно имеется в виду Китай), и к этому заранее надо быть готовым. Похвальная предусмотрительность!

В первой главе "Оборонная стратегия и стратегия национальной безопасности" среди зон возможной опасности выделяется Восточная Азия, где "Северная Корея все еще представляет крайне непредсказуемую угрозу из-за продолжения размещения своих наступательных вооружений на границе с Южной Кореей, и из-за усложняющихся проблем в экономике, и ухудшения условий жизни населения". В ходе посещения некоторых стран ВА в январе 1998 г. У. Коэн еще острее охарактеризовал ситуацию на Корейском полуострове: "Корейский полуостров является одним из наиболее опасных мест на земле"⁸. При этом следует заметить, что если в Стратегии эта напряженность на полуострове объясняется действиями Пхеньяна, то в другом важном документе, к которому я еще вернусь, предсказывается вероятность объединения двух Корей, что также может поменять контекст безопасности с соответствующими изменениями в политике США в отношении Японии и КНР⁹. В Докладе министра обороны США отмечаются и такие зоны "опасности": "В регионе

⁷ William S. Cohen. Annual Report to the President and the Congress. DoD, 1998. — Internet.

⁸ Asiaweek, January 39, 1998. — Internet.

⁹ See: Transforming Defense. National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. Wash., DC, Dec., 1997, p. 23.

проблемы суверенитета и различные территориальные споры представляют собой потенциальные источники конфликтов"¹⁰.

До 2015 г., говорится в Докладе, ни одна страна в мире не сможет стать глобальным конкурентом США. Последняя, по крайней мере, до этого времени, останется единственной сверхдержавой. Но "в период после 2015 г. существует возможность, что региональная великая держава, или даже глобальный соперник, может появиться. Некоторые рассматривают Китай и Россию потенциальными соперниками, хотя если взглянуть на них ретроспективно, их будущее представляется довольно неопределенным. У Китая есть потенциал утвердить свою военную мощь в Азии. Соединенные Штаты продолжают реализовывать политику вовлечения в отношении Китая, поощряя сотрудничество в тех областях, где интересы обоих государств переплетаются, а также влияют на него таким образом, чтобы он вносил позитивный вклад в региональную стабильность и действовал как ответственный член международного сообщества. Однако Китай, скорее всего, столкнется с множеством внутренних проблем, включая обеспечение продовольствием своего населения, а также дальнейшее развитие своей экономической инфраструктуры в результате реформирования госэкономики через приватизацию и решая противоречия между современной рыночной экономикой и авторитарной политической системой. Названные проблемы могут замедлить его путь к военной модернизации". А "будущее России будет зависеть от ее способности развивать свою экономику, которая в свою очередь зависит от стабильности политической ситуации".

В специальном разделе "Восточная Азия и Тихоокеанское кольцо" обращают на себя внимание "цели оборонной политики США". Они заключаются в том, что "Соединенные Штаты стремятся к стабильной и экономически процветающей Восточной Азии, которая привержена демократическим реформам и рыночной экономике", т.е. системе капитализма. Другими словами, все виды внешнеполитического воздействия, включая военные, должны служить именно этой фундаментальной цели.

Кстати, большое уважение вызывает одна из приоритетных целей - поиск всех пропавших в годы вьетнамской войны.

В Докладе почти слово в слово повторены направления и формы региональной обороны и активности, изложенные в Стратегии Клинтона. Вместе с тем усилена озабоченность ситуацией на Корейском полуострове. "Наиболее значительной близлежащей опасностью в регионе является продолжающаяся военная угроза,

¹⁰ William S. Cohen. Annual Report..., p. 3.

исходящая из КНДР". К ранее упомянутым причинам здесь добавлено также обладание Северной Кореей химическим и биологическим оружием и средствами их доставки.

Естественно, среди главных соучастников по обеспечению безопасности называются Япония, Южная Корея, Австралия. Подчеркивается необходимость поддержания "диалога" со странами АСЕАН. В отношении Китая повторена формулировка "вовлечения".

И снова в контексте национальной обороны США в Восточной Азии и на Тихом океане Россия не упомянута.

В весьма важном, уже упоминавшемся документе, подготовленном по заказу министерства обороны США, — "Изменяющаяся оборона. Национальная безопасность в 21 веке"¹¹ — делается прогноз угроз и предлагаются ответы на них в период 2010—2020 гг. В этом Документе, во-первых, подчеркивается, что и в указанный период США остаются "мировой военной и экономической сверхдержавой", а во-вторых, утверждается, что Китай станет "одним из главных региональных и глобальных акторов". Под регионом понимается "Тихоокеанское кольцо". Авторы Документа (напомню, это девять весьма известных и авторитетных военных, дипломатов и ученых) не предусматривают в таком же качестве Россию, обосновывая это массой проблем (подробно перечислены), которые перенесутся на десятилетия вперед. Другими словами, по прогнозам одной из самых квалифицированных групп экспертов, Россия не сможет занять один из полюсов "многополюсного мира", который ими тоже не предусматривается.

Стоит обратить внимание на некоторые нюансы в четвертой версии Стратегии безопасности Соединенных Штатов в Восточном Азиатско-Тихоокеанском регионе (ноябрь 1998 г.)¹².

В отношении КНР стал употребляться термин "комплексная вовлеченность Китая", подразумевающий активизацию военных связей между странами. В нынешней ситуации имеется в виду, прежде всего, сотрудничество на базе Соглашения о консультациях в области ВМС, подписанного в январе 1998 г. (р. 34). В то же время в Документе обозначено расхождение по следующему пункту. Как известно, в Белой книге по национальной обороне Китая (июль 1998 г.) зафиксировано положение, что Пекин рассматривает расширение военных блоков и усиление военных альянсов как "факторы нестабильности" в сфере международной безопасности. "Этот взгляд, —

¹¹ Transforming Defense. National Security in the 21st Century.

¹² The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. 1998. U.S. Department of Defense, Washington, DC, November 1998. — Internet.

подчеркивается в американском документе, — противоречит преобладающему признанию, что союзники США в Азии обеспечивают стабильность" (там же).

В нем же впервые выделен блок под названием "Расширение нарождающихся отношений с Монголией", в котором выражена заинтересованность в укреплении связей с МНР в сфере безопасности путем подготовки военных специалистов, совместных учений в деле поддержания мира, установления регулярных контактов военных и политиков на высшем уровне и т.д. (р. 35).

Другими словами, США, судя по всему, всерьез намерены "вовлечь" и Монголию в сферу своей политики безопасности в Восточной Азии.

На последнем месте в контексте безопасности в регионе говорится и о России, деятельности которой дается положительная оценка за ее готовность решить территориальный спор с Японией, расширение отношений с Южной Кореей, улаживание территориальных проблем с КНР и за сотрудничество вооруженных сил России с Тихоокеанским командованием США. Все эти действия рассматриваются как отвечающие национальным интересам США.

Вышеизложенное — это официальные оценки места и роли России в контексте стратегии безопасности США в Восточной Азии. Теперь есть смысл рассмотреть подходы некоторых аналитических центров и организаций.

Место и роль России в Восточной Азии (академический подход)

В обобщенных выводах участников конференции, проведенной Тихоокеанским командованием США (РАСОМ) и Институтом национальных стратегических исследований относительно политики США в Восточноазиатско-тихоокеанском регионе (февраль 1996 г.), указываются все знакомые зоны "опасности", но главный упор делается на Китай, формы и способы его подчинения интересам США¹³.

Россия ни разу не упоминается и в этом обобщенном докладе.

Это не означает, что Россия вообще игнорируется в анализе ситуаций в ВА. Во множестве других аналитических работ она так или иначе упоминается, правда, чаще всего в контексте продажи оружия КНР. Вот некоторые оценки аналитиков.

Бонни Глейзер, консультант Минобороны США, так оценивает место России в мире и ВА. Она пишет: "Советского Союза более не существует, а уменьшенная (truncated) Россия пытается приостановить резкое экономическое падение, в то время

как ее Тихоокеанский флот гниет во Владивостокском порту. Фактически Россия мало принимается в расчет в Азии — ее экономическое присутствие чрезвычайно мало, она оказывает минимальное влияние на политические дела, и ее убывающие военные возможности мало или вообще ничего не дают в регионе. Наибольшее воздействие Москвы в регионе ощущается в сфере продажи оружия, особенно Китаю. Оживление российской экономики могло бы возродить российское влияние, однако, как представляется, для этого понадобится много лет, если не десятилетия"¹⁴.

Другой консультант Минобороны, Бэннинг Гэрретт, полагает: «Россия не в состоянии бросить вызов США и помочь Китаю против американского давления. ...Что же касается геополитического веса китайско-российского "стратегического партнерства", то такой треугольник работает только тогда, когда третий партнер замечает и беспокоится о других двух, которые что-то "замышляют". У меня же сложилось впечатление, что официальные лица США вряд ли обращают внимание на такие события как обмен визитами на высшем уровне и коммюнике, взывающие к мультиполярности, в которой нет одной страны — США, и стремятся установить систему правил для остального мира» (р. 16).

Надо иметь в виду, что вышеназванные оценки принадлежат ученым, так сказать, либерального направления.

Наиболее нелюбимые оценки России, ее внешней политики исходят из Фонда наследия. Его сотрудники, в отличие от либеральных ученых-интеллектуалов, "режут правду", невзирая на лица. При всем этом следует признать, что их аналитические работы, по крайней мере, касающиеся России, ближе к реальности, чем труды большинства американских русологов из других организаций. Мне уже приходилось не раз излагать рассуждения главного эксперта Фонда по России — Ариэля Коэна. Здесь же целесообразно показать мнение специалистов по Азии, точнее, их представления на роль России в американской политике в Восточной Азии.

Фонд наследия каждый год публикует фундаментальные материалы, своего рода рекомендации консервативным политикам США, занимающим любой пост в правительстве, вплоть до президентского. Один из такого типа изданий назывался "Issues '98" (наверное, можно перевести как "Проблемы 1998 г."). В специальном разделе "Интересы Соединенных Штатов в АТР" его автор Дж. Прzystaп дает анализ ситуации в "АТР" (фактически в ВА) и рекомендации для политики США в этом

¹³ Подр. см.: Hans Binnendijk. U.S. Strategic Objectives in East Asia. Institute for National Strategic Studies — "Strategic Forum", Number 68, March 1996. — Internet.

¹⁴ Banning Garrett and Bonnie Glaser. China and the U.S. — Japan Alliance at a Time of Strategic Change and Shifts in the Balance of Power. Stanford University. Asia/Pacific Research Center, October 1997, p. 14.

регионе. Предварительно хочу подчеркнуть, что все главы хорошо структурированы, а рекомендации для действий США финансово просчитаны.

Итак, жизненно важные интересы Америки в Азии (т.е. в "АТР") сводятся к следующему: доступ к рынкам региона, свобода мореплавания, предотвращение появления враждебной силы или группы сил, которые могли бы исключить влияние Соединенных Штатов в регионе, содействие распространению демократии и прав человека¹⁵.

Ключевыми проблемами текущего момента являются финансовый кризис и отношения США с Китаем, Тайванем, Южной Кореей и другими азиатскими странами.

В сфере безопасности целями являются: 1) усиление двусторонних союзнических отношений с Австралией, Японией, Филиппинами, Южной Кореей и Таиландом; 2) укрепление сил передового военного базирования; 3) поддержание открытой мировой экономики и торговой системы.

В принципе, на решение этих трех задач и задействована вся американская внешняя политика в ВА.

Чтобы простой американец понимал, ради чего США должны затрачивать колоссальные ресурсы в регионе, автор приводит ряд данных. Американская торговля, падающая на "АТР", на 60% превосходит объем торговли с Европой. Это означает, что 2,5 млн. американцев имеют работу благодаря экспорту в "АТР". Только экспорт в Японию дает почти 1 млн рабочих мест в США. Кстати, первая цифра была озвучена даже Клинтоном в его обращении к Америке за 1997 г.

В этой главе много говорится, что надо делать с Китаем, Тайванем, с Северной и Южной Кореей, но ни словом не упоминается Россия.

Вместе с тем в ней присутствует весьма симптоматичная рекомендация, которая косвенно, в случае ее реализации, может касаться и России. Автор пишет: "Администрация должна активно работать с Японией и другими своими союзниками и друзьями, прежде всего с Австралией, КР и Республикой Китай на Тайване, **в деле расширения ПРО в регионе** (выделено мной. — *О.А.*). Соединенные Штаты должны оснастить свои наземные и морские силы системами ракетной обороны, а также предложить для продажи такие системы своим ключевым союзникам и друзьям".

Эта рекомендация уже начала обкатываться в военных кругах США, против чего уже несколько раз высказывались в КНР. Россия же не акцентирует внимание на этой теме.

¹⁵ Issues '98. The Candidate's Briefing Book. Ed. by Stuart M. Buttler and Kim R. Holmes. The Heritage Foundation. Wash., D.C., 1998. — Internet.

В следующем ежегоднике "Проблемы 2000 г. Рекомендательное пособие для кандидата" в разделе "Азия", написанном Ларри Уорцелом, Россия хотя и не выделена в отдельный раздел, но два раза была упомянута, причем в первый раз в качестве "потенциальной угрозы" Соединенным Штатам. Имеется в виду ядерный потенциал России, которая наряду с Китаем, с Индией и Пакистаном, а также с возможной ядерной державой — Северной Кореей — создают зону стратегической безопасности для США¹⁶. Эта озабоченность вполне понятна. Непонятно только, каким образом Уорцел в "Азиатско-Тихоокеанский регион" загнал Индию и Пакистан, которые вроде бы расположены в Индийском океане.

Весьма интересно представлена позиция и роль России в ВА Дэвидом Тэнкским в Докладе Института анализа внешней политики, которую возглавляет известный ученый и практик Р. Пфальцграф. Доклад называется "Исследование ракетной обороны Соединенных Штатов. Требования в 2010 году"¹⁷.

Хотя тему ракет я здесь затрагивать не собираюсь, но хотелось бы выделить в этой связи такое заключение автора: "В сфере ракет и ракетной обороны Россия остается одной из главных угроз Соединенным Штатам: во-первых, как источник распространения, из-за чего может возникнуть угроза Соединенным Штатам, во-вторых, как обладатель мощных стратегических ядерных систем под сомнительным контролем слабого центрального правительства". Это для заметки.

А вот как автор доклада представляет позицию Москвы в регионе: «Россия поддерживает военный баланс в Восточной Азии; она чувствует себя уязвимой в этом регионе. (Ее исторические опасения в отношении Японии вновь становятся очевидными.) Российское политическое сообщество верит, что вывод американских сил из ВА без сомнения приведет к перевооружению Японии, возможно, одному из наибольших страхов русских. Таким образом, очевидное большинство, кажется, верит, что ограниченное присутствие США в Восточной Азии... было бы выгодно для российских национальных интересов и вносило бы вклад в стабильный баланс сил в Восточной Азии. В рамках новой расстановки сил многие русские, кажется, верят, что объединенная Корея могла бы стать естественным союзником России — и поэтому Россия активно обхаживает Северную и Южную Корею. Что же касается Китая, то мнения по нему разделились. Часть представителей политического сообщества верит в то, что сильный Китай начнет расширять свои интересы в сторону Юга, что может создать проблемы для Соединенных Штатов и отвлечет внимание США от российских

¹⁶ ISSUES 2000 The Candidate's Briefing Book. Edited by Stuart M. Butler and Kim R. Holmes. Wash. D.C., The Heritage Foundation, 2000, p. 657.

дел. Одновременно небольшая часть политических деятелей также боится, что техническая и военная помощь России Китаю является актом продажи "веревки, на которой тебя же и повесят", поскольку Китай имеет старые претензии к большей части российского Дальнего Востока, берущие начало еще с царских времен предыдущих столетий».

Далее приводится подробная информация о военно-технических связях между Россией и КНР, часть из которых уже упоминалась выше. Главная идея заключена в том, что "будущее русско-китайских отношений станет ключевым фактором в последующих уравнениях безопасности Соединенных Штатов" (там же).

Хочу обратить внимание на следующий факт. Россию в Восточной Азии все чаще и чаще стали рассматривать только в связке с КНР. И все реже и реже как самостоятельный субъект политики, даже в контексте безопасности. Еще один пример, подтверждающий мое суждение. В книге "Азиатский Тихий океан в новом мировом порядке", предназначенной в качестве учебника для студентов университетов, в главе, посвященной проблемам безопасности, пишется: "Россия, которая граничит с Азиатским Тихим океаном, здесь не обсуждается в деталях, поскольку ее региональная активность в настоящее время незначительна, хотя она, возможно, и всплывет как основная держава в будущем. ...Неспособность России играть значительную роль в ближайшем будущем означает, что Азиатский Тихий океан остался только с одной военной сверхдержавой — США, хотя и США могут быть описаны как держава в относительном падении"¹⁸. Последнее немножко утешает.

* * *

Столь подробное цитирование было необходимо для того, чтобы российские специалисты трезво отдавали себе отчет в том, как воспринимают политики и ученые в США место и роль России в Восточной Азии. Не имеет значения, заблуждаются они или нет. Надо знать, что весьма часто именно "заблуждения" или "misperception" кладутся в основу внешней политики, о чем в свое время убедительно писал американский международник Джон Стоссенджер как раз на примере отношений Китая, России и Америки. На эти заблуждения тратились миллиарды долларов впустую. Проблема в том, чтобы сами русские наконец перестали заблуждаться на свой счет, ударяя в барабаны в связи с очередным визитом какого-нибудь высокопоставленного деятеля в Японию или Китай и трезвоня об очередном прорыве в

¹⁷ Exploring U.S. Missile Defense Requirements in 2010: What Are the Policy and Technology Challenges? Institute for Foreign Policy Analysis. April 1997. — Internet.

"АТР". Точно так же русские должны, по крайней мере, осознавать, что США перестали рассматривать Россию как великую державу. Это зафиксировано не только в официальных документах, это проявляется и в практической политике, когда любая стратегическая акция Вашингтона осуществляется без оглядки на Москву.

¹⁸ Asia-Pacific in the New World Order. Ed. By Anthony McGrew and Christopher Brook. NY/L:Routledge, 1998, p. 88.

Глава II. XXI век — восстановление биполярности, или Вызов Китая и ответ США

США — гегемон до середины XXI века

Известно, что Россия на официальном уровне отстаивает тезис о многополярности мира как более продуктивном и стабильном миропорядке. Известно также и то, что аналогичный тезис декларируется и официальным Пекином. Многие аналитики и политики справедливо усматривают в этом тезисе о многополярном мире идею антиамериканизма. Психологически это понять можно, поскольку России, в недавнем прошлом в качестве СССР, занимавшего статус сверхдержавы, весьма неуютно чувствовать себя на второстепенных ролях в мировой политике. Китай, в силу объективных причин, на данный момент также заинтересован в многополярности, поскольку пока он не обладает потенциалом для претензий на сверхдержавность.

Как тактический ход концепция многополярности, может быть, и не плоха. Но если исходить из реальности, то необходимо признать, что в нынешнем мире есть одна сверхдержава — США, и этот статус они сохраняют до середины следующего века. Этот тезис можно было бы подтвердить рядом цифр из любой сферы международной политики. Но на этот тезис, если можно так выразиться, работает и Теория длинных циклов, разработанная рядом американских теоретиков, прежде всего Дж. Модельским и У. Томпсоном.

Теория длинных циклов Дж. Модельского и У. Томпсона

Я не собираюсь детально останавливаться на данной теории¹. Напомню только, что ее сторонники исходят из периодичной смены исторического глобального процесса каждые 500 лет, в рамках которого столь же периодически меняются фазы политического цикла каждые 120 лет. Некоторые теоретики, как, например, Терри Босуэлл, добавляют к этим фазам еще волны Кондратьева (это 60-летние экономические циклы), чтобы учесть динамику изменения экономических процессов. На основе анализа всех этих фаз и циклов определяются и прогнозируются страны-гегемоны на тот или иной период.

¹ В краткой форме эта теория и ее критика (У. Гольдфранк) изложена в статьях: George Modelski. THE EVOLUTION OF GLOBAL POLITICS. — *Journal of World-Systems Research*, 1995, Volume 1, Number 7; Terry Boswell. Hegemony and Bifurcation Points in World History. — *Journal of World-Systems Research*, 1995,

В соответствии с Теорией длинных циклов с 1945 г. на статус политического лидера стали претендовать США, которым бросил вызов на соперничество Советский Союз. В силу множества причин (названные теоретики главным образом при этом указывают на "морскую державность" США) СССР проиграл борьбу за гегемонию. США выиграли. И в качестве единственного лидера или гегемона они доживут до середины следующего века.

В соответствии с этой теорией в начале XXI века появится новый субъект мировой политики, который начнет оспаривать гегемонию США. Если следовать логике данной теории, то новый центр силы должен заменить США к середине XXI века. Обычно в качестве претендента на нового лидера не без оснований называют Китай, который, однако, не успеет набрать все атрибуты гегемона из-за такого нового явления как глобализация. Поскольку глобализованная система потребует иной структуры международных отношений и иной тип управления в виде мирового правительства, которое и будет решать всемирные проблемы на основе справедливости и т.д.

Хотя я лично не являюсь буквальным сторонником Теории длинных циклов (в ней много заидеологизированных моментов с позиции англо-американского центризма), тем не менее я согласен в главном: в мировой истории все время шла борьба за гегемонию. У меня нет оснований считать, что XXI век станет мудрее предыдущих веков, несмотря на всевозможные революции в области знаний. Эта борьба за гегемонию, на мой взгляд, будет продолжаться и в XXI веке как минимум до середины XXI века.

Конечно же, функции американского лидерства так или иначе будут ограничиваться и объективно сужаться. Однако приведет ли это к складыванию многополярной структуры в виде государственных центров, скажем, США, Японии, Германии, КНР и России? ² Ответ не однозначен. Причина простая: для того чтобы занять место "полюса" или центра необходимо обладать потенциалом "сверхдержавы", т.е. таким экономическим потенциалом, военной силой и политическим влиянием, чтобы все названные составляющие одновременно ощущались международной средой в любой точке земного шара. Ни одно из перечисленных государств, за исключением США, таким набором "сверхдержавности" на данный момент не обладает. Потенциально же все названные качества могут приобрести только Россия и КНР. В силу множества причин наибольшие шансы стать такой "сверхдержавой" имеет именно Китай, географически расположенный в центре Восточной Азии.

Volume 1, Number 15; W. L. Goldfrank. BEYOND CYCLES OF HEGEMONY: ECONOMIC, SOCIAL, AND MILITARY FACTORS. — Journal of World-Systems Research. Volume 1, Number 8, 1995.

² Надо иметь в виду, что встречаются взгляды (например, выраженные С. Роговым), в соответствии с которыми многополярность трактуется как регионально-экономические центры или экономико-

Возвышение Китая

Известно, что китайские планы реформ распространяются до 2050 года, а начались они в начале 80 г., т.е. в какой-то степени цикл реформ соответствует волнам Кондратьева. После завершения этого цикла КНР станет как минимум второй экономической державой, а некоторые аналитики предполагают, что и первой, если исходить из абсолютных макропоказателей.

Что дает основание для подобных прогнозов?

Прежде всего, динамика экономического развития за последние 20 лет. А она такова³.

Валовой внутренний продукт. ВВП КНР вырос с 362,41 млрд юаней в 1978 г. до 7477,24 млрд юаней в 1997 г., т.е. более чем в 20 раз, а в постоянных ценах почти в 5 раз. Переведенные по официальному обменному курсу в доллары ВВП КНР будет соответствовать 902 млрд долл., это 7-е место в мире после США, Японии, Германии, Франции, Англии и Италии.

Экономика в целом развивалась темпами 9,8% в год между 1979—1997 гг., что на 6,5% выше среднемировых темпов роста, на 7,3% выше темпов роста развитых государств и на 4,8% — развивающихся государств. Китайские темпы превосходили темпы развития экономики даже таких азиатских "тигров", как Сингапур, КР, Тайвань и Малайзия на 1,9—3,5%.

Некоторые виды промышленного производства. В 1978 г. и в 1997 г. Китай производил стали 32 и 109 млн т, угля — 618 и 1,370 млн т, цемента — 65 и 510 млн т, электроэнергии — 256 (7-е место в мире) и 1,100 млрд кв час (2-е место).

Внешняя торговля. Общий объем внешней торговли за период с 1978 по 1997 гг. вырос с 20,64 млрд долл. до 325,06 млрд долл., передвинув КНР по данному показателю с 27 на 10 место.

Резервы иностранной валюты. В 1978 г. Китай владел резервами в сумме 167 млн долл., в 1997 г. она скачкообразно выросла до 139,9 млрд долл. (2-е место). К этому надо добавить, что аналогичные резервы Гонконга составляют 92,8 млрд долл. (3-е место).

Привлечение иностранного капитала. Движение иностранного капитала стало ощущаться только со второй половины 80-х годов, и его общая сумма достигла 348,35

интеграционные зоны. Это совершенно иной срез анализа, вскрывающий макроэкономические процессы в системе мировых хозяйственных связей. У нас же речь идет совсем о другом.

³ Нижеприведенные данные, за исключением специально оговоренных, почерпнуты из: Beijing Review, 1998, № 52, December 23—29.

млрд долл. в 1997 г. (из них прямые инвестиции — около 220 млрд долл.). В 1998 г. правительство утвердило 20 тыс. проектов с участием иностранного капитала и подписало контрактов на сумму 52,2 млрд долл. Прямые инвестиции составляли 45,6 млрд долл.⁴. По данному показателю Китай занимает 1-е место среди развивающихся государств и 2-е — среди развитых (на 1-м стоят США). Надо при этом иметь в виду, что 70% всего иностранного капитала приходится на специальный административный район (САР) Гонконг и Тайвань.

Уровень жизни. Уровень потребления китайцев за последние 20 лет рос на 7,3% ежегодно. Тем не менее ВВП на душу населения составил в 1997 г. 733 долл. Это значительно ниже уровня развитых и индустриализующихся государств.

Международные позиции КНР по некоторым макроиндикаторам

	ВВП	Уголь, одежда	Сталь, цемент, хлопок, мясо, зерновые, рапс, телевизоры	Эл-во	Хим. удоб.	Сырая нефть	Внешняя торговля	Резервы ин. валюты	Ин. капитал
1978		1	2-16	7	4	8	27		
1997	7	1	1	2	2	5	10	2	2

Такова динамика экономического развития Китая.

В год 50-летия КНР журнал "Бэйдзин Ревью" опубликовал сравнительные данные за период с 1952 г. по 1998 г. Динамика представлена в нижеприведенной таблице.

	1952 г.	1998 г.	1952-1998, %
ВВП, млрд юаней	67.9	7,955.3	7,7
Промыш. производство, 1949 г.			13,6
Сырая нефть, т	120 тыс.	161 млн	
Сталь, т	158 тыс.	115.59 млн	
Электричество, млрд квч	4.3	1167	
Сельское х-во, млрд юаней	34.3	1,429.9	3,3
Третичный сектор:			
Транспорт, почта, телеком, млрд юаней	2.9	502,9	8,6
Банки и страхование, млрд юаней	1.1	401,7 (1996 г.)	
Жизненный уровень, юани	80	2 973	
Внешняя торговля, млрд долл.	1.13 (1950)	323.9	12,5
Резервы ин. валюты, млрд долл.		144.96	

Ист.: Changes in 50 Years — "Beijing Review", September 27, 1999.

⁴ Beijing Review, № 15, April 12—18, 1999.

По данным Всемирного банка, в 1999 г. ВВП КНР по предварительным расчетам составлял 980.2 млрд долл. (7-е место в мире), при населении в 1 млрд 250 млн человек на душу населения приходилось 780 долл. (140-е место в мире). При пересчете по ППС, ВВП КНР составляло в том же году уже 4,112.2 млрд долл. (2-е место в мире), на душу населения — 3 291 доллар (128 место)⁵.

В связи с категорией ППС-PPP (паритет покупательной способности - purchasing power parity) надо иметь в виду следующее. С экономической точки зрения, разница заключается в том, что использование номинального обменного курса (или номинальной покупательной способности — НПС) для перевода его из постоянных цен в локальную валюту необходимо при ответе на вопрос: сколько долларов понадобится для обмена на местную валюту по специфическому обменному курсу для того, что купить рыночную корзину ВВП на местные деньги по *местным* ценам? Использование же ППС требует другого вопроса: сколько долларов необходимо иметь, если та же рыночная корзина *продавалась* бы по американским ценам? Надо иметь в виду, что большие объемы, а также скорость движений международного капитала в большей степени затрагивает номинальные курсы валют, чем курсы по ППС. Другими словами, номинальные изменения курса валют более подвижны и чаще меняются, чем цены по ППС. Отсюда некоторые авторы делают вывод, что система ППС более подходит для сравнительного анализа экономик и уровня жизни различных стран, чем НПС. Однако для оценок проблем национальной безопасности, где велика доля военной технологии, закупаемой за рубежом (например, для Японии эта доля приблизительно равна 16%, Китая — 5, Индии — 12, Кореи — 33, а Индонезии — почти 100%) предпочтительнее использование НПС (как более тесно привязанного к внешней торговле)⁶.

Другими словами, когда идет сравнение экономических потенциалов стран, предпочтительнее методика ППС. Но когда речь идет о международной деятельности стран в целом, то анализ сравнительных затрат на нее целесообразнее делать по системе НПС. (Хотя, безусловно, надо учитывать факт, в какой зоне осуществляется международная деятельность: зоне Первого, Второго или Третьего мира. Разница в расходах на одну и ту же деятельность в названных зонах очевидна).

Американские эксперты на всякий случай стали давать прогнозы развития одновременно по двум системам: НПС и ППС.

Итак, Китай по первому индикатору занимает ныне 7-е место в мире, а через ППС — 2-е место в мире, причем с 1995 г. По прогнозам, сделанным в том числе специалистом

⁵ World Bank, World Development Report 2000/2001. Attacking Poverty. Washington DC, 2001, p. 274.

⁶ Подр. о методике подсчета по НПС и ППС см.: Wolf, Charles, Jr., Asian Economic Trends and Their Security Implications, MR-1143-OSD/A, RAND 2000, p. 11—13.

по сравнительной экономике Ангусом Мэддисоном, даже при снижении ежегодного темпа роста ВВП до 5,5%, ВВП КНР достигнет уровня ВВП США в 2015 г.⁷ Это означает, что если в начале реформ, с 1978 г., ВВП Китая составлял 5% от мирового ВВП, а в 1998 г. — 10%, то к 2015 г. он достигнет 17% мирового ВВП⁸.

В рамках "РЭНД Корпорэйшн" Чарльзом Вольфом был сделан прогноз по пяти странам Восточной Азии (Япония, Китай, Южная Корея, Индонезия и Индия) до 2015 г. на основе отработанных методик. Этот прогноз демонстрирует следующую динамику, которая отражена в двух таблицах.

Тенденция роста ВВП и военных расходов, 1995—2015 г.

	1995		2000		2015	
	А	Б	А	Б	А	Б
ВВП, млрд долл						
НПС	910	910	1,206	1,156	2,508	1,723
ППС	4,513	4,513	5,983	5,732	12,437	8,547
Военные расходы, млрд долл						
НПС	18	18	24-39	23	51-75	35
ППС	90	90	120-180	115	249-373	171

Примечание: А — сценарий стабильного роста (ежегодный прирост между 5,8 и 4,8% за обозначенный период); Б — сценарий прерывистого роста (ежегодный прирост от 4,9% в начальный период до 2,1% в последнее пятилетие); оценка по ценам 1998 г.

Ист. Wolf, Charles, Jr., Asian Economic Trends and Their Security Implications, MR-1143-OSD/A, RAND 2000, p. 36, 37 (табличные).

Сравнение ВВП и военных расходов трех стран в 2015 г., трлн долл

	Китай		Япония	Индия
	А	Б		
ВВП				
НПС	2.5	1.9	6.8	1.1
ППС	12.4	8.5	3.6	6.7
Военные расходы				
НПС	51-75	35	74.8	42.9
ППС	249-373	171	39.9	267.0

Ист. Wolf, Charles, Jr., Asian Economic Trends and Their Security Implications, RAND 2000, p. 14,19 (табличные).

⁷ Colm Foy and Angus Maddison. China: a world economic leader? — Observer, №215, January 1999. — Internet. Подр. о прогнозах экономического развития КНР см.: Angus Maddison. Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD, 1998.

⁸ The Economist, October 24th 1998, p. 23.

К ВВП КНР необходимо добавить также ВВП Гонконга и Макао, которые поочередно в 1997 г. и 1999 г. "соединились" с материком. Плюс совокупный экономический потенциал хуацяо в ЮВА, который, по разным подсчетам, составлял в 1990-е годы от 550 до 700 млрд долл. При таком добавлении, имея в виду при этом динамику их роста за последующие 15 лет, можно предположить, что общая совокупная китайская доля в мировом ВВП будет равна примерно 22—25% (нынешняя доля США). Совершенно очевидно, что такая доля соответствует уровню сверхдержавы.

Наращивание экономической мощи КНР даже при указанном сокращении темпов экономического развития может превратить эту державу в ядро панкитайского анклава, интеграционно связанного на первых порах со всеми странами АСЕАН, где сильны позиции хуацяо. На следующем этапе существует большая вероятность интеграционной увязки этого анклава с экономиками двух Корей. А в дальней перспективе, не исключено, и с Японией.

Противниками подобной панкитайской интеграции по естественным причинам являются США и Япония, откровенно добывающиеся "открытой интеграции АТР", например в рамках АТЭС⁹. И хотя на данный момент Пекин, заинтересованный в иностранных инвестициях и во внешнеторговых связях с теми же США и Японией, не возражает против "открытой интеграции", но со временем, по мере складывания интеграционной зоны вокруг Китая, он вынужден будет предпринять меры по защите интеграционного комплекса, в том числе и с использованием военных инструментов политики. И в этом вопросе не надо питать никаких иллюзий.

Надо просто учитывать законы международных отношений. Любой складывающийся интеграционный экономический анклав порождает два взаимосвязанных явления: бурный экономический рост и стремление защитить экономические интересы военными средствами. Этот тезис наглядно подтверждается системами военной защиты в Европе (НАТО — Европейское сообщество) и в Северной Америке (механизм американо-канадского военного сотрудничества — НАФТА). Не является исключением и Китай. Совершенно естественно, что он будет наращивать свой военный потенциал в соответствии со своими военными программами и доктриной национальной

⁹ Некоторые считают, что именно в рамках АТЭС будет происходить экономическая интеграция. Я полагаю, что эта концепция в принципе не реализуема, точно так же, как и уже забытая концепция Тихоокеанского сообщества. Во-первых, уже само словосочетание "открытый регионализм" — это нонсенс. Регионализм — не может быть открытым, иначе он не "регионализм". Во-вторых, невозможна подлинная экономическая интеграция стран, расположенных на таких удаленных друг от друга громадных расстояниях, разделенных к тому же водными пространствами. Если, конечно, не путать понятие экономической интеграции с понятием экономической глобализации (или интернационализации). Кроме того, надо иметь в виду, что АПЕК — это форум для дискуссий, а не для выработки решений, которые должны осуществлять государства.

безопасности¹⁰. Именно на это и нацелена программа модернизации военного потенциала КНР, в которой упор делается на ядерно-стратегическое оружие и ВМС¹¹. Безусловно, темпы и масштабы военного строительства будут зависеть не только от внутренних ресурсов страны, но и общего контекста международной обстановки. Но как бы там ни было, военный потенциал КНР, по прогнозам тех же американцев, может оказаться сопоставимым с потенциалом США к середине XXI века¹².

В любом случае КНР превращается в полноправного участника геостратегической игры в XXI веке по масштабам, адекватным значимости США.

Хорошо это или плохо? Ответ на этот вопрос зависит от идеологической позиции ответчика. Российские демократы, уповающие на торжество капитализма в России и, следовательно, экономически, политически и идеологически ориентирующиеся на Запад, однозначно отвечают: плохо. Плохо, дескать, не только для мира, но и для России. Некоторые, как, например, А.Д. Богатуров, даже предлагают некие варианты "мягкого сдерживания" КНР при опоре "на поддержку США и их партнеров", поскольку Китай "потенциально остается источником самой серьезной геополитической опасности для России"¹³.

Российские ученые левой ориентации, наоборот, в возвышении Китая видят возможность формирования антиамериканского фронта, исходя из стратегических противоречий между КНР и США. В таком ключе, например, пишет известный китаист А.Г. Яковлев¹⁴.

Мне уже приходилось делать критический анализ работ российских ученых. Здесь же уместнее будет остановиться на реакции американцев, поскольку такой ход событий, прежде всего, затрагивает великодержавный статус именно США.

Реакция США на возвышение КНР

Среди американских ученых также нет однозначной позиции относительно будущей роли КНР на международной арене. Есть немало ученых, которые допускают вероятность

¹⁰ Подр. см.: О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность. М., 1997, с. 290—313; его же, Восходящий Китай: стратегия безопасности КНР и место России во внешней политике Пекина. — ИГ-Сценарии. № 2, февраль 1999, с. 15. Chinese Views of Future Warfare./ Collection by M.Pillsbury. Institute for National Strategic Studies, 1997. — Internet.

¹¹ See: David Paul Benjamin. SEA POWER IN SOUTHEAST ASIA. USA, 1996. — Internet. Swaine Michail D. The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking.Rand, 1998. — Internet.

¹² Подр. см.: Exploring U.S.Missile Defense. Requirements in 2010:What are the Policy and Technology Challanges? Wash.:IFPA, April 1997. — Internet.

¹³ А.Д. Богатуров. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995). М., 1997, с. 294, 285.

¹⁴ А. Яковлев. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка. — Проблемы Дальнего Востока, 1998, № 6.

превращения Китая в сверхдержаву. Не меньше и тех, кто скептически относится к возвышению "дракона". Аргументами у них являются фиксация множества проблем в КНР, которые, как они надеются, не позволят этой стране "дотянуть" до статуса сверхдержавы¹⁵. В принципе, и оптимисты, и пессимисты правы, каждый по-своему.

Действительно, если существующие в Китае проблемы примут характер острых противоречий, например между городом и деревней, богатыми и бедными, центром и провинциями, а самое главное, между социалистической надстройкой и смешанным базисом, то может произойти резкая дестабилизация внутри страны, которая приведет ее к коллапсу, аналогичному российскому. Если же китайское руководство сумеет разрешить существующие противоречия, тогда окажутся правы оптимисты поневоле ("поневоле" потому, что их также не радует вероятность возвышения КНР).

Но американские ученые и политики тем и отличаются, скажем, от российских ученых и политиков, что они просчитывают как "худшие" (возвышение Китая), так и "лучшие" (коллапс реформ) сценарии, так сказать, надеясь на "лучшее", но готовясь и к "худшему". Американцев отличает еще одна уникальная черта: они не полагаются на объективные законы и закономерности международных отношений (например, закономерность смены структур: гегемония—многополярность—биполярность). Они, как истые мичуринцы, "не ждут милостей от природы", а стремятся эту природу изменить в соответствии с собственными национальными интересами, не заботясь при этом об интересах других стран или народов.

Но для начала я хотел бы изложить оценки неправительственных экспертов о глобальных тенденциях до 2015 г. Материал подготовлен под эгидой ЦРУ¹⁶. Нас интересует китайская часть.

Все специалисты отмечают трудности прогнозирования Китая на период в 15 лет из-за множества неясных переменных. Одни полагают, что китайская мощь за это время усилится благодаря росту экономики и военных возможностей, что даст возможность ему претендовать на лидерство в регионе. Другие, скептики, исходят из того, что множество политических, социальных и экономических причин поставят под угрозу стабильность и законность режима. Некоторые утверждают, что Китай будет избегать конфликтов ради сохранения стабильного экономического роста и обеспечения внутренней стабильности. В то же время сильный Китай будет стремиться к действиям, направленным на

¹⁵ В этом смысле к "пессимистам" можно отнести, например, ученых из Центра Никсона. См.: Lampton, David M. and May, Gregory C. *Managing U.S.-China Relations in the Twenty-First Century*. Wash.DC, The Nixon Center, 1999.

¹⁶ *Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts*. NIC 2000-02, December 2000. — Internet.

приобретение преимуществ, следствием которых может стать даже риск конфликта с соседями и некоторыми внерегиональными державами. При ослабленном же Китае повысится уровень преступности, распространения наркобизнеса, нелегальной миграции, ОМУ и усиления социальной нестабильности.

НОАК останется самой большой армией в мире, но не успеет полностью модернизироваться к 2015 г. Китай может сократить технологический разрыв от Запада в тех или иных системах оружия. К 2015 г. резко возрастут возможности Китая в региональных военных операциях. К этому же времени Китай разместит от десятка до нескольких десятков ракет с ядерными боеголовками, нацеленных против Соединенных Штатов, скорее всего, мобильные ракеты наземного и морского базирования. Он также будет иметь сотни баллистических ракет близкого радиуса действия и крылатые ракеты для использования их в региональных конфликтах. Некоторые из этих ракет будут иметь ядерные боеголовки, большая же их часть — обычные боеголовки.

Следует подчеркнуть, что если относительно военного потенциала эксперты обнаружили совпадение взглядов, то относительно усиления Китая как великой державы их мнения разошлись. Одни считают, что Китай добьется этого статуса, другие — нет. Причина — множество проблем внутреннего характера.

Далее я хочу сконцентрироваться на взглядах оптимистов, точнее, какие последствия они видят в возвышении КНР для интересов США и какую политику в этой связи они должны проводить¹⁷.

В аналитическом сборнике "Стратегические оценки", ежегодно публикуемом Университетом национальной обороны США¹⁸, сразу же утверждается, что КНР "стремится стать глобальной сверхдержавой" и распространить "свое влияние по всему земному шару". Подобные устремления Пекина являются вызовом для США и их союзников, поскольку в основе стратегии Китая лежит "национализм". К тому же, по мнению авторов, китайские лидеры играют в игру с "нулевой суммой" (т.е. выигрыш одного означает проигрыш другого).

Авторы выделяют три зоны непосредственного столкновения интересов между США и КНР. Первая связана с неизбежным устремлением КНР в районы Среднего и Ближнего Востока "за нефтью" вследствие скачкообразного роста энергопотребления экономикой Китая. Это приведет к конфронтации с уже обосновавшимися в этом районе США, Японией и другими индустриальными державами. К этому прогнозу можно

¹⁷ Официальная позиция Вашингтона относительно роли Китая в стратегии США изложена мной в работе: Стратегические перспективы России в Восточной Азии. М.: МГИМО, 1999.

¹⁸ Strategic Assessment, 1997. Wash.: NDU, 1997. — Internet.

добавить еще одну зону потенциальных противоречий между КНР и Западом из-за той же самой нефти и газа. Это район Прикаспия и Средней Азии.

Следующую зону конфликта, по мнению авторов, формирует политика "многополярности", которую осуществляет Пекин. Ее суть заключается в стимулировании появления новых центров политики и усиления старых центров, что вкуче как бы снижает сверхдержавное значение американского центра. Ее проявлением являются попытки "дискредитировать" систему американо-японской безопасности, ослабить военные связи США со странами АСЕАН, укрепить "стратегическое партнерство" с Россией и странами Центральной Азии, усилить экономические отношения с Европой, Ближним Востоком, особенно с Ираном, и Африкой.

Наконец, третьей очевидной зоной столкновения является Тайваньская проблема. Авторы оценок, признавая большие возможности Китая в деле экономического развития, вместе с тем не видят оснований для беспокойства по этому поводу вследствие скромного военно-стратегического потенциала КНР, возможности которого качественно не изменятся и к 2010 г. Отсюда делается вывод о том, что между КНР и США вряд ли произойдет военный конфликт до 2006 г., и даже до 2016 г. Однако за пределами этого периода уже однозначной ясности нет, поэтому "необходимо сделать все возможное, чтобы отвлечь Китай от военно-стратегического соперничества с США". Это возможно на путях вовлечения КНР в диалоги по всему спектру международных проблем, как на двусторонней, так и на многосторонней основе. То есть предлагалась та же политика "вовлечения", которую и осуществляла администрация Клинтона.

В следующих "Стратегических оценках" (за 1998 г.)¹⁹ выражена большая обеспокоенность относительно Китая. Многократно проводится мысль: "В течение следующих 20 лет или около того Китай окажется способным обладать громадным потенциалом, чтобы бросить вызов США и ключевым ценностям в регионе экономическими, политическими и военными средствами. Его потенциал для такого вызова уже превосходит потенциал России". Серия действий Пекина, таких как идеи "Партнерство по сотрудничеству в области безопасности", стратегический подход по снижению значимости американо-японского стратегического альянса, выдвижение концепции многополярности внутри региона — все это направлено против лидерства США в делах региональной безопасности.

Авторы убеждены, что большую часть противоречий между Пекином и Вашингтоном невозможно преодолеть, и поэтому задача заключается в том, чтобы,

¹⁹ Strategic Assessment 1998. Engaging Power for Peace. Wash., DC, NDU, March 1998. — Internet.

признавая эти противоречия, попытаться ограничить их негативный эффект, одновременно находя поля для взаимодействия, например по проблемам Корейского полуострова или в сфере нераспространения ОМУ.

Еще больший пессимизм просматривается в "Стратегических оценках" 1999 г., который проявляется даже в названии подзаголовка — «Азиатско-Тихоокеанский регион: мрачное будущее?» В отношении Китая говорится, что он попытается "изменить региональный порядок таким образом, чтобы интересы США представляли меньшую опасность (для Пекина), чем в настоящее время"²⁰. В этом сборнике выражено открытое сомнение относительно возможности реализации идей "Конструктивного стратегического партнерства", зафиксированных в ходе визита в Вашингтон Цзян Цзэмина в 1997 г. и Б. Клинтона в Пекин в 1998 г. Столь печальный настрой был вызван серией взаимных акций Вашингтона и Пекина (намерение создать ПРО ТВД в Восточной Азии, шпионская деятельность по краже военных технологий в США и т.д.). Однако успокаивающими для американских экспертов были намечающиеся экономические трудности в Китае, которые, по их мнению, должны привести к "социальным волнениям и забастовкам", а также к снижению экономического роста до уровня ниже 5%. Отметим, что такого рода ожидания не оправдались (волнений не произошло, а рост был на отметке около 7%).

Под эгидой Университета национальной обороны существует Институт исследования национальной стратегии, публикации которого утверждаются президентом Университета. Оба этих учреждения тесно связаны с Пентагоном и другими внешнеполитическими ведомствами США. Поэтому сотрудники Университета и Института (зачастую это одни и те же люди) могут оказывать непосредственное влияние на действующих политиков и военных.

В 1998 г. Институт опубликовал книгу, в которой собраны выступления одной из конференций, специально посвященной Китаю²¹. Участниками этой конференции был весь цвет американской китаистики (Н. Ларди, К. Нилер, Дж. Лилли, Р. Соломон, Р. Фишер, П. Годвин, М. Пилсбери, М. Нахт, Т. Робинсон и др.).

Все они убеждены в неизбежном усилении Китая, что, по их мнению, может оказать негативное воздействие на "национальную безопасность" США. Этот тезис обосновывается серией аргументов, в частности бывшим послом США в Пекине Дж. Лилли. Ход его рассуждений следующий.

²⁰ Strategic Assessment 1999. Priorities for a Turbulent World. Wash., NDU, 1999, p. 133.

²¹ Strategic Trends in China. Ed. by Hans Binnendijk and Ronald N. Montaperto. NDY/INSS, 1998. — Internet.

Он полагает, что, несмотря на официальную риторику Пекина ("не претендовать на гегемонию", "выступать против политики силы", "не вмешиваться во внутренние дела других стран"), в реальности Китай вовлечен в глобальную шахматную игру от Персидского залива до Корейского полуострова. Следовательно, китайская "зона активной обороны" затрагивает интересы США, что делает столкновение между державами неизбежным. Сама концепция "активной обороны" в изложении китайского генерала Ли Дзидзюня (Li Jijun) перед слушателями Национального военного колледжа США в изложении Лилли означает следующее: «"Активная оборона" включает стратегию ограниченной, высокотехничной войны со слабыми соседями на китайской периферии, особенно на прибрежной периферии. Интегральной частью этой стратегии является установление оборонной зоны вокруг центра (сердца) Китая, цепи островов и периметра, распространяющейся от островов Спратли, через Тайвань и острова Сэнкаку и заканчивающейся на севере Кореи. Внутри этой "зоны активной обороны" Китай планирует стать доминирующей державой». Последнее, думаю, Лилли прибавил сам.

Со ссылкой на М. Пилсбери Лилли подчеркивает, что реализация китайской стратегии вполне может предусматривать атаки на американские спутники, платформы для "Стелс" и на авианосцы. Такая стратегия означает кардинальное изменение в китайской истории и стратегической мысли и означает переконцентрацию внимания с материкового врага (имеются в виду враги с Севера) на морских врагов (намек на морскую державу, т.е. США).

В этой связи Лилли предлагает видоизменить официальную политику "вовлеченности" Китая на политику "балансирования между вовлеченностью и сдерживанием". (Весьма кардинальное видоизменение в преддверии возвышения КНР.) Последнее предполагает наращивание военных сил США в регионе ВА, включая размещение систем ПРО, против чего выступает Пекин. Самое же примечательное в следующем абзаце: "Соединенные Штаты должны сделать все, чтобы стимулировать перефокусировку внимания Китая с морей на внутренний азиатский хартланд. Если политика США окажется успешной и Китай снизит уровень своих ожиданий, связанных с морской стратегией, это восстановит традиционные источники благосостояния и угроз во внутренней Азии".

Если отбросить словесную эквилибристику, присущую американскому дипломату, то окажется, что он всего-навсего советует Вашингтону заставить Китай направить острие своей обороны против России, т.к. никого достойного стратегического соперника у Китая на севере Азии, кроме России, нет. Тем самым восстанавливается "историческая", а значит, и традиционная вражда двух стран. Обращает внимание, сколь похожи эти рассуждения на "умозаключения" А.Д. Богатунова.

Российская тема в контексте отношения США с КНР углублена другим участником диспута — Шерманом Гарнетом (Фонд Карнеги). В его выступлении также можно найти немало оригинальных суждений. Так, Гарнет крайне скептически относится к возможности формирования китайско-русского стратегического альянса в будущем, что, естественно, не исключает наличия взаимных интересов между странами. Интерес России к КНР, по его мнению, вызван не антинаатовскими или антизападными настроениями, а опять же исторической традицией, военными перипетиями, а главное, нынешней слабостью России в Азии. Пекин же исходит из чисто прагматических интересов, закрученных на трех темах: решение территориальных проблем, подключение к российским энергоресурсам и к возможностям импортировать оружие.

Поскольку территориальные проблемы к настоящему времени практически решены, остаются последние две темы. Что касается энергоресурсов, то сотрудничество в этой области не может оторвать Россию и КНР от Запада по той простой причине, что реализация всех этих газонефтяных проектов невозможна без капиталов и технологий США и Японии, а также других развитых государств. Некоторый эффект на скрепление "стратегического партнерства" могут оказать продолжающиеся поставки вооружений Китаю. В целом же это партнерство будет иметь двусмысленный характер, поскольку сохраняется тенденция ослабления мощи России при усилении мощи Китая. То есть Россия может занимать только роль "младшего партнера" в данной связке, на что Москва даже по психологическим мотивам согласиться не сможет. Кстати, другой ученый, Т. Робинсон, обращает внимание на то, что Россия впервые за 150 лет оказалась слабее Китая. Он, естественно, имеет в виду экономические потенциалы двух государств.

Слабость "стратегического партнерства" Гарнет видит и в том, что Россия фактически не в состоянии выполнить ни одного взятого на себя обязательства ни по одной из проблем, которые затрагивают стратегические интересы сторон. А посему, делает вывод американский ученый, российско-китайские отношения "не должны особо беспокоить Соединенные Штаты, т.к. Россия продолжает оставаться державой, сила которой в Азии продолжает уменьшаться".

Иного взгляда придерживается уже упоминавшийся Т. Робинсон. Он как раз с озабоченностью констатирует факт снижения внимания к связке "Россия — Китай" у политиков и даже у научной элиты США. Он согласен, что в краткосрочной перспективе действительно эти отношения существенно не повлияют на характер политики КНР и США. Однако в долгосрочной перспективе вследствие неизбежных изменений внутри России и Китая эта связка может кардинально видоизменить глобальную конфигурацию в системе международных отношений.

Тем не менее в общих рекомендациях этого сборника подчеркивается: в настоящее время "китайско-российское стратегическое партнерство в 21 веке" не угрожает интересам США. "Эти связи носят тактический, а не стратегический характер". "Однако они могут усложнить отношения Вашингтона с обеими странами и представлять угрозу интересам США, если не осуществлять правильную дипломатию".

В марте 2000 г. под эгидой упомянутого Института и Университета был проведен очередной симпозиум по теме "Азиатские перспективы в связи с вызовом Китая", в котором приняли участия ученые различных стран Восточной Азии. В заключительном докладе было сделано ряд важных выводов, среди которых следует выделить следующие²².

Китай достигнет статуса великой державы при реализации двух важнейших целей. Первая — это создание экономики мирового класса и адекватной военной силы. Вторая цель — завершение национального воссоединения, что означает возврат Тайваня и переход некоторых спорных территорий в Южно-Китайском море под суверенитет Китая. При этом "Пекин использует военную силу для достижения целей воссоединения, если она понадобится".

Признав неизбежность перехода Китая в разряд великих держав, многие участники отмечали, что этот процесс будет нелегким, главным образом в связи с внутренними проблемами в стране (мусульманский национализм, "экономический национализм", слабость политической структуры и т.д.).

Несмотря на подобные выводы, участники выразили мысль, что в ближайшей перспективе Китай не несет военной угрозы "Азиатско-Тихоокеанскому региону", но она может стать актуальной лет через 10—15. Все участники признали необходимость подготовки к новому статусу Китая как великой державы и в связи с этим корректировке политики собственных государств.

Заслуживает внимания анализ роли КНР в мире учеными из "Рэнд Корпорэйшн", мнения которых высоко оцениваются как политиками-практиками, так и американской научной элитой (достаточно напомнить имя Фрэнсиса Фукуямы). Судя по количеству трудов, посвященных Китаю, этой стране они уделяют повышенное внимание. В одной из работ этого Фонда описаны сценарии мировых конфликтов в XXI веке; среди инициаторов не исключается и "шовинистический Китай"²³. Авторы главы о Китае²⁴ утверждают, что тайваньская проблема может привести к "конфронтации и даже к

²² Pacific Symposium 2000. "Asian Perspectives on the Challenges of China". 7/8 March 2000. National Defense University, Washington, DC. Final Report. — Internet.

²³ Sources of Conflict in the 21st Century. Regional Futures and U.S. Strategy. Ed. by Zalmay Khalilsad and Ian O. Lesser. Rand, 1998.

военному конфликту с США и, возможно, с Японией" (р. 75). К такому выводу их подталкивает китайская военная доктрина, включающая в себя концепции "локальных или ограниченных войн на основе высоких технологий" и "активной периферийной обороны" (р. 81). Хотя в ближайшей и среднесрочной перспективе (5—10 лет) военный потенциал Китая, несмотря на его модернизацию, не изменит стратегического баланса сил в СВА, в будущем ситуация может измениться в пользу КНР (р. 82). Спровоцировать конфликт могут и тайваньские лидеры, если вздумают провозгласить курс на "тайванизацию" (т.е. независимость Тайваня как суверенного государства). В таком случае "Пекин неизбежно использует военную силу против Тайваня" (р. 85). Аналогичную провокаторскую роль могут сыграть и США, если они вернуться к политике "двух Китаев", увеличат поставки наступательного и оборонительного оружия, включая систему ПРО (р. 87). Короче говоря, в кратковременной перспективе (2000—2005 гг.) авторы ожидают обострение кризиса вокруг Тайваня.

В среднесрочной перспективе (2006—2015 гг.) допускается возникновение конфликтной ситуации между Россией и КНР вследствие миграции китайцев в районы Российского Дальнего Востока и Сибири (р. 91—92).

В долгосрочной перспективе (2016—2025 гг.) ожидаются конфликты из-за островов Спратли и трения вокруг Малаккского пролива.

Из всех трех сценариев наиболее опасным для США является первый, поскольку только он вовлекает Вашингтон в непосредственную военную конфронтацию с Пекином. Вывод авторов нетрудно предугадать: надо вовлечь Китай в орбиту американской стратегии, заставив тем самым Пекин "играть по нашим правилам".

В другой работе "РЭНД Корпорэйшн" — "Соединенные Штаты и возвышение Китая" авторы также приходят к выводу о неизбежности превращение Китая в великую державу. Правда, они оговаривают, что хотя по ВВП Китай действительно может уравниваться с США, но это не означает прямой сопоставимости экономических, технологических и военных потенциалов. Преимущество все равно останется за США. Другое дело, что накопленный потенциал Китая где-то к 2020 г. может позволить ему бросить вызов США в Восточной Азии. И такая перспектива вынуждает США изменить нынешнюю политику "вовлеченности", поскольку она себя не оправдала, тем более она будет неадекватной в будущем. Вместе с тем они подвергли критике и "политику сдерживания" (a containment policy). Они пишут: "Цель политики сдерживания заключается в том, чтобы предотвратить усиление китайской мощи в сравнении с американской. Она бы включала усилия по снижению экономического роста Китая вообще, т.к. это является

²⁴ В этой главе фактически излагаются взгляды Майкла Свэйна из его последней работы. См.: Swaine

фундаментальной базой национальной мощи, и по предотвращению обновления его военных возможностей в частности. Она также бы включала усилия по ограничению распространения китайского влияния за пределы его нынешних границ" ²⁵.

Теоретически концепция сдерживания вытекает из школы реалистов, которая утверждает, что "возвышающаяся держава в принципе стремится утвердить себя на мировой сцене и бросить вызов доминирующей державе; этот вызов часто в результате ведет к общей системной войне, которая определяет, сохранит ли свой статус доминирующая держава или она будет заменена новой державой" (р. 70). Еще одной причиной, подталкивающей Китай на статус претендента в лидеры, является историческое доминирование Китая в Азии, потерянное в результате унижения перед Западом. Другими словами, у Китая есть как бы объективные и субъективные основания для вызова США. И потому необходима политика сдерживания.

Однако авторы полагают, что такую политику американцам было бы сложно реализовать, поскольку это вызвало бы раскол в самих США. Например, она могла бы вызвать _ противодействие со стороны тех, кто вовлечен в торгово-экономическое сотрудничество с Китаем. Кроме того, возникли бы осложнения с союзниками в Европе, которые иначе оценивают факт возвышения КНР, не усматривая в этом непосредственной угрозы собственным интересам. "В целом же сдерживание признает фатальность, которая не неизбежна" (р. 71).

Альтернативой политике "вовлеченности" и "сдерживания" является комбинированная политика сдерживания и вовлеченности. По-английски она называется *Congagement*, по-русски она звучала бы как *Сдерлечение*. Это своего рода "третий путь", который предполагает продолжение политики вовлечения Китая в современную международную систему и одновременно готовность к возможности вызова Китая (р. 72).

Автор этой концепции Залмей Халилзад подробно описывает набор мер для обеих составных частей политики *Сдерлечения* (р. 72—85) На самом деле его предложения осуществлялись во внешней политике США и при Клинтоне, в том числе в области обороны. Другое дело, что различные аспекты этой политики не увязаны под китайскую политику Вашингтона, а определяются общей стратегией США на сохранение и укрепление доминирующих позиций в мире. С точки зрения некоторого вклада Хализада в эту политику в части "сдерживания" можно рассматривать его следующие рекомендации, предложенные в другой работе: усиление военных отношений между Японией и Южной Кореей, стимулирование политико-военного сотрудничества среди

Michail D. The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking. Rand, 1998.

²⁵ The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications. Zalmay Khalilzad, Abram Shulsky, Daniel Byman, Roger Cliff, David Orletsky, David Shlapak, Ashley Tellis. RAND 1999, p. 69.

стран АСЕАН и разрешение встречных требований относительно островов Спратли и Южно-Китайского моря (Парасельских островов); поощрение японо-российской разрядки, включая решение вопроса о "северных территориях"; усиление военного сотрудничества между Соединенными Штатами и АСЕАН. "Эти шаги важны сами по себе для сдерживания и региональной стабильности, но они могут также помочь в подвигах к более твердой политике в отношении Китая, если это станет необходимым"²⁶.

Именно такая стратегия, считает Халилзад и команда ученых под его руководством, необходима в отношении страны, которая не может быть определена ни в терминах стратегического партнера, ни стратегического противника.

Отдельно тему "российского фактора" в американо-китайских отношений анализирует Марк Берлис из "РЭНД Корпорэйшн". Его позиция может показаться интересной, поскольку он разбирает фактор России в контексте одной из малоизученных тем, хотя и очень важных с точки зрения позиций ведущих держав в районе Центральной Азии.

Исследуя перекрестные отношения между Китаем, Россией и странами Центральной Азии, американский автор обращает внимание на наиболее беспокоящий Америку момент — продажу оружия. Он приводит известные цифры: с 1991 г. по 1995 г. Россия продала КНР 48 "SU-27", 4 подлодки, два фрегата класса "Современный" и 8 ракетных систем "S-300 Р"²⁷. Несмотря на это, по мнению Берлиса, продажа оружия радикально не меняет военного баланса в Восточной Азии в пользу КНР, по крайней мере, не угрожает военной безопасности США и их союзникам. Однако дает Китаю больше возможностей на перспективу, чем если бы он развивал военную технологию самостоятельно (там же). Кроме того, закупленные системы потенциально увеличивают риск для американских вооруженных сил в Тайваньском проливе и, таким образом, увеличивают политическую основу для военной вовлеченности США в Восточную Азию.

Главная сфера беспокойства — это передача военной технологии. Взаимодействие в данной области оформлено Меморандумом о сотрудничестве в сфере военной техники 1996 г., в котором зафиксировано согласие России помочь в развитии новых систем вооружений. Китай и Россия также подписали Лицензионное соглашение о предоставлении Китаю права на производство 200 самолетов "SU-27s". В Китае к тому

²⁶ Zalmay Khalilzad. *Congage China*, IP-187, RAND 1999. — Internet.

²⁷ Mark Burles. *Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics*. RAND 1999, p. 35. — <http://www.rand.org/publications/>

же работает значительное количество российских ученых в военной промышленности, хотя, оговаривается Берлис, точное их количество неизвестно.

Вместе с тем Марк Берлис обращает внимание на гибкость китайской внешней политики в треугольнике США—Китай—Россия. Китай, считает он, осознает, что главной угрозой китайским интересам являются США. Россия потеряла свою стратегическую значимость, но остается крупной державой благодаря громадному географическому пространству, военно-техническим возможностям и ядерному арсеналу. И все же китайские лидеры не собираются отдаляться от США. "Хотя серьезные конфликты с Соединенными Штатами возможны, но они нежелательны и не неизбежны" (р. 38). Китай нуждается в США, в их технологиях, инвестициях и в доступе на их рынок. Жесткая антиамериканская позиция подорвала бы эти интересы. К тому же и Россия не стремится разрушать свои отношения с США. Поэтому все названные противоречия не будут выходить за определенные рамки.

Существуют и объективные ограничители в российско-китайских отношениях двустороннего характера. Помимо общеизвестных, здесь называются непростые отношения в Центральной Азии. Берлис полагает, что этот регион является "потенциальным объектом соперничества между Китаем и Россией" (р. 46). Кстати, такое мнение разделяет немало американских авторов. И хотя на встречах лидеров КНР и России обе стороны говорят о взаимном уважении и т.д., но реальность неизбежно будет определяться противоречиями. Они прежде всего связаны с тем, что китайская экономика на подъеме, российская - в упадке, следовательно, страны Центральной Азии так или иначе будут поворачиваться "с севера на восток".

По мнению Берлиса, и "монгольский фактор" представляет собой "потенциальный источник трений между Пекином и Москвой" (р.47).

Одна из наиболее фундаментальных проблем между Китаем и Россией — это усиление различий в национальной мощи. Со ссылкой на уже упоминавшегося Гаррета Берлис пишет: «Несмотря на "стратегическое партнерство", Москва вынуждена иметь дела с Пекином по широком кругу проблем, некоторые из которых потенциально спорные, что естественно возникает между странами, имеющими протяженную границу. И, как объясняет Шерман Гаррет, через десять лет "Россия скорее всего обнаружит, что она уже не сможет поддерживать равноправное партнерство с Китаем". И хотя уход от конфликтов в интересах обеих стран, "Россия столкнется с выбором оказаться в тесных объятиях более динамичного Китая и попытками найти региональных и глобальных партнеров, чтобы сбалансировать китайское влияние"» (р. 48).

Возвращаясь в контекст отношений с США, Берлис пишет: "Каждая страна выказывает риторическую поддержку друг другу в их отношениях с США. Однако ни

одна из них не желает и не способна предложить существенную взаимную помощь. Более того, даже если бы Китай мог бы воздействовать на экспансию НАТО, у него нет достаточных интересов, чтобы рисковать открытым конфликтом с Соединенными Штатами. То же самое можно сказать и о российских интересах по проблемам Тайваня" (р. 48—49).

Общий вывод: США нечего особенно беспокоиться о характере развития российско-китайских отношений, поскольку в силу множества причин они не в состоянии нанести ущерб американским интересам в мире.

Следует обратить внимание на то, что ученые "РЭНДа", работая под эгидой и финансирования военных ведомств США, довольно детально исследуют возможность военного конфликта с КНР. Так, уже упомянувшийся Марк Берлис и его соавтор Абрам Шальски проанализировали поведение Китая в моменты использования им военной силы в кризисные периоды его истории. Они пишут, что "несмотря на осознание своей относительной слабости, он (Китай) тем не менее захочет использовать силу против США или будет действовать таким образом, чтобы вынудить Соединенные Штаты втянуться в рискованные мероприятия"²⁸. Такой вывод базируется на анализе китайской военной стратегии и поведения КНР на протяжении всей ее истории. В будущем же авторы не исключают использование военной силы, прежде всего с намерением вернуть Тайвань в лоно материкового Китая. К этому склоняются многие американские специалисты, приводя высказывания тех или иных ученых. Например, они приводят высказывание президента одного из мозговых центров КНР, который сообщил, что "даже если соотношение военных сил очевидно не в нашу пользу, Китай все равно пойдет на войну, когда дело касается суверенитета" (р. 73, сноска 1).

Авторы могли бы найти более весомые высказывания со стороны высших официальных лиц на этот счет, которые и не скрывают, что они не исключают решения тайваньской проблемы силой. Но данная работа, как и множество аналогичных работ, важна тем, что авторы в открытой печати детально анализируют поведенческую специфику КНР в условиях "сдерживания" и возвышения Китая — сочетание, таящее в себе истоки военной конфронтации. Один из упомянутых авторов, Абрам Шальски, в другой работе выстраивает даже различные сценарии такой конфронтации и способы их преодоления²⁹.

Ученых из Фонда наследия, как уже говорилось, отличает прямота и однозначность. Такая позиция ни в коем случае не принижает их научных качеств. Все они

²⁸ Burles, Mark and Shalsky, Abram N. Patterns in China's Use of Force: Evidence from History and Doctrinal Writings. RAND 2000, p. 73.

²⁹ Shulsky, Abram N. Deterrence Theory and Chinese Behavior, MR-1161-AF, RAND 2000.

профессионалы, каждый в своей области. Обычно Фонд публикует свои рекомендации в виде сборников, каждый год под различными названиями. Эти сборники предназначены для действующих политиков высокого ранга вплоть до президента. Один из сборников специально посвящен Китаю³⁰.

Прежде всего, его авторы исходят из базисного тезиса: "Поскольку мощь Китая усиливается, то, по всей вероятности, приоритеты Пекина приведут к конфронтации с Соединенными Штатами". Из этой посылки должна выстраиваться стратегия США в отношении КНР. Она состоит из ряда блоков, содержащих подробные рекомендации для политиков.

В блоке экономики главным требованием является интегрирование Китая в глобальную экономику. Это означает предоставление КНР членства в ВТО; аннулирование поправки Джексона-Веника в обмен на уступки со стороны Пекина (имеется в виду уступки в области прав человека).

Военный блок: категорически рекомендуется предотвратить нарушение нынешнего баланса сил в Азии в пользу Китая. В то же время выдвигается требование о взаимовыгодном сотрудничестве между Пентагоном и НОАК. Последнее расшифровывается как необходимость со стороны Пекина сделать доступной и открытой информацию о вооруженных силах и военных доктринах КНР. Иначе, сотрудничество между военными ведомствами должно быть сокращено. Один пункт данного блока гласит: "Предупредить Россию, Израиль и Европу об опасности вооружения Китая". Другими словами, предупредить названные государства о недопустимости продажи оружия КНР.

Между прочим, в другом документе Фонда — Проблемы 1998 г.³¹, в аналогичном блоке утверждается необходимость «поддерживать превосходство ВВС США в Азии и дислоцировать там "F-22"» (р. 418).

В блоках по правам человека и внутренней политике Китая рекомендуется оказывать воздействие на Пекин в целях масштабного реформирования политической системы страны и стимулирования рыночной экономики. В Проблемах 1998 г. правительству США прямо указывается: "Содействуй расширению частного сектора в Китае как средству уменьшения правительственного контроля" (р. 421).

Авторы Проблем 1998 г. подготовили на всякий случай ответ и на такой вопрос: является ли Китай врагом или угрозой Соединенным Штатам? Ответ: "Китай не является врагом Соединенных Штатов в том смысле, каковым был Советский Союз. ...Однако

³⁰ Between Diplomacy and Deterrence. Strategies for U.S. Relations with China. Ed. by Kim R. Holmes & James J. Przystup. HF, 1997. — Internet.

действия Пекина могут угрожать интересам США, даже если Китай и не будет восприниматься как враг. Само собой разумеется, что Соединенные Штаты сохраняют военное превосходство в Азии, чтобы предотвратить агрессию и разместить систему ПРО в целях защиты Америки и ее союзников от увеличивающейся угрозы ракетных атак. Соединенные Штаты должны остановить передачу Китаем технологии и оружия, т.к. они несут опасность интересам США в регионах типа Ближнего Востока. Если Китай станет экспансионистским, США обязаны будут сдержать его; но нужно сделать все, чтобы свернуть Китай с такого пути" (р. 421—422).

В целом же сотрудники Фонда наследия, как и ученые Университета национальной обороны, требовали от администрации Клинтона отказа от политики "вовлеченности", тем более "мягкой вовлеченности", предлагая взамен принять на вооружение концепцию "вовлеченности и сдерживания", которая, на их взгляд, сможет более эффективно нейтрализовать негативные аспекты возвышения КНР на мировой арене.

Последующие сборники Фонда наследия готовились в расчете на нового президента из республиканской партии. В Проблемах 2000 года в разделе "Азия" (автор — Ларри М. Уорсел) о Китае говорится в более жестких тонах, чем в предыдущих сборниках. Пишется, что необходимо осознать, что "Китай угрожает региональной стабильности путем модернизации своей военной мощи". И далее: "Несмотря на усилия администрации установить "стратегическое партнерство" с Пекином, существуют серьезные беспокойства в отношении распространения и экспорта Китаем дестабилизирующего оружия, его вовлеченности в дела с Ираном, Пакистаном и Северной Кореей, его воинственности против Тайваня, расширения военного присутствия на спорных территориях в Южно-Китайском море, его продажи оружия и поддержки режима в Бирме. Резко ухудшилась репутация Китая в связи с соблюдением прав человека и религиозными гонениями" (р. 655). Поэтому предлагается строить отношения с Китаем не как с партнером по решению проблем безопасности, а как с потенциальным соперником.

Естественно, была раскритикована китайская политика администрации Клинтона, которая, дескать, игнорировала подобное поведение Китая, включая нарушения прав интеллектуальной собственности китайских компаний, шпионаж и кражу оборонных секретов, а также действия разведорганов НОАК, предоставлявших нелегальные взносы в Национальный комитет демократов (р. 665).

В связи с Тайваньской проблемой новой администрации предлагается повторить известные "Шесть гарантий" в отношении Тайваня, которые в свое время были изложены

³¹ Issues'98. The Candidate's Briefing Book. Ed. by Stuart M. Buttler and Kim R. Holmes. The Heritage

заместителем Госсекретаря по Восточной Азии и Тихоокеанским делам Джоном Холдриджем в августе 1982 г. Напомню их. Американская сторона: 1) не согласится устанавливать окончательные сроки продажи оружия Республике Китай; 2) не согласится на предварительные консультации с Пекином по вопросам продажи оружия Тайваню; 3) не будет играть посреднической роли между Тайбэем и Пекином; 4) не согласится пересматривать Акт об отношениях с Тайванем; 5) не изменит свою позицию относительно суверенитета Тайваня и 6) не будет оказывать давление на Тайвань с целью вступления в переговоры с Пекином (р. 668, сноска 42).

(Любопытно, что ученые из другого центра (Центра Никсона), наоборот, рекомендуют новому президенту приложить больше усилий для содействия перекрестному диалогу, в том числе путем включения одновременно Тайваня и КНР в ВТО ³².)

Наконец, в 2001 г. Фондом был издан сборник "Приоритеты для президента", специально предназначенный для Буша. В части, посвященной Китаю, ее автор (Стефан Ятис — Stephan J. Yates) в привычной для сотрудников Фонда манере для начала раскритиковавший клинтоновскую политику в отношении Китая, предложил "новый подход", который действительно отличается от предыдущего. Главное отличие состоит в том, что "Китай не должен быть фокусом стратегии Соединенных Штатов. ...В терминах региональной безопасности и экономических интересов Япония является единственным и наиболее важным партнером Америки. Китай должен рассматриваться как часть более широкой азиатской стратегии, а не центром [американской внешней политики в Азии]"³³. И далее предлагается серия организационных мер, включая создание Межведомственной группы по Азии. В этой связи интересны рассуждения Ятиса о том, что при Клинтоне уделялось очень большее время Китаю на президентском и министерском уровнях для всевозможных встреч на разных саммитах без каких-либо реальных результатов. Ученый предлагает упорядочить всю эту "кухню" и задействовать президента только для действительно необходимых и важных мероприятий. Подобная рекомендация, кстати, весьма актуальна для Российского президента, который вовлекается в массу встреч на высшем уровне, прок от которых равен нулю.

Хочу подчеркнуть, что именно рекомендации Фонда наследия легли в основу внешней политики США, в том числе и в Восточной Азии, включая более жесткие подходы в отношении КНР.

Foundation. Wash., D.C., 1998.

³² Lampton, David M. and May, Gregory C. *Managing U.S.-China Relations in the Twenty-First Century*, p. vi.

³³ *Priorities for the President*. Ed. By Stuart M. Butler and Kim R. Holmes. Wash., DC: Heritage Foundation, 2001, p.7—ch.11.

Из всего рассказанного следует, во-первых, что США допускают вероятность превращения КНР в сверхдержаву. Во-вторых, такой статус Китая несет угрозу безопасности США не только в районе Восточной Азии, но и на других участках мировой политики, например на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. В-третьих, нынешняя официальная политика "вовлеченности" Китая в мировую стратегию США должна быть дополнена политикой "сдерживания", прежде всего в вопросах военной безопасности. В-четвертых, США должны более энергично вторгаться во внутренние аспекты политики Китая с целью изменить социалистический характер общества в пользу рынка и демократии, т.е. в пользу капитализма. (Эта тема здесь затронута вскользь, но американцы ей придают ничуть не меньшее значение, чем внешнеполитическим аспектам китайской политики.)

Суммируя, можно сказать, что США всеми имеющимися у них средствами будут стремиться тормозить процесс превращения Китая в сверхдержаву, иначе говоря, в самостоятельный центр мировой политики глобального масштаба с тем, чтобы сохранить за собой статус единоличного лидера-гегемона.

Под силу ли американцам такая задача, покажет будущее. По крайней мере, большинство ученых остерегаются отвечать на этот вопрос, ссылаясь на массу переменных в этом большом прогностическом уравнении. Я же рискну это сделать, опираясь на некоторые закономерности международных отношений, в которые я, в отличие от американцев, верю, поскольку некоторые из них сам же и формулирую.

Что век грядущий нам готовит?

Для начала просто напомню, что Китай уже был сверхдержавой. Я имею в виду подзабытый многими факт о том, что в 1750 г., если придерживаться современной терминологии, на страны Третьего мира (в то время это были в основном Китай и Индия) приходилось 73% промышленного производства, а на государства Западной Европы (около 20 стран без России и Восточной Европы) — чуть более 20%. В 1830 г. соотношение хотя и изменилось, но не столь значительно: 60 и 30%³⁴.

Несмотря на подобный статус сверхдержавы, Китай не представлял угроз ни для одной страны мира, т.е. Китай не проводил гегемонистской политики. После колонизации Китая руководители страны в основном отбивались от великих держав, упорно борясь за независимость своей страны, которой и добились в 1949 г. Те военные конфликты, в которые был вовлечен Китай в конце 60-х и в конце 70-х годов, носили погранично локальный характер и не имели в своей основе стратегической

направленности. Был момент, когда маодзэдуновский Китай пытался распространить в мире идеологию маоизма, однако эта политика практически была прекращена при самом Мао Дзэдуне.

В нынешних же доктринах национальных интересов и безопасности Китая, сформулированных под влиянием взглядов Дэн Сяопина, отсутствуют как претензии на мировую гегемонию в геостратегическом плане, так и намерения распространять опыт Китая или "китайские ценности" по всему миру. КНР, в отличие, скажем, от США, не стремится расширить свое "жизненное пространство" (lebensraum) ни в экономическом, ни в военно-политическом смыслах. Все спорные проблемы, включая территориальные, Китай предлагает решать за столом переговоров, а не с помощью военной силы. Примером таких успешных переговоров служат, кстати, и договоренности по границам с Россией. Все это естественно, поскольку главной стратегической задачей КНР, нацеленной вплоть до середины XXI века, является экономическое развитие страны и доведение жизненного уровня своих граждан до среднемировых показателей.

Все это означает, что понятия "сверхдержавность" и "гегемония" не обязательно должны совпадать, они не являются синонимами. Таковыми они предстают только в капиталистической системе координат, поскольку эта система по своей природе построена на праве сильного. Нынешняя агрессивная политика США — это не прихоть Клинтона или других лидеров стран НАТО, бомбардирующих Югославию. Это закономерное проявление сути капитализма, который готов уничтожить любого противника, выступающего против его сторонников.

Американцев не устраивает сверхдержавность КНР и по другой причине. Она проста. Китай, несмотря на капитализацию его экономики, все-таки является социалистическим государством. И если это государство станет таким же сильным, как Америка, это опровергнет идеологические установки всего капиталистического мира. Опровергнет их аксиому, что, дескать, только капитализм, только "демократические ценности" являются основой для успешного развития. Пример поражения социализма в СССР явно померкнет на фоне успехов экономического развития в КНР. И этот момент беспокоит Запад, прежде всего США, в значительно большей степени, чем военные программы Пекина. Именно поэтому американские ученые требуют от Вашингтона активнее вмешиваться во внутренние дела Китая с тем, чтобы подтолкнуть его руководство к "демократическим" преобразованиям на западный манер.

Если допустить, что Пекин пойдет у них на поводу, то можно ожидать два исхода. Один — успех капитализации(=демократизации) надстройки. Тогда "сверхдержавность"

³⁴ The Economist (The Global Economy) October 1st 1994, p. 9.

Китай будет не так страшна, поскольку можно будет утверждать, что она-де стала возможной благодаря усвоением китайским обществом западных ценностей в надстройке и в базисе. Второй исход, вероятный на 100%, — разрушение Китая. За аналогией ходить далеко не надо. Россия — перед глазами. Это самый желательный вариант для США и всего Запада. В этом случае их теоретики будут говорить и писать о том, что дело не в "ценностях", а в том, что китайские руководители слишком осторожно внедряли эти ценности в китайское общество. Короче, приведут весь набор аргументов, которыми они объясняют неудачи капиталистических реформ в России.

Китайское руководство прекрасно отдаёт себе отчет в пагубности "западных ценностей" для своей страны. Отсюда весьма жесткое противодействие собственным прокапиталистическим диссидентам. Отсюда же жесткая реакция на давление со стороны любителей "прав человека" в США.

Подчеркиваю еще раз. *Успех социалистического Китая в деле превращения в сверхдержаву явится самым большим ударом по капиталистическому Западу.*

Теперь о теории многополярности. Официальный Пекин стремится к многополярности, обозначая нынешнюю систему международных отношений как доминирование "одной сверхдержавы с множеством других сил"³⁵. В своей практической политике — и в этом американцы правы — Китай стремится по возможности утвердить или усилить различные полюса или потенциальные центры силы. В Пекине, видимо, убеждены, что многополярная система, с одной стороны, умаляет значение глобального гегемона, т.е. США, с другой — создает благоприятную международную обстановку, в которой царит мир и справедливость.

В таком подходе кроется, на мой взгляд, стратегическая ошибка. История международных отношений свидетельствует о том, что многополярность является самой неустойчивой системой, в рамках которой происходит больше всего войн и конфликтов. Этот тезис можно было бы подтвердить историей Европы на протяжении десятка веков. На этот тезис работает и история конца XIX — начала XX века. В этот период, пока центры империалистической силы (Англия, Франция, Германия, США и Россия) бились за колонии за пределами своих государств, они находили точки соприкосновения для сотрудничества в самой Европе. Но как только периферия была поделена на сферы влияния, все их внимание сконцентрировалось на Европе, в которой сохранялись недоделанные зоны влияния (проливы, Балканы, Саарская область, части Польши и Украины и т.д.). Вся система многополярности начала рушиться в пользу блоковости в преддверии грандиозной схватки.

³⁵ См. Beijing Review, № 9-10, March 1-14, 1999. — Internet.

Теоретически многополярная система может быть устойчивой при равных силовых возможностях центров. Но в соответствии с законом неравномерного развития государств практически такого идеального состояния быть не может. Обязательно кто-то вырывается вперед. И тут начинает работать закон силы, который гласит: *как только государство достигает уровня экономической мощи и военного потенциала, адекватного мощи и потенциалу ведущих государств мира, оно требует для себя нового статуса, означающего передел сфер мирового влияния.* Поскольку старые великие державы обычно противятся подобным требованиям, то приобретение такой сферы влияния обычно возможно только путем разрушения старой структуры взаимоотношений, включая и соответствующую ей систему безопасности.

Необходимо подчеркнуть, что этот закон работает в системе капитализма. Он прерывает свое действие в системе мирового социализма. Но поскольку до мирового социализма пока далеко, то под его действие попадают и социалистические государства, хотя, как говорится, не по своей воле. Все войны, которые вел Советский Союз, были навязаны ему капиталистическими государствами.

Теперь вернемся к Китаю. Хотят того в Пекине или не хотят, но Китай в перспективе обречен на конфронтацию с США. И к этому его будут толкать сами американцы, зачастую и не желая этого.

Нынешняя Америка, упоенная своим могуществом не раздумывая, идет на любые акции давления, даже с применением военной силы в отношении любой страны, которая, по мнению Вашингтона, ущемляет национальную безопасность США. При этом надо иметь в виду, что зона национальной безопасности этой державы распространяется на весь земной шар. Подобными акциями Вашингтон сам взращивает антиамериканские настроения по всему миру, стимулируя тем самым формирование антиамериканского блока. В силу закона неравномерного развития государств Китай становится лидером этого блока. Очевидно, что к нему присоединятся не только страны Третьего мира и некоторые страны Ближнего Востока и Южной Азии, но и страны, обиженные на США, а также по тем или иным соображениям, например, геостратегического характера.

Так или иначе, но этот антиамериканский блок, который, скорее всего, начнет формироваться во второй четверти наступившего века, по совокупному экономическому потенциалу будет сопоставим с западным блоком, возглавляемым США. В военном же отношении он достигнет стратегического паритета. В результате к середине XXI века восстановится *системная биполярность.*

Конфронтация между блоками не обязательно должна вести к военному столкновению (т.е. к мировой войне), хотя локальные войны не исключены. Конфронтация, скорее всего, будет происходить на экономических и политических

фронтах, и выиграет ее тот блок, экономика которого окажется исторически перспективной.

Другими словами, структура системы международных отношений будет меняться от нынешней одноплюсности через кратковременную многополярность к системной и довольно длительной биполярности. Я сознательно не обозначаю временные рамки структурных фаз, поскольку они могут существенно поменяться в результате смены нынешней общественно-политической системы в России.

Общий вывод: Китай, вне зависимости от его нынешних отношений с Западом, в том числе и с США, обречен возглавить антиамериканский фронт не только в результате превращения в сверхдержаву, но в немалой степени и "благодаря" тем же американцам.

Япония

Глава III. Национальные интересы Японии и безопасность в XXI веке

В отличие от России и США у Японии нет официально сформулированных доктрин внешней политики или национальной безопасности. Часто же упоминающиеся доктрины Ёсида, Фукуда, Миядзава или концепция Комплексного обеспечения национальной безопасности являются обобщениями, разбросанными в различных официальных и полуофициальных материалах тех или иных положений относительно внешнеполитического курса страны на международной арене.

Причина такого положения заключается в том, что в основе международной деятельности Японии лежит присущее японцам свойство адаптироваться или приспособливаться к окружающей среде, а не менять и тем более не ломать ее. Такой реактивный подход к миру в японоведческой политологии имеет много названий, среди них "дипломатия приспособления" (тайокэй-но гайко), "дипломатия адаптации к ситуации" (дзёкё-ни цуйхокэй (или цуйдзуйкэй) -но гайко), или "дипломатия низкого профиля" (тэйсисэй гайко)¹.

И только в конце 90-х годов, после серии серьезных экономических катаклизмов, среди политико-академической элиты (сэйдзигаккай) появилось осознание необходимости выработки своего рода стратегического плана поведения Японии в XXI веке, предусматривающего предварительную подготовку к предполагаемым угрозам и вызовам. Появился соответствующий документ, который будет приведен ниже.

Официальная позиция Токио на мир и место Японии в мире

Для начала обратимся к официальным материалам по внешней политике — "Голубым книгам" МИД, которые в обобщенной форме излагают взгляды японского руководства на международную ситуацию и правила поведения для японской дипломатии. Я сознательно не использую речи премьер-министров или министров иностранных дел, поскольку все "идеи" на внешнеполитическую тему, высказанные ими в парламенте или на международных форумах, так или иначе внедрены в "Голубые книги".

¹ Подр. см.: Р.Ш-А. Алиев. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов (Теория и практика). М., Наука, 1986, с. 140—148.

Для сравнения предлагаю рассмотреть три последние книги в английской редакции (у меня нет под рукой японских вариантов): за 1998, 1999 и 2000 гг.²

Итак, в соответствии с "Голубой книгой" 1998 г. главной тенденцией международных отношений является формирование Нового мирового порядка (НМП). На это, по мнению мидовцев, указывают такие факторы. В "АТР"³ сохраняется присутствие США, которые играют ключевую роль в обеспечении мира и процветания.

(Следует отметить, что это положение выглядит не столь банально, как может показаться на первый взгляд. В начале 90-х годов Токио предполагал, что США "уйдут" из "АТР" с непредсказуемыми последствиями для "безопасности" в регионе.) Кроме того, произошла активизация взаимоотношений между четырьмя важнейшими игроками в регионе: Японией, США, Китаем и Россией. Участились всевозможные встречи на высшем уровне в рамках АСЕАН и АТЭС.

В Европе формирование НМП увязано с расширением НАТО на Восток за счет бывших стран коммунистического блока.

Построение НМП сопровождается двумя мощными мировыми тенденциями: углублением взаимозависимости и ускорением глобализации. Это рассматривается как объективный и позитивный процесс. В то же время отмечается, что этот процесс рождает и новые вызовы и проблемы, например финансовый кризис 1997 г., затронувший страны Восточной Азии. К другим вызовам транснационального характера относятся международный терроризм и преступность.

Такова схема НМП в представлении МИД Японии.

Контуры поведения Японии в данном процессе очерчиваются следующим образом.

Имея в виду, что Япония является одним из главных игроков мирового сообщества, она "должна, а фактически призвана прилагать усилия по многим направлениям, активно вовлекаясь в создание желательного международного порядка в интересах как Японии, так и всего международного сообщества". Ее политика должна быть многосторонней и "многослойной" с упором на следующие направления: 1) дальнейшее углубление и укрепление отношений с США, а также развитие двусторонних связей с другими странами, являющимися фундаментом строительства стабильного международного

² Diplomatic Bluebook 1998. Japan's Diplomacy toward the XXIst Century - New Developments and New Challenges Facing the International Community. Ministry of Foreign Affairs of Japan Home Page, 1999; Diplomatic Bluebook 1999. Japan's Diplomacy with Leadership Toward the New Century. Ministry of Foreign Affairs of Japan Home Page, 2000; Diplomatic Bluebook 2000. Toward the 21st Century – Foreign Policy for a Better Future. Ministry of Foreign Affairs of Japan Home Page, 2001. — Internet.

³ Я не признаю термина Азиатско-тихоокеанский регион в принципе, поскольку считаю, что такого региона не существовало, не существует и никогда не будет существовать, что мной доказано в книге "Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность" (М.: Флинта*Наука, 1997). Поэтому при упоминании этого термина даже в аббревиатурном варианте я даю его в кавычках. Без кавычек я использую этот термин в цитатах или в официальных документах.

порядка в АТР; 2) содействие сотрудничеству через различные региональные организации, которые являются дополнением этих двусторонних связей; 3) активное участие в глобальных процессах в ответ на вызовы в международном сообществе.

С точки зрения безопасности важно закрепить отношения с США, Россией и Китаем в районе Северо-Тихоокеанского кольца (The North Pacific Rim).

В качестве новой концепции внешней политики оценена Евразийская дипломатия премьер-министра Рютаро Хасимото, которая добавляет динамизм отношениям с Китаем, Корейской Республикой и Россией, улучшая отношения и с Северной Кореей. Эта дипломатия важна также и с точки зрения укрепления связей со всеми странами вдоль Шелкового пути.

В книге указывается, что хотя в "АТР" усиливается политическая и социальная стабильность (описывается период 1997 г.)⁴, но вместе с тем все еще сохраняются "элементы непредсказуемости и неопределенности. Кроме того, регион обладает громадным военным потенциалом, включая ядерное оружие; происходит расширение и модернизация вооруженных сил многими странами, а также не спадает напряженность на Корейском полуострове". Имея в виду эти факторы, Япония осуществляет политику безопасности, которая базируется на трех столпах: твердо придерживаться договоренностей в рамках японо-американской системы безопасности; умеренно совершенствовать оборонные возможности Японии и прилагать активные дипломатические усилия для обеспечения международного мира и безопасности.

Все указанные "столпы" подвязаны под безопасность в СВА с указанием акторов, сотрудничество с которыми и обеспечивает эту безопасность. Помимо, естественно, США, упоминается Корейская Республика и Китай, которые должны работать над тем, как решить проблемы ядерного развития Северной Кореи. Россия в данном контексте не упоминается.

"Голубая книга" за 1999 г. дает не столь оптимистическую картину мира и более подробно описывает тенденцию "диверсификации угроз". Отмечается учащение вооруженных конфликтов, которые происходят не только в Африке и в Азии, но и в Европе. С большей обеспокоенностью говорится о разрушительных угрозах, связанных с нанесением ущерба окружающей среде, терроризмом, транснациональной организованной преступностью, распространением наркотиков, ущемлением прав человека, проблемой беженцев и всевозможными болезнями.

Весьма симптоматично, что в этом сборнике снят тезис о *формировании* Нового международного порядка. Забыта и концепция "Евразийской дипломатии" Хасимото.

⁴ Имея в виду последовавшие в 1998 г. социальный взрыв в Индонезии и обострение партизанской войны на Филиппинах, читатель сам может дать оценку "качества" прогнозов японских мидовцев.

Зато отдельно выделен сюжет по "диверсификации национальной мощи (power)", в котором объясняется, что ее структуру определяет не только военный компонент, но и экономические, технологические и культурологические составляющие. "Открытие", о котором международники говорят и пишут как минимум лет 30.

С большим пафосом, чем прежде, пишется о "прогнесе глобализации", *несущего* миру "беспрецедентное процветание". (Авторы этого пассажа, видимо, не входили в состав японской делегации по случаю очередного совещания МБ и МВФ в Сиэтле, члены которой на себе лично физически ощутили реакцию антиглобалистов, которые придерживаются иного взгляда на глобализацию.) В то же время авторы вынуждены признать, что эта самая глобализация одновременно открывает путь к "социальной нестабильности" не только в развивающихся странах, но и в развитых. Задача, таким образом, состоит в том, как использовать глобализацию на благо мировой стабильности и процветания.

Любопытно, что в сборнике за 1999 г. в иерархии внешнеполитических направлений Японии в "АТР" *Россия заняла второе место* после США, а Китай оказался на третьем месте (в предыдущем сборнике наоборот: Китай — на втором, Россия — на третьем). Объяснением этому может служить то, что в 1998 г. участились контакты между Россией и Японией на высшем уровне, что, видимо, вселило большие надежды на решение проблем "северных территорий". Любопытна и формулировка, данная в разделе японо-российских отношений, которую я хочу привести в дословном переводе с английского языка (Ch. 1. General Overview. Japan-Russia relations). Написано: "Что касается территориальной проблемы, Япония полагает, что важно обеспечивать постоянный прогресс в решении проблем, относящихся к Четырем островам, и развивать соответствующую атмосферу, способствующую ее решению, а также помогать *резидентам* этих островов налаживать взаимные визиты с японскими гражданами (курсив мой. — О.А.)".

Надо иметь в виду, что слово *резидент* в юридической практике означает — *постоянный житель*, но не имеющий полных гражданских прав. Таковыми обычно называют иммигрантов, еще не получивших гражданского статуса. Употребление этого слова в официальном документе Японии в отношении жителей Курильских островов означает, что эти острова юридически являются японскими, но на них постоянно проживают граждане другой страны.

В "Голубой книге" за 1999 г. повторяются те же "три столпа" безопасности Японии и те же "усилия" в поддержании мира и безопасности в "АТР".

В "Голубой книге" за 2000 г. вновь упомянута идея НМП, но в контексте "массы проблем и вызовов", которые препятствуют строительству такого порядка. Столь же

неоднозначна оценка процесса глобализации, ведущая к "маргинализации" целого блока стран, а также к обострению международного соперничества. С целью смягчить названные явления Япония на базе концепции "безопасности человека" (human security) создала в ООН Фонд безопасности человека, который должен стимулировать формирование конструктивных и сотруднических отношений с гражданскими обществами.

Опять же симптоматично, что в иерархии внешнеполитических направлений Японии в 2000 г. *Россия заняла шестое место* после США, Южной Кореи, Китая, стран АСЕАН, Северной Кореи, но, правда, перед Европой. Хочу обратить внимание на этот факт, поскольку размещение блоков стран в той или иной последовательности не является произвольным, а несет определенную смысловую нагрузку. Столь непочетное место России означало или снижение общей активности в японо-российских отношениях, или неудовлетворенность Токио характером этих отношений. Скорее всего, это связано с тем, что правящие круги Японии раздражены отсутствием подвижек в решении проблем "северных территорий". На последнее указывает тот факт, что количество контактов было более чем достаточно (встреча с Путиным и шесть встреч на уровне министров иностранных дел).

В российской части документа было еще раз подчеркнуто, что основой развития двусторонних отношений между Японией и Россией является Токийская декларация 1993 г., которая ориентирует стороны на решение территориальной проблемы.

В разделе "безопасность" документ выражает удовлетворенность развитием контактов между военными ведомствами двух стран, включая визит в Москву начальника УНО Японии Хосэй Норита (август 1999 г.)⁵, но в то же время *Россия не упоминается в качестве актора, участвующего в диалогах и сотрудничестве по безопасности в "АТР"*. В этом качестве упоминаются Южная Корея, Китай, Таиланд и Австралия. В целом же японский МИД сохраняет приверженность курсу, который укладывается в привычные термины - "дипломатия приспособления" или "дипломатия низкого профиля".

Политико-академическое сообщество Японии (сэйдзигакай) о мире, о себе и России

В академических кругах Японии так же, как и у их американских коллег, образовались различные школы и направления, которые неистово воюют между собой по

проблемам международных отношений и внешней политики Японии. Однако просмотр литературы на эти темы показал, что почти ничего нового за последние четыре года после публикации моей книги по "АТР", где в специальном разделе присутствует анализ этих школ, не появилось⁶. И тем не менее я хочу представить взгляды некоторых известных ученых, работы которых привлекли мое внимание некоторыми нюансами в постановке тех или иных проблем. В этом суть "почти".

Начну с Кадзуо Огура⁷, профессионального дипломата, занимавшего посты посла во Вьетнаме и в Южной Корее. Его статья "Создавая новую Азию"⁸ интересна во многих отношениях. Будучи официальным лицом МИД, он тем не менее утверждает, что "Япония не имеет четкой дипломатической стратегии в Азии". Одной из причин этого является размытость или аморфность самого термина "Азия".

Любопытен ответ на этот вопрос. Огура исходит из того, что образование региона может происходить как реакция на давление внешних сил или объединение ради внешней экспансии. Например, "концепция Европы брала начало в крестовых походах, в войнах против мусульманских сил". А Европейское сообщество в значительной степени было порождением конфликта с коммунистическим блоком.

Приводимые японским ученым примеры из исторического прошлого только подтверждают общий закон международных отношений, а именно закон силы. И когда затем тот же Огура говорит о необходимости "создания новой Азии", которая не собирается выступать против или соперничать с Америкой или Европой, он противоречит не только себе, но и закону силы.

Огура предлагает создавать новую Азию, естественно, возлагая на Японию "большую часть ответственности в качестве лидера". Причины формирования такого региона видятся ему в следующем.

Первая причина. Хотя Америка доминирует над миром, ей надо помочь "более эффективно осуществлять мировое лидерство". Миссия "помощи" как раз и должна пасть на плечи Европы и Азии.

Вторая причина необходимости объединения Азии наряду с Европой заключается в открывающихся возможностях "проверить Америку, чтобы быть уверенным в том, что ее

⁵ Хочу обратить внимание, что с 6 января 2001 начальник УНО стал называться госсекретарем, генеральным директором Управления обороны (Minister of State, Director-General of the Defense Agency). То есть его статус повысился до уровня министра.

⁶ О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзии и реальность, с. 252—290.

⁷ При упоминании японских имен в тексте на первом месте идет имя, на втором — фамилия. В сносках — наоборот.

⁸ Ogura Kazuo. Creating a New Asia. — JAPAN ECHO Vol. 26, No. 3, June 1999. — Internet.

лидерство не превратится в самодовольство и предубеждения и не приведет к протекционизму и узкому эгоизму". Вот это, пожалуй, более важная причина, чем первая.

Третья причина. Азиатскому региону необходимо самоутвердиться перед лицом интегрированной Европы и Америки.

Выдвигая и подробно разбирая три причины формирования азиатского сообщества, Огура постоянно пытается показать, что оно должно гармонизировать международную обстановку и в то же время усилить вес Азии на мировой арене. При этом сама Азия его волнует как бы "вообще". На самом же деле его больше интересует Япония, которая в нынешней ситуации даже в МВФ "не имеет голоса, соответствующего ее экономической силе".

Чтобы придать этому голосу нужное звучание, Огура предлагает ряд действий, которые включают в себя: отказ от "дипломатии извинения в отношении Азии"; стремление убедить страны Азии, что Япония должна играть более значительную роль на международной арене; укрепление отношений с Южной Кореей; предоставление возможности для проникновения "западной цивилизации" в Азию. Любопытный пример в этой связи: насколько это возможно, иметь дело с Австралией как "с партнером в Азии".

Огура подробно останавливается на отношениях с Китаем, многие аспекты политики которого неприемлемы для Японии.

Есть проблемы и с Россией. "Чтобы решить проблемы северных территорий, вести дело с Россией как с дипломатическим партнером и добиться российской поддержки для азиатской политики Японии, необходимо понуждать Россию развернуться в сторону Дальнего Востока и за его пределы — в Азию в широком смысле".

Огура исходит из того, что наряду с экономической глобализацией идет процесс глобализации проблем безопасности, и поэтому назрела задача "принять идеи коллективной безопасности". В этой связи он придает большое значение разговорам на эту тему на Форумах АСЕАН.

На первый взгляд все, о чем говорит Огура, может вызвать только положительную реакцию. Это на уровне здравого смысла. Когда же начинаешь углублять этот здравый смысл, обнаруживаешь, что рассуждения ученого так и не проясняют термин "Азия". Следовательно, осталась непонятной главная идея: какую Азию надо объединять: СВА с ЮВА, или Восточную Азию с Южной Азией, или Восточную и Южную Азию с Азией Среднего и Ближнего Востока?

На самом деле Огура все эти мелочи не волнуют. Как уже говорилось, его волнует роль Японии в Азии и на международной арене.

Мой прогноз на те варианты, которые предложил Огура таков: цели и задачи, вытекающие из них, не будут реализованы. Потому что в данной исторической ситуации

сами варианты не реализуемы. И среди них главная идея — создание новой Азии. Не получится.

В отличие от Огура профессор Киотоского университета Такаси Сираиси показывает специфику Азии (= Восточной Азии) и положение Японии в этом регионе. Для наглядности он сравнивает ее с Европой, где развивается Европейский союз, интегрируясь вокруг франко-германского ядра. Германии при этом отводится ключевая роль. Причем, как полагает Сираиси, немцы рассматривают себя в качестве европейцев, оказавшихся готовыми даже уступить свои дойче-марки на евроденьги. "Японцы же все еще не рассматривают себя в качестве азиатов. Даже наиболее оголтелые приверженцы региональности не станут выступать за то, чтобы Япония отказалась от своих вооруженных сил или ликвидировала бы иену, доверяя свое будущее интегрированной Азии"⁹. Как бы в ответ на "объединительные" идеи Огура профессор Сираиси пишет, что Япония выступает за региональное сотрудничество, но "не региональную интеграцию, которая ограничит японскую свободу".

Мне неоднократно приходилось доказывать на примере АТЭС, что ни Япония, ни США не заинтересованы в интеграции "АТР" и делают все возможное, чтобы этот регион был открыт, т.е. неинтегрирован. Российские же научные работники типа М. Титаренко продолжают талдычить об интеграции "АТР", совершенно не осознавая реальных целей основных субъектов региона, в том числе и Японии, о чем откровенно написал Сираиси.

Он столь же справедлив и в отношении разделенности Азии на две части: "морскую Азию", где царит порядок под эгидой США и Японии, и "континентальную Азию", которую необходимо сдерживать. Проблема в том, как взаимодействие двух "Азий" определяет общий региональный порядок.

Ныне гегемоном в Восточной Азии являются США, и стратегия Вашингтона заключается в том, чтобы воспрепятствовать появлению гегемонии любой другой страны. Для этого у США пока достаточно военных, экономических и интеллектуальных сил. Очевидно, что Япония исключается даже как потенциальный соперник США в этом регионе.

Не все ясно для японского ученого с гегемонией Китая в Восточной Азии. Он полагает, что энергия регионального порядка в этом случае сконцентрировалась бы вокруг Китая. На практике это должно было бы привести к ликвидации всех американских баз в регионе; а китайский флот должен был бы заменить 7-й флот США,

⁹ Shiraiishi Takashi. Asia's Regional Order: A Two-Century Perspective. — JAPAN ECHO Vol. 27, No. 3, June 2000. — Internet.

курсирующий в водах от Японского моря до Индийского океана. Кроме того, Китай должен был бы стать лидером в технологических инновациях, а китайский рынок — наибольшим в мире. Возможно ли развитие событий в этом направлении? Сираиси не исключает такую возможность, хотя не в настоящее время и не в ближайшем будущем.

С точки зрения интеграции "двух Азий" проблема заключается в несовместимости двух типов экономики: один тип характерен для экономик Японии, Южной Кореи и Тайваня, другой — для стран АСЕАН. В понимании японского ученого, различия коренятся в институциональной сфере, мешающей интеграции. На самом деле институциональная структура является следствием более глубоких причин, лежащих в основе экономических различий между двумя блоками государств, которые раскидали эти страны в разные миры. Это означает, что у "двух Азий" нет объективной основы для интеграции в единое целое. Их взаимодействие может осуществляться только на базе политики подчинения одной Азии другой.

Естественно, возникает вопрос: а может ли Китай стать интегрантом региона? Например, с помощью хуацяо, превратив его в экономическую сферу "Большого Китая". Рассуждения Сираиси на эту тему весьма любопытны. Он напоминает, что сила китайского государства всегда коренилась в контроле над крестьянством. Это относится как к прошлому Китая, так и к периоду существования КНР. "Государство никогда не имело капиталистического фундамента; фактически коммерческое процветание и развитие рыночной экономики было угрозой его власти". Китай, таким образом, всегда был дестабилизирующим фактором в "морской Азии", которая тяготела к коммерции. Другими словами, торговля ("морская Азия") и крестьянство ("континентальная Азия") находились и находятся в противоречии. В разные времена по-разному решалось это противоречие. Сираиси считает, что торговцы и пираты 15—17 веков разрушили династию Мин. Дескать, и Сунь Ятсен при свержении династии Цин опирались на хуацяо.

Ныне, считает ученый, мы находимся в новом веке коммерциализации. "Сможет ли Китай трансформироваться в капиталистическое государство, соответствующее такому веку, или нет?" — задает он вопрос. Отвечает: "Перспектива кажется весьма сомнительной". Чтобы Сираиси развеял свои сомнения, ему надо просто посмотреть торговую статистику КНР и работы по внешнеэкономической деятельности Пекина.

Что касается Японии, то здесь оригинальность покинула ученого. Он плавно вписывается в когорту реалистов-прагматиков, т.е. тех, кто отстаивает идею "баланса между интернационализацией и азианизмом". Правда, в отличие от многих, Сираиси постоянно подчеркивает, что Япония — это не Германия, и входить в Восточную Азию она должна не так, как Германия в Европу. То есть не растворяться в азиатчине, а сохранять свою самобытность, свой, так сказать, японизм (нихонсюги). Сказываются

традиции Киотоской школы, знаменитой еще с довоенных времен приверженностью к милитаризму и национализму. Я не удивлюсь, если обнаружу, что учителем Сираиси был Итимура Синъити, от которого я впервые услышал, что японцы — это не азиаты, а ... японцы.

Довольно известный в Японии дипломат и международник, ныне директор своего Института Хисахико Окадзаки анализирует стратегическую ситуацию в 21 веке¹⁰. Он напомнил, что, хотя С. Хантингтон в своем труде о столкновении цивилизаций подчеркивал, что основными угрозами безопасности США являются китайская и исламская цивилизации, другие известные американские ученые в этом качестве рассматривали и Японию. Например, Э. Литвак полагал, что после исчезновения Советского Союза усилится экономическая угроза Японии. В аналогичном ключе, хотя и в более осторожной форме, об этом же писал и Пол Кеннеди. Как показывает Окадзаки, подобные суждения имели достаточные основания, принимая во внимание настоящую торгово-экономическую войну между США и Японией в 1990-е годы из-за огромного американского дефицита в торговле со своим союзником. Эта тема особенно заметна была во времена президентства Б. Клинтона, когда японская экономика затрещала по швам в немалой степени и по вине США. И только "способность (Японии) иметь дело с Соединенными Штатами явилась ноу-хау в критических ситуациях, позволившим Японии выжить и в следующем столетии".

Другим положительным для Японии фактором явились тесные взаимоотношения в сфере обороны, которые особенно упрочились в 1980-е годы благодаря сотрудничеству между премьер-министром Я. Накасонэ и президентом Р. Рейганом. Окадзаки со ссылкой на Джона Ауэра напоминает "скрытую историю успеха" в победе над коммунистическим блоком благодаря весомой лепте Японии в совместную японо-американскую военную политику.

Однако после поражения Советского Союза некоторые специалисты и аналитики из либералов начали выступать за отказ от двусторонней системы безопасности в пользу коллективной безопасности, например, для начала в рамках взаимоотношений Китая, Японии, России и Соединенных Штатов. К таким либералам поначалу относился и Дж. Най, по крайней мере, до назначения на пост помощника министра обороны США по проблемам международной безопасности. Все же было признано целесообразным (в том числе и самим Дж. Наем) сохранение нынешней системы безопасности, т.е. на базе двусторонних договоров США со своими союзниками в Восточной Азии.

Несмотря на это, если в Европе благодаря усилению и расширению НАТО все ясно и четко, то в Восточной Азии сохраняется неопределенность. Это касается и ситуации на Корейском полуострове. Даже в случае объединения двух Корей не ясно, какова будет политика новой целостности: независимый нейтралитет, прокитайская, прояпонская, прорусская или проамериканская позиция? Сразу же отвечаю Окадзаки: в любом случае — не прояпонская.

Конечно же, для Окадзаки не ясна ситуация и на российском Дальнем Востоке (РДВ). Он констатирует, что ныне экономика России находится на "катастрофическом дне". Но он верит в возможность ее восстановления благодаря громадным ресурсам и высокому уровню технологии. Он в этой связи напоминает о стремительном развитии советской экономики за 15 лет в период после 1917 г. Он полагает, что такими же темпами можно восстановить и нынешнюю экономику к 2005 или 2006 гг. (Окадзаки явно не понимает, что в первом случае она была восстановлена в рамках политического режима "диктатуры пролетариата", а ныне существует буржуазная демократия российского типа, которая способна только разрушать экономику.)

Подобные преувеличенные надежды на восстановление российской экономики были нужны Окадзаки только для того, чтобы японцы не потеряли бдительность в отношении России, поскольку "подходя исторически, надо помнить, что российский Дальний Восток сам по себе является потенциальной угрозой Китаю, Японии и другим странам региона. Никто вам не сообщит, какую политическую линию предпримет Россия, после того как она восстановит свою силу и обнаружит себя заблокированной на Западе силами НАТО". Так что Японии надо держать "ушки на макушке" и не обольщаться нынешней российской слабостью — таков пафос российского сюжета у японского профессора.

Естественно, самой "дикой картой" является Китай с его нежеланием смириться с нынешним статусом Тайваня. "По этой причине любые попытки Восточной Азии адаптировать европейский вариант коллективной безопасности окажутся несерьезной имитацией как по форме, так и по содержанию".

Основу структуры баланса сил, по мнению Окадзаки, составляет национализм. "Восточная Азия в период после второй мировой войны очень сильно напоминает Европу в период после наполеоновских войн до первой мировой войны (1815—1914 гг.)". Это связано с тем, что к индустриальной революции Восточная Азия приступила на век позже Европы. Поэтому ускорение экономического развития стран Восточной Азии пришлось на 80-е годы. Но если баланс сил в Европе вел к первой мировой войне, то в случае с Восточной Азией трудно предсказать, в каком направлении будет развиваться структура

¹⁰ Okazaki Hisahiko. A National Strategy for the Twenty-first Century. — JAPAN ECHO Vol. 26, No. 5, October

баланса сил в регионе. Это связано с тем, что почти невозможно просчитать сложное уравнение с множеством переменных — Китай, возможно, объединенная Корея, восстановленная Россия, не говоря уже об Индии и 10 странах АСЕАН.

Наиболее предсказуемым в этом уравнении является фактор японо-американского союза. "Даже Россия мало что приобретет от объединения с Китаем в противодействии японо-американскому альянсу". Самая непросчитываемая переменная — это все-таки Китай. С ним могут быть связаны два сценария: при дальнейшем развитии демократии развал страны (советский вариант 1991 г.); усиление Китая на базе сильной централизованной власти при опоре на однопартийную диктатуру и национализм как движущую силу во внешней политике. "Объективно говоря, последний сценарий наиболее вероятен".

По мнению Окадзаки, начиная с 2005 г. и в последующие 10 или 20 лет Япония и США столкнутся с большими трудностями. Прежде всего, это касается военных аспектов безопасности, и Япония должна быть к этому готовой. Она должна внедрить ПРО, чтобы "защититься против постоянного улучшающегося ракетного потенциала Китая". Япония также должна положить конец бессмысленной официальной линии страны, в соответствии с которой "она имеет право на коллективную самооборону, но не может ее осуществить". Другими словами, необходимо чтобы "право" могло быть реализовано в "действии".

Но главная проблема для Окадзаки — как действовать Японии в случае кризиса в Тайваньском проливе. И хотя автоматическое вхождение Японии в конфликт исключается, однако потенциальная возможность вовлечения Японии должна учитываться Китаем, — считает Окадзаки. Китай должен также осознавать, что атаку против Тайваня, которая приведет к войне с США и Японией, можно будет сравнить с нападением Японии на Пирл-Харбор и "даже решение Советов вторгнуться в Западную Европу во времена холодной войны".

Таким образом, пропагандистской целью статьи Окадзаки следует считать предостережение Китая от безрассудных шагов. При этом он напомнил, что лидеры Советского Союза ввергли свою страну в изнурительную гонку вооружений с США и проиграли холодную войну. "Но китайские лидеры, вероятно, более чувствительны и, находясь перед лицом тесного японо-американского альянса, смогут прекратить гонку, прежде чем она достигнет своего пика".

За профессором Такаси Иногути из Токийского университета я "слежу" с начала 70-х годов. Ни одна моя работа, относящаяся к Японии, не обходится без ссылок на его труды. Главная причина — он один из редких ученых, особенно среди японских политологов, который работает на понятийном уровне. Возможно, это не удивительно, имея в виду его тесные связи с американскими учеными, прежде всего из Стэнфордского университета. Обычно его работы отличаются оригинальностью суждений, что противоречит стремлению к единомыслию среди остальных японских международных.

Тем большее удивление вызвала у меня его статья, которую я намереваюсь изложить. Посвящая ее проблемам Восточной Азии в конце 1990-х годов, он начинает анализ с фиксации "трех сил", определивших состояние мира в конце XX века. Это — окончание холодной войны, глобализация и демократизация мира. Если относительно рассуждений о влиянии окончания холодной войны на ход событий у меня нет принципиальных возражений, то в связи с глобализацией возникает ряд вопросов. Он пишет, что глобализация ускорилась с 1985 (?) г., и это привело к "интеграции финансовых рынков, которая вызвала к жизни термин "глобальный рынок" — по-настоящему подлинное кольцо"¹¹. Иногути продолжает: "Земной шар больше не поделен на три мира: первый, второй и третий. Он также не разделен национальными территориальными границами так же четко, как это было раньше. Он — интегрированный мир" (там же).

Я не удивился бы, если все это написал какой-нибудь научный сотрудник из демократического лагеря в России. Но это пишет японский международник, имеющий возможность читать, например, труды Эйсукэ Сакакибара и тесно общаться со своими друзьями из Стэнфордского университета (например, Даниелем Окимото). О каком "интегрированном мире" можно говорить, если, кроме западноевропейского интеграционного анклава, нет больше ни одной интегрированной зоны в мире. Говоря об исчезновении трех миров, не хочет ли Иногути сказать об исчезновении различий в уровне развития между этими мирами. И не рано ли петь дифирамбы глобализации, возникшей как тенденция в 1990-е годы. Неужели профессор ничего не читал о реакции Третьего мира на эту глобализацию и не слышал о нарастающем антиглобалистском движении?

Да и сама демократизация, несмотря на ее внешний триумф, отнюдь не однозначно несет странам экономическое процветание. Достаточно полистать статистические

¹¹ Inoguchi Takashi. Adjusting America's Two Alliances in East Asia: A Japanese View. July 1999, p. 5. <http://www.stanford.edu/group/APARC>.

материалы таких стран как Россия, Индонезия, Филиппины, Индия и многих-многих других стран "демократии". Чему же восторгаться?

Сам Иноуги, не замечая этого, дезавуирует свой пафос относительно положительного эффекта "трех сил" на международные отношения, когда начинает разбирать "угрозы" в Восточной Азии. То есть они хотя и возникли до холодной войны, но до сих пор продолжают сохранять свою актуальность. Это и проблема безопасности на Корейском полуострове, и проблема Тайваня, и ряд других проблем, которые перечисляются вот уже на протяжении почти 50 лет.

Иноуги предлагает варианты решения проблем, например, предотвращение Тайваньского кризиса. Вот некоторые из них.

— Два союзника, особенно японо-американский договор безопасности, должны быть признаны как основа политической стабильности и экономической силы в Восточной Азии.

— Два союзника должны четко объявить всему миру, что не использование силы должно рассматриваться как наиболее возможный вариант в решении конфликтных интересов.

— Два союзника должны опираться на стратегию вовлеченности в большей степени, чем на стратегию сдерживания.

— Два союзника не должны игнорировать факт, что тайваньская проблема поднимает вопросы государственного суверенитета относительно народного суверенитета.

— США не должны унижать или ставить в неловкое положение своих союзников.

— Политика безопасности США должна большее внимание уделять экономическими и социальным аспектам китайского развития.

— Япония должна в большей степени осознавать военные и идеологические аспекты этого альянса.

— Даже если и произойдет объединение с Северной Кореей, Южная Корея должна остаться морской страной, практикующей демократию, свободную рыночную экономику и прагматическую дипломатию (р. 16—17).

Во-первых, в этих рекомендациях нет ничего оригинального. В таком виде они пропагандируется лет 20, не менее. И то, что они не реализованы до сих пор, означает, что они не "работоспособны", и это во-вторых. И, в-третьих, раз они до сих пор не реализованы, т.е. проблемы сохраняются, как же после этого можно утверждать то, что "мир интегрирован и не разделен на миры".

Судя по всему, Иногути потерял или начал терять присущую ему ранее склонность реалистично оценивать международную ситуацию. Впрочем, такая метаморфоза происходит не с одним только Такаси Иногути.

Коротко хочу упомянуть, не разбирая всей работы, одну любопытную статью Нобуо Нода из Нандзанского университета. Прогнозируя будущее, он предсказывает, что "войны в следующем столетии вряд ли примут форму прямого столкновения между Соединенными Штатами, Центральной Европой, Китаем и Россией, скорее, конфликты произойдут на периферии их соответствующих империй. ...И, таким образом, мы можем ожидать частые мелкомасштабные столкновения на различных границах между империями, такими, как в балтийских государствах между германской и российской сферой и в восточно-азиатских странах между китайской и американской сферой"¹². К такому выводу профессора приводит его предыдущий анализ, из которого следует, что в глобальной политике в XXI веке главными игроками будут США, Центральная Европа во главе с Германией, Россия и Китай.

Между прочим, несмотря на кажущуюся фантастичность такого прогноза, и балтийская, и восточноазиатская "сферы" имеют большие шансы превратиться в боевые "фронты".

Обращаясь к Японии, Нода предлагает ей брать пример с Германии в том смысле, что надо смотреть шире на собственную роль в мире, чем только реагировать на текущие проблемы вывода страны из рецессии. Он довольно остро критикует тех, кто озабоченной памятью о неудачах создания Великой сферы сопроцветания в Восточной Азии даже избегает дискуссий о создании регионального порядка в Восточной Азии. Он предлагает серьезно задуматься о более активной военной роли своей страны, способной соперничать с Китаем. "Можем ли мы ожидать экономического процветания, не играя никакой роли в формировании порядка в Восточной Азии, а только находясь между соперничающими империями, управляемыми Вашингтоном и Пекином?" — вопрошает Нода. И отвечает: "Без собственной стратегии видения международного порядка Япония в 21 веке может стать похожей на футбольный мяч, туда-сюда пинаемый американскими и китайскими игроками".

Нода — это редкий случай среди японских ученых, откровенно ратующий за самостоятельную великую роль Японии в Восточной Азии. Такая воинственность профессора объясняется тем, что он долгое время работал в Киотоском университете, так

¹² Noda Nobuo. Japan in a World of Rival Empires. - JAPAN ECHO Vol. 26, No. 3, June 1999. — Internet.

сказать, сохраняющим статус оплота японского национализма и воинственного милитаризма.

* * *

Из сказанного следует, что практически все названные ученые признают наличие одних и тех же тенденций и проблем в Восточной Азии, а также "угроз" безопасности в регионе. Но как решать эти проблемы — вопрос, на который все отвечают по-разному. Что дает повод для всевозможных дискуссий на академическом уровне.

А теперь рассмотрим один документ, который хотя и был составлен представителями сэйдзигакай, но после утверждения кабинетом фактически стал официальным.

Обновленный взгляд на XXI век и место Японии в мире

Обычно в период катаклизмов и кризисов, серьезно затрагивающих Японию, руководители страны создают специальные комитеты или советы из наиболее авторитетных политиков, бизнесменов и ученых, которые разрабатывают неординарные проекты по преодолению этих кризисов. Так было во времена премьер-министра М. Охира, по инициативе которого были созданы группа М. Иноки, сформулировавшая концепцию комплексной национальной безопасности, и группа С. Окита, выдвинувшая идею Тихоокеанского сообщества. При Дз. Судзуки и Я. Накасонэ работала группа Маэкава, подготовившая проект Административно-финансовой реформы (японский вариант рейгономики и тэтчеризма).

Аналогичная группа, названная Комиссией, была создана по инициативе премьер-министра Кэйдзо Обути 30 мая 1999 г., куда вошли 16 ведущих "граждан" из различных сфер деятельности и 33 эксперта, распределенных по пяти подкомитетам¹³. К 18 января 2000 г. они представили окончательный Доклад, озаглавленный: Japan's Goals in the 21st Century. The Frontier Within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium (January 2000. The Prime Minister's Commission on Japan's Goals in the 21st Century). Мне для анализа нужна глава "Место Японии в мире (глава 6)¹⁴.

¹³ Название подкомитетов: 1) Место Японии в мире; 2) Процветание и динамизм; 3) Достижение обеспеченной и богатой жизни; 4) Красивая страна и безопасное общество; 5) Будущее японцев. В написании главы "Место Японии в мире" участвовали: Мамото Ёкибэ (председатель подкомитета), Кэйко Тино, Ёити Фунабаси, Синъити Китаока, Рёсэй Кокубун, Хироси Наканиси, Нацуо Сэкикава, Ёсида Соёя, Кураёси Такара, Акихико Танака.

¹⁴ Этот документ помещен на сайте премьер-министра Японии. Хотя он дан в формате PDF, но не целиком, а разбит на главы. В результате страницы даны не сквозные через весь документ, а по главам. Т.е. каждая глава начинается со страницы 1.

Сразу же следует оговорить, что авторы, во-первых, не определили ключевые понятия внешней политики и международных отношений. Во-вторых, они не прогнозируют ситуацию в XXI веке, а исходят из возможных "вызовов", при этом не размышляя над степенью их вероятности и масштабности. В-третьих, в будущее они "берут" наследство XX века, состоящее из "свободы, демократии и японо-американского союза".

Все это означает, что данный доклад не является научным материалом, а представляет размышления группы людей на основе "здорового смысла", далекого от понимания закономерностей развития международных отношений. Тем не менее, анализ данного доклада может быть полезным, хотя бы для того, чтобы оценить уровень японских экспертов, представляющих интеллектуальную элиту современной Японии.

Концепция "Просвещенных национальных интересов"

Итак, свое видение вызовов XXI века авторы начинают с предложения взять на вооружение концепцию "Просвещенных национальных интересов". Сами, правда, они называют ее Стратегией, которая означает «долгосрочный и взвешенный подход в деле удовлетворения потребностей собственной страны путем увеличения количества дружественных государств, уважения интересов других стран и улучшения международной среды на базе "взаимности"» (р. 5).

Сам призыв к "взаимности", видимо, означает, что нынешняя внешняя политика Японии реализуется на иной базе, т.е. строится на *получении* выгод только для *себя* или по принципу игры с нулевой суммой. (По ходу отмечу, что тема игры с нулевой суммой в деталях обсуждалась в мировой политологии еще в 70-е и в 80-е годы, в том числе и в СССР.)

Указывая на то, что глобализация развивает экономику без границ, а также ускоряет транснациональные потоки людей, денег и товаров, авторы обращают внимание на важность в этом процессе негосударственных акторов, т.е. неправительственных организаций (НПО), некоммерческих структур и *других* гражданских организаций. Подобные явления привели их к выводу о том, что "национальные интересы суть общественные интересы как целостность" (р. 6) Другими словами, они являются не только государственными интересами.

Любопытно, что японские аналитики впервые подняли проблему соотношения государственных интересов и общественных (национальных) интересов. Эта проблема активно обсуждалась в Советском Союзе в первой половине 80-х годов среди теоретиков-

международников, например в стенах ИМЭМО. В те времена мы сошлись на том, что американские доктрины национальных интересов фактически означали государственные интересы, т. к., с одной стороны, сами американцы под словосочетанием national interests понимали states interests (national and state в этом случае являются синонимами), с другой стороны - внешняя политика США, считали мы тогда, может отражать интересы именно капиталистического государства, а не всего общества, хотя бы часть которого так или иначе находится в оппозиции правительству-государству. В Советском же Союзе, считали мы, национальные интересы и государственные интересы совпадают, поскольку социалистическое государство отражает интересы всего общества. Как впоследствии оказалось, государственные интересы СССР отнюдь не отражали интересы всего общества, а наоборот, по многим позициям, в том числе и по международным, противоречили этим интересам.

Японские международники самой постановкой вопроса признают наличие противоречий между государственными и общественными интересами и потому призывают правительство совместить их на базе концепции "Просвещенных национальных интересов", т.к. "эта политика означает такую политику, которая реализует национальные потребности" (там же).

С другой стороны, это предполагает также, что национальные интересы определяются интересами общества, а общество на основе достоверной информации участвует различными путями в политическом процессе и знает, куда оно движется¹⁵. Авторы осознают, что такая идеальная конструкция не может быть претворена на практике. Национальные интересы могут конфликтовать с частными интересами, например специальными интересами промышленников, региональными интересами или интересами личности. Даже в Конституции фиксируется, что личные права могут быть ограничены ради общественного блага. И, когда необходимо, государство расплачивается за интересы всего общества. Но для того чтобы сохранялась справедливость, нужно, чтобы политические лидеры были открыты для общественности, а общественные интеллектуалы привлекались для участия во внешнеполитическом процессе (там же).

Итак, "Просвещенные национальные интересы" — это интересы, отражающие интересы всего общества, которое одновременно участвует в их формулировании и ставит общественные интересы выше частных интересов или групп.

Вторым ответом на вызовы XXI века авторы называют "Соседские отношения (ринко)", прежде всего, с азиатскими странами.

¹⁵ Крайне любопытно. Об аналогичных вещах мне приходилось писать более 10 лет назад по поводу внешней политики Советского Союза. См.: Р.Ш.-А. Алиев. Гласность в тенетах внешней политики и

Они подчеркивают, что на фоне региональной интеграции и сотрудничества в Европе и в других частях мира, в СВА сохраняются "осколки" холодной войны, на которые наслаиваются проблемы Север—Юг, т.е. проблемы бедных и богатых.

Задача Японии заключается в том, чтобы помогать бедным, способствовать переходу от авторитарных режимов к демократии, оказывать помощь в выходе из финансового кризиса тем странам, которые ощутили на себе его последствия. Все это и означает — строить добрососедские отношения (ринко). Это не так просто, как может показаться на первый взгляд, имея в виду ряд специфических для Восточной Азии проблем.

Одна из них, которая требует разрешения, — территориальная проблема. "Территория — это ключевой элемент государства, и каждая страна должна придерживаться твердой позиции в отношении территорий" (р. 7—8). В то же время, считают авторы, было бы неправильно из-за территорий терять перспективу общих интересов. Сторонам необходим взвешенный подход к решению этой проблемы, чтобы не препятствовать развитию двусторонних и многосторонних региональных отношений. Япония намерена придерживаться принципа мирных решений по территориальным проблемам.

Другая проблема в регионе — различия в идеологии и представлениях. Это естественно для стран с разной культурой и историей. Разнообразие можно даже приветствовать. Но необходимо все эти идеологические конфликты контролировать на управленческом уровне, чтобы они не наносили ущерб сосуществованию народов различных стран.

В этой связи серьезной политической проблемой для Японии является различие во взглядах на историю, особенно в отношениях с Китаем и Южной Кореей. В решении этой проблемы большую роль должны сыграть научные исследования, которые приведут к общему взаимопониманию.

Важнейшим определяющим фактором для будущего Восточной Азии является Китай и эволюция японо-китайских отношений. Для многих стран в регионе, включая и саму Японию, главное беспокойство вызывает то, насколько Китай будет продолжать двигаться по пути "реформ и открытых дверей" к демократизации. А также будет ли Китай решать тайваньскую проблему мирными средствами. Обычно подчеркивают, что Япония и Китай являются соперниками в Восточной Азии. Но формирование условий сотрудничества отвечало бы национальным интересам обоих государств.

В СВА в сотрудничество в сфере безопасности вокруг КНДР вовлечены военная сверхдержава, основные державы Япония, Китай, Южная Корея и Россия. Хотя Северная Корея предпочитает вести переговоры по безопасности на двусторонней основе, все же

международных отношений. В Гласность: мнения, поиски, политика /Отв. ред. Ю.М. Батулин. М.: Юрид. лит., 1989, с. 220—247.

более плодотворно их вести на многосторонней основе. Более того, "в утверждении региональной безопасности Россия также важна, как Япония, Китай, Южная Корея и Соединенные Штаты. Хотя Россия продолжает переживать период политической нестабильности из-за трудностей с переходом к новой политической системе и рыночной экономике, она все же остается великой державой. С точки зрения долгосрочных японо-российских отношений вполне естественным является формирование прочных экономических связей между РДВ и Японией. Столь же желательным является и японо-российское сотрудничество в утверждении регионального порядка" (р. 9).

На этот пассаж в отношении России особенно необходимо обратить внимание, поскольку *в официальных документах "российская часть" в основном упоминается только в контексте возврата "северных территорий"*.

Зона АСЕАН. Авторы полагают, что предложение премьер-министра Малайзии Махатхир бин Мухамеда о создании закрытой Восточноазиатской экономической организации (East Asian Economic Caucus) с ее антиамериканской и антизападной подоплекой является непродуктивным. Также непродуктивным была и оппозиция со стороны США и Китая по созданию Азиатского валютного фонда, предложенная в ответ на финансовый кризис в Восточной Азии. Эксперты полагают, что множество региональных проблем экономического характера можно решить на базе Соглашения о свободной торговле (Free trade agreement), нечто вроде азиатского варианта НАФТА. Тем более что АТЭС из-за вхождения в него разнородных членов, а также ограничений на вхождение в эту организацию, практически парализован. Чтобы реанимировать эту организацию и активизировать все остальные региональные организации, необходимо связать их в многоярусную схему, которая должна состоять из японо-американского союза, треугольника Япония—Южная Корея—США, Япония—Китай—Южная Корея и Япония—Китай—США плюс АСЕАН +3. Японии в этом контексте надо подумать и о группе с Австралией и Новой Зеландией (р. 10).

Предлагая столь утопичный вариант, авторы забыли оговорить, на какой основе стали бы формироваться эти "треугольники". Такое ощущение, что не только в России, но и в Японии нет недостатка в "еслибистах".

Гражданская держава

Официальные лица в Японии постоянно акцентируют внимание на том, что Япония не является милитаристским государством, несмотря на обладание громадным экономическим потенциалом. В 90-е годы среди японских международных деятелей появился термин "гражданская держава" (civil power). Авторы разбираемого доклада решили

наконец придать этому термину доктринальную форму, выразив ее через концепцию "гражданской державы". (В японской печати она чаще упоминается как "Глобальная гражданская держава".)

Процесс превращения страны в "гражданскую державу" осуществлялся в ходе поступательной эволюции. На первом этапе, в 50-60-е годы, Япония, сконцентрировавшись на "экономизме", добилась внушительных успехов. Это позволило ей как "торговому государству" стать членом ГАТТ (в 1955 г.), а в 60-е годы — членом МВФ и ОЭСР — организаций, считающимися "тремя столпами" свободного мира.

В 70-е и в 80-е годы Япония созрела для того, чтобы быть не только экономической державой, но и "многосторонним игроком", т.е. играть и на политической арене. Доктрина Фукуда (1977 г.) стимулировала расширение участия Японии в процессах стабилизации в Азии с опорой на экономические инструменты политики. Деятельность премьер-министра М. Охира содействовала продвижению концепции Тихоокеанского сообщества, которая привела к установлению ПЭКК (Pacific Economic Cooperation Council) в начале 80-х годов, а позже, в 1989 г., — АТЭС. Япония активно вторглась в проблемы безопасности, в том числе через участие на встречах в верхах Группы-7.

Своего пика как экономическая держава Япония достигла в конце 80-х годов. Персидский кризис 1990 г. резко поставил вопрос об участии Японии в мировых процессах по поддержанию мира и безопасности. Утвержденный парламентом в 1992 г. Закон о международном сотрудничестве по поддержанию мира позволяет теперь стране на законных основаниях направлять войска ССО в "горячие" точки земного шара, что расценивается как повышение роли Японии в сфере политики и безопасности.

Концепция "гражданской державы" вбирает в себя три принципиальные функции: 1) вовлечение в проблемы безопасности; 2) участие в глобальной системе, в частности в построении международного экономического порядка; 3) сотрудничество с развивающимися странами через механизм ОПР /официальная помощь развитию/ (р. 10).

Первый пункт, относящийся к безопасности, прежде всего, означает, что Япония и в XXI веке не намерена использовать военную силу как средство разрешения национальных споров. "Японцы не будут использовать силу, — пишут авторы Доклада, — даже для возвращения территорий, которые принадлежат им по праву" (р. 12).

В то же время нет никаких гарантий, что в XXI веке возникнут такие благоприятные условия, которые позволили бы забыть о внешней безопасности. В этой связи как бы в ответ на требования националистов стать самостоятельной военной державой авторы указывают на то, что, во-первых, это потребует более значительных военных расходов без гарантий усиления безопасности; во-вторых, это может вызвать шок у азиатских соседей Японии. Поэтому оптимальным вариантом является продолжение сотрудничества с США

на базе японо-американской системы безопасности, в рамках которой должна осуществляться скромная модернизация японских ССО. То есть они предлагают то, что уже и делается на практике в сфере безопасности.

Участие Японии в укреплении международной безопасности планируется через ООНовские организации, а также через Совет Безопасности ООН, куда Токио рассчитывает попасть, между прочим, надеясь на поддержку и России.

Реализация второй функции — участие в глобализации и построении международного экономического порядка — предполагается, прежде всего, через международные финансово-экономические организации, по мере возможности усиливая в них свои позиции. Их задача, по мнению составителей Доклада, — смягчить брешь между богатыми и бедными странами, которая углубляется, в том числе из-за глобализации, по-разному работающей в системе богатых и развивающихся государств (р. 15).

Наконец, третья функция — помощь развивающимся странам через механизм Официальной помощи развитию (ОПР). Это особое направление японской внешней политики. Его специфика заключается в том, что через механизм помощи Япония фактически привязывает эти страны к японской экономике. Но и здесь авторы Доклада усматривают проблемы. Дело в том, что по масштабам ОПР Япония находится на первом месте в мире среди всех развитых государств. Но по затратам на ОПР относительно ВВП Япония оказывается в тройке последних из 21 страны ОЭСР. Поэтому необходимо увеличить эту помощь, а также оптимизировать ее структуру (р. 16—17).

"Политика слов"

В японской политологии впервые появилось словосочетание "политика слов". Идея заключается в том, что обычно в качестве инструментов политического воздействия использовались "политика силы", затем "политика денег". Теперь настала пора обратиться к "политике слов". Иначе говоря, необходимо научиться влиять и воздействовать на международную общественность или на государства путем убеждения, т.е. превращать язык в оружие достижения тех или иных целей.

Это необычная постановка вопроса даже для мировой политологии. Одно дело рассуждать о "силе слов" применительно к межличностным отношениям для приобретения личного успеха, как этому учит Дейл Карнеги, другое — вывести искусство языка на уровень межгосударственных или политических отношений. Хотя из мировой истории известно немало случаев, когда "слово" меняло мировую историю. Авторы в этой связи вспоминают пламенную речь Антония перед сенатом, кардинально

изменившую внутреннюю и внешнюю политику Римской империи после убийства Брутом Цезаря (в последнем случае, правда, сработала "сила меча"). Из советской истории в этой связи можно напомнить блестящую речь (на трех языках) В.Г. Чичерина на Генуэзской конференции, изменившую настроение делегатов в пользу благожелательности в отношении тогдашней молодой Республики. Кстати, все большевистские лидеры (за исключением Сталина) обладали ораторским красноречием, что являлось одним из важнейших инструментов в процессе захвата власти. "Языку" в немалой степени обязан своей популярностью Н. Хрущев и М. Горбачев, особенно последний, способный, к всеобщему удивлению говорить "без бумажки". Чудо — после брежневского мычания. Американские президенты почти все, за редким исключением, обладали умением говорить "красиво" и с юмором. Между прочим, даже официальные документы США отмечены художественным своеобразием (шутки, цитаты из классиков, отсутствие канцеляризма и т.д.), что повышает их читабельность. И наоборот, официальные японские документы, на что обращают внимание авторы, из-за канцеляризма, сухости и бесцветности практически невозможно читать, с чем я согласен на 100%, точно так же, как и в отношении российских официальных документов, способных отбить к ним интерес уже с первых строк. Это касается и выступлений на международных форумах. Самые бесцветные выступления — это выступления японцев и русских. Самые живые выступления — американцев.

Таким образом, тема — "политика слов", как может показаться, не столь уж экзотична.

В концепции "гражданской державы" эта проблема, точнее, ее решение, увязывается со всей внутренней инфраструктурой, работающей на внешнюю политику. Она носит многоплановый характер. Ее недостатки, по мнению авторов, заключаются в следующем.

Спецификой японской модели внешнеполитического процесса является ограниченность доступа к информации, касающейся внешней политики Японии. Чтобы наглядно представить эту проблему, достаточно сравнить материалы канцелярии премьер-министра, МИД, Управления национальной обороны, МИТИ, министерства финансов с аналогичными материалами американских ведомств, размещенных на сайтах Интернета. Разница как между небом и землей. Ограниченность доступа к информации, естественно, ограничивает участие широкой общественности во внешнеполитическом процессе.

В Японии отсутствует и механизм обсуждения внешнеполитических проблем между высшими бюрократами, лидерами финансово-промышленных кругов и академической элитой, а всех вместе — с "публикой", т.е. общественностью.

Другая проблема — это сбор знаний о мире, одним из каналов которого являются представительства за рубежом. Проблема в том, что количество персонала дипломатических посольств Японии значительно уступает другим развитым странам. В некоторых странах вообще отсутствуют посольства¹⁶.

Авторы обращают внимание еще на одну проблему — нехватка научно-исследовательских институтов, покрывающих своими исследованиями "каждый регион" (р. 19). Особенно не хватает специалистов по изучению проблем экологии, народонаселения, продовольствия, миграции беженцев, терроризма.

Актуально стоит вопрос и об улучшении качества обучения студентов международного профиля, которое, по мнению экспертов, "не адекватно по сравнению с тем, что существует на Западе" (р. 19). Столь же неадекватно количество японских студентов, обучающихся за рубежом, и наоборот, иностранцев в Японии. Все это необходимо расширять, а в качестве инициативы они предлагают создать в Японии Университет АТЭС.

Необходимо также решать проблему низкого уровня интереса японцев к международным делам. В США международными проблемами и внешней политикой интересуется 5% населения, т.е. около 12 млн человек. Это немного, но если бы в Японии интерес проявляли к названным темам те же 5%, то это означало бы всего лишь 6 млн человек, хотя на самом деле, полагают авторы, их количество значительно меньше.

По примеру США, Япония нуждается в создании форумов по обсуждению проблем внешней политики на уровне всей нации. Существующие организации типа японо-американских обществ явно недостаточны. Авторы приводят в пример США, где функционируют Советы по международным делам Америки (the World Affairs Councils of America — WACA), которые имеют 100 региональных подразделений с количеством членов в 370 тыс. человек, контактирующих с 24 млн гражданами в году (р. 20).

Наконец, еще один важный аспект инфраструктуры — знание английского языка, ставшего интернациональным языком, помимо всего прочего благодаря Интернету и "глобализации". В Японии, кстати, всерьез обсуждается тема введения английского языка как второго официального языка в стране. Авторы рекомендуют все официальные

¹⁶ Для информации, почерпнутой из "Голубой книги" МИД 2000 г. В 1999 г. за рубежом функционировало 115 посольств, 65 генконсульств и 6 постоянных миссий и делегаций. В 1999 ф.г. штат МИД был увеличен на 65 человек, из них на 20 человек в самом министерстве, на 45 — за рубежом. Всего же в японском МИД работало 5 234 человек, из них в самом министерстве 2 030 человек и 3 204 — за рубежом. (Это приблизительно составляет 1/4 часть штата госдепартамента США). Бюджет МИД в 1999 ф. г. составлял 759,5 млрд иен (по другим данным, 832 млрд иен), что соответствует 0,9% от бюджета. Между прочим, в следующем, 2000 ф.г. бюджет МИД был сокращен до 774 млрд иен. Эта пропорция ниже аналогичных пропорций в других развитых странах. В США, например, строка "международная деятельность" равна 1,2% бюджета.

документы парламента и правительства переводить на английский язык для рассылки их через Интернет.

Общий вывод. Если страна хочет всерьез реализовать идеи, принципы и цели "гражданского общества", для этого необходимо сформировать новую инфраструктуру внутри страны.

Осознавая, что реализация подобной концепции может оказаться непростым делом, тем не менее авторы, отвергая как "легковерный оптимизм", так и "фанатичный пессимизм", выражают "жизнерадостный оптимизм" (resilient optimism).

Следует признать, что данный доклад и идеи, заложенные в концепции "Просвещенных национальных интересов" и "гражданского общества", несмотря на многие банальные и утопичные положения, действительно резко контрастируют с представлениями других политологических школ. Они ближе к реальности и, самое главное, они укладываются в финансовые возможности Японии. Некоторые же положения, касающиеся, например, "политики слов", вообще можно признать революционными хотя бы потому, что эта тема в таком контексте нигде не обсуждается.

* * *

Что же касается сущности оценок официальной Японией международных отношений в XXI веке, то они так же далеки от реальности, как и сама реальность далека от Японии. Этот парадокс объясняется тем, что авторы и официальных документов, и Доклада акцентировали внимание на позитивных сторонах реальности, отражающей главным образом экономическое развитие стран Запада. Геостратегические сферы этой реальности, в которой и будут происходить серьезные конфликты, напрямую не касаются Японии. Косвенно же она в них участвует и будет участвовать как "помощница" США через систему японо-американской безопасности. В реальности же она попытается откупиться, как не раз это было в прошлом, "финансовым вкладом". И посему катаклизмы вокруг грядущих изменений структуры международных отношений, неизбежного усиления противоборства между Югом и Севером или локальные военно-политические конфликты вряд ли по-серьезному затронут безопасность страны. К тому же Япония, осознавая себя великой державой, не педалирует свое величие. Наоборот, в отличие от некоторых государств, она старается по мере возможности не вовлекаться в конфликтные ситуации и не предлагать себя в качестве посредников в разрешении этих конфликтов. Главный внешнеполитический принцип Японии, несмотря на "словесные новации", остается прежним — адаптироваться к любой обстановке на международной арене. Это и дешевле, и эффективнее.

Глава IV. Роль России во внешней политике Японии

Россия в контексте безопасности Японии

Обычно в официальных речах японцы редко оперируют категориями национальных интересов и безопасности: они предпочитают их заменять привычными для них терминами "мир и стабильность". Поэтому с точки зрения разбираемой здесь темы удобнее обратиться к изданиям Управления национальной обороны (УНО), которое в силу необходимости вынуждено употреблять термин "безопасность" и делать анализ в контексте содержания данного термина.

В отличие от американских аналогичных документов, где Россия игнорируется или почти игнорируется, японские уделяют России определенное внимание, хотя и не столь повышенное как во времена СССР. Предварительно следует также отметить, что в недрах УНО за последние пять лет опубликовано немало материалов, в которых отражены "модификации" в сфере "оборонной политики". Среди них особое значение имеют "Основные направления программы национальной обороны в-и после 1996 ф.г." (ноябрь 1995 г.), "Программа среднесрочной обороны (1996—2000 гг.)", "Японо-американская совместная декларация по безопасности" (апрель 1996 г.), а также серия документов, связанных с передислокацией военно-воздушной базы в Футема на Окинаве. УНО также опубликовало ряд "просветительных" материалов, в которых сжато изложены основные идеи вышеназванных документов: "Японо-американский альянс. Безопасность в 21 веке" (декабрь 1996 г.), "Новая эра в системе безопасности" (январь 1998 г.) и т.д.

Теперь посмотрим, как оцениваются проблемы безопасности в официальных сборниках УНО Японии, а именно в двух изданиях "Белой книги по обороне" за 1997 г. и 1999 г. в английском варианте. В материалах за 1997 г. обозначены почти те же самые "зоны опасности" в Восточной Азии, что и в американских Стратегиях. Это и проблема безопасности на Корейском полуострове, и возрождение Китая, и территориальные споры, и распространение оружия массового уничтожения, и увеличение оборонных расходов в регионе.

Отличие заключается в следующем. Среди "зон опасности" не упоминается проблема Тайваня. Эта тема рассматривается в контексте взаимоотношений между США и КНР. Сам же Китай, помимо его потенциального возвышения, волнует Японию и с другой стороны. А именно: "Китай в феврале 1992 г. узаконил Акт о территориальных водах, в котором утверждается, что острова Сэнкаку (китайцы их называют Дяоюйдао. — *О.А.*), которые являются территорией Японии, Спратли и Парасельские острова, на суверенитет

которых претендуют некоторые страны АСЕАН, являются китайской территорией"¹. Кстати сказать, среди территориальных проблем называется и проблема островов Такэсима (Токто по-корейски). Другими словами, проблема территориального размежевания сохраняется как в отношениях с КНР, так и в отношениях с двумя Кореями, что делает нынешнюю "стабильность" в регионе весьма относительной и хрупкой.

Как уже говорилось, Россия в военных концепциях Японии представлена по полной форме. Во-первых, четко оговаривается проблема японских "северных территорий" (р. 33). В "Белой книге" пишется: "Россия, еще будучи Советским Союзом, разместила сухопутные войска на островах Кунашир, Итуруп и Шикотан, которые были незаконно оккупированы, несмотря на то что они являются интегральной частью японской территории" (р. 45—46). Правда, русские сократили свои войска до уровня бригады, но там сохраняется военная техника: танки, артиллерия, противовоздушные ракеты.

Во-вторых, хотя после распада СССР в целом произошло сокращение военной активности России в окрестностях Японии и "изменилась военная ситуация на Дальнем Востоке, однако там еще сохраняется в больших масштабах военный потенциал, включая ядерный арсенал" (р. 291).

В-третьих, "будущее развитие российских сил невозможно рассчитать из-за нестабильной политической и экономической ситуации в стране. Соответственно, и будущее развитие российских сил на Дальнем Востоке неопределенно. Поэтому Япония проявляет серьезное беспокойство по поводу такого состояния дел" (р. 39).

Оценки международной безопасности в выпуске 1999 г. звучат более тревожно. Это связано, видимо, с тем, что не оправдались надежды на стабилизацию международной ситуации после холодной войны. Наоборот, она усложнилась, причем не только в Африке, Южной Азии (Афганистан, Индия—Пакистан), но и в Европе (Косово). Не смягчилась ситуация и в "АТР". Как пишут авторы сборника, "в этих условиях АТР не располагает возможностями установить многостороннюю систему безопасности по европейской модели"². Хотя кое-какие подвижки в этом направлении наблюдаются, если иметь в виду обсуждение проблем безопасности на форумах АСЕАН.

Непредсказуемость и неопределенность в "АТР" определяется таким набором факторов: неопределенностью политической и экономической ситуации в России, нерешенностью проблем на Корейском полуострове, проблемами Северных территорий, островов Такэсима, Спратли, инцидентом, связанным с запуском ракеты Северной Кореей (р. 12, 23—24).

На этот раз большее внимание уделено и российским вооруженным силам на "японских северных островах". Для информации не могу не привести весь кусок,

¹ Defense of Japan. Defense Agency, 1997, p. 51.

² Defense of Japan. 1999. Urban Connections, June 1999, p.3.

посвященный данной теме, полностью. "Россия перегруппировала сухопутные силы на японских северных территориях Кунашир, Итуруп и Шикотан, которые она незаконно оккупирует, несмотря на то что они являются интегральной частью японской территории, находящейся с 1978 г. (?) под режимом бывшего Советского Союза. В последние годы, однако, количество военного персонала на островах имеет тенденцию к понижению, и предполагается, что ныне он значительно ниже уровня, чем во времена своего пика. Танки, различного типа артиллерия и противоздушные ракеты, несмотря ни на что, все еще размещены на территориях.

Президент Ельцин во время своего визита в Японию в октябре 1993 г. сообщил, что половина российских войск, размещенных на японских северных островах Хабомай, Кунашир, Итуруп и острова Шикотан, уже выведена, и категорически заявил, что оставшаяся половина, за исключением национальных пограничных войск, также будет выведена. На встрече министров иностранных дел Японии и России в марте 1996 г. и вновь на японо-российском саммите по обороне в апреле 1996 г. Россия также провозгласила, что на северных территориях расположено 3 500 российских военнослужащих и нет ни одного на Сахалине. На японо-российском саммите по обороне в мае 1997 г. бывший министр обороны Родионов сказал, что количество российских войск на северных территориях сократилось до 3 500 человек в 1995 г.

Как бы то ни было, российские войска продолжают дислоцироваться на северных территориях, которые являются интегральной частью японских территорий, и мы хотели бы надеяться, что Россия выведет все свои вооруженные силы оттуда как можно раньше" (р. 33—34).

Я обращаю внимание на то, что в таком небольшом отрывке дважды было "расшифровано", что означают "северные территории", и дважды что они являются "интегральной частью" японских территорий. Обращаю внимание также на то, что наши высокопоставленные военные почему-то дают отчет, какое количество войск находится на Курильских островах, и даже на Сахалине.

Вот в таких формулировках УНО Японии проявляет притязания на российские территории. И с такой страной некоторые силы в России намереваются строить "созидательное партнерство".

Как бы то ни было, российский фактор для Японии с точки зрения ее безопасности сохраняет "статус опасности".

Более откровенно этот тезис расшифровывается японскими военными специалистами, например из Института оборонных исследований, который с 1996 г. начал выпускать "Обзоры стратегического положения в Восточной Азии". Кстати, они оговаривают, что термин "Восточная Азия" является синонимом термина "Азиатский Тихий океан" (Asia Pacific).

В "Обзоре" за 1997—1998 гг. обращают на себя внимание три положения, касающиеся России. Во-первых, интенсивные отношения между Россией и Китаем японские авторы рассматривают в качестве реакции—ответа России на "продвижение НАТО на Восток"³. Во-вторых, установление и развитие "стратегического партнерства" с Китаем и призывы к мультиполярности оцениваются как попытка формирования системы "противовеса Соединенным Штатам" (р. 11). В-третьих, "агрессивно осуществляемая продажа оружия в регионе усиливает беспокойство в связи с дестабилизацией региона" (р. 28).

Авторы объясняют "агрессивность" продажи оружия тем, что только таким способом Россия рассчитывает "расширить свое политическое влияние в Восточной Азии" (р. 29).

Подобные противоречивые шаги России приводят в замешательство японских аналитиков. Они пишут: "Однако российскую дипломатическую политику трудно понять. Устанавливая стратегическое партнерство с Китаем, она одновременно придерживается позитивного подхода к тесным отношениям с США и Японией" (р. 6).

Вместе с тем авторы предыдущего "Обзора", за 1996—1997 гг., дают детальную картину совершенно плачевной ситуации российского Дальнего Востока как с экономической, так и военной точек зрения. Достаточно перечислить даже название некоторых главок и подглавок, чтобы понять их оценки "нашего потенциала": "Снижение стратегического положения России на Дальнем Востоке", "Снижение возможностей по ведению немедленных действий Российской армии по сравнению с американской", "Углубление беспорядков на Дальнем Востоке России"⁴. В "Обзоре" за 1998—1999 гг. этому региону хотя уделено меньшее внимание, но оценки сохранились прежними⁵.

В последнем "Обзоре" за 2000 г. в отношении России внесены две оценочные корректировки. Одна имеет отношение к треугольнику США—Китай—Россия. Авторы пришли к выводу, что суждение о возможной конфронтации между США и КНР, между США и Россией, а также между США и объединенными Россией и Китаем является ошибочным, поскольку военные потенциалы обоих государств существенно отстают от американского потенциала. Поэтому "эффективное соперничество Китая и России против США имеет свои ограничения"⁶. Подобная успокоенность вызвана анализом реакции КНР и России на бомбардировки китайского посольства в Белграде, из которого

³ East Asian Strategic Review 1997—1998. Summary. p. 5. — Internet.

⁴ См.: "Обзор стратегического положения в Восточной Азии 1996—1997". Доклад Японского института оборонных исследований. ЭКПРЕСС — ИНФОРМАЦИЯ, № 12, М.: ИДВ, 1997, с. 73, 79, 82.

⁵ Подглавка о РДВ называется так: "Продолжающаяся растерянность и неразбериха на российском Дальнем Востоке". — Подр. см.: "Обзор стратегического положения в Восточной Азии 1997—1998". Доклад Японского института оборонных исследований. ЭКПРЕСС — ИНФОРМАЦИЯ, №1,2, М.: ИДВ, 1999,

⁶ From the Preface to East Asian Strategic Review 2000. — Internet (Site of the Agency of National Defense).

аналитики вынесли суждение, что, несмотря на эмоциональную антиамериканскую реакцию, на деле у сторон нет намерения по-серьезному ухудшать отношения с США.

Вторая корректировка вызвана усиливающейся озабоченностью тем, что Россия не сможет как следует проконтролировать сохранность ядерных материалов, что может вести к распространению ядерного оружия. Подобная оценка вызвана результатом наблюдений за российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, управление которыми вызывает беспокойство у японцев.

Из сказанного можно сделать следующие выводы.

Безусловно, в контексте безопасности Японии, а также США, Токио и Вашингтон в большей степени озабочены "китайским фактором", потенциально способным превратиться через некоторое время в адекватный США и Японии актор в регионе — не исключено и на мировой арене.

В то же время для японских стратегов "российский фактор" также остается значимой величиной, поскольку, в отличие от США, они не столь уверены в будущем России как страны "западного мира". Конечно, успокоить Японию могла бы передача Южно-Курильских островов, но на этот счет у них тоже нет ясности.

Еще большую путаницу в головы японцев внес визит в страну в начале сентября 2000 г. Путина, который предложил обсуждать проблему мирного договора одновременно на базе японо-советского совместного соглашения 1956 г., Токийской декларации 1993 г. и Московской декларации 1998 г.⁷ Упоминание Соглашения 1956 г. никак не вяжется с концепцией решения территориальной проблемы на основе Токийской декларации.

Япония действительно находится в сложном положении. Под боком мощно развивающийся Китай, а также сильная, по стандартам Японии, в военном отношении Россия. Соединение двух держав в "стратегический альянс", рассматривается сейчас хотя как маловероятный исход, но гипотетически возможный. Реализация такой возможности, безусловно, зависит от слишком многих переменных. Среди них одна из наименее предсказуемых — Россия.

В принципе, у Японии нет альтернатив, кроме как крепить свои отношения с США, одновременно наращивая ("модернизируя") свой военный потенциал. Проблема в том, что внутри этого союза также существует немало неясностей, которые обычно не афишируются в средствах массовой информации. Достаточно задать вопрос: кто кого должен защищать в этом союзе в случае реальной военной опасности в зоне совместной "безопасности", например на Корейском полуострове. Если с США более или менее понятно, то с Японией, конституция которой препятствует ее участие в совместных

⁷ Japan-Russia Summit Meeting (Summary). Ministry of Foreign Affairs, 5 September 2000. — Internet

военных операциях за пределами собственной территории, все не так просто⁸. Правда, для собственных сил самообороны (ССО) японские военные аналитики нашли удобную интерпретацию, которую, естественно, многие оспаривают. Но тем не менее: "Использование минимума необходимых сил для защиты Японии в деле самообороны *не обязательно* охватывает географические рамки собственно японской территории, морей и воздушного пространства. Вообще-то говоря, трудно дать полное и четкое определение, как далеко распространяется эта область, поскольку она может разнообразиться в зависимости от отдельных частных ситуаций (курсив мой. — О.А.)"⁹.

Японцы, в конце концов, найдут нужные формулировки и для ССО в рамках американо-японского союза, точно так же, как они нашли нужные слова для участия ССО по линии ООН. Более важна другая проблема: как рассчитать контуры стратегии России и КНР в XXI веке? Пока же Японии приходится довольствоваться проведением "пассивной оборонной стратегии", что на данный момент, видимо, является, наиболее оптимальным вариантом военной политики Токио.

"Евразийская дипломатия" Японии и Россия

Поскольку "Евразийской дипломатии" российские японоведы уделили в свое время весьма повышенное внимание, есть смысл коротко прокомментировать реальную суть этой дипломатии.

Премьер-министр Рютаро Хасимото, ушедший в отставку в июле 1998 г., развернул целую программу действия в отношении России (а также и Китая) в своей речи 24 июля 1997 г. перед Ассоциацией предпринимательских организаций, которая получила название как "Евразийская дипломатия Японии"¹⁰. В ней он выдвинул три принципа взаимодействия: доверие, взаимная выгода и долгосрочные перспективы. Хасимото рассчитывал на то, что использование названных принципов позволит решить проблему "северных территорий".

Японский премьер-министр отметил, что японо-российские отношения как бы отходили назад в общем контексте двусторонних отношений между США, Японией, Россией и Китаем, и теперь настало время их улучшать на новой основе, т.е. на основе вышеупомянутых трех принципов. Был приведен целый список "полей сотрудничества", которые почти не меняются со времен визита в СССР премьер-министра К. Танака в октября 1973 г.

⁸ В весьма осторожной форме эта тема поднята Yoshihide Soeya. Japan's Dual Identity and the U.S. — Japan Alliance. Stanford University. Asia/Pacific Research Center. May 1998.

⁹ Defense of Japan, 1997, p.102.

¹⁰ Ryutaro Hashimoto. Address to the Japan Association of Corporate Executives. 24 July 1997. - The Office of the Prime Minister of Japan. — Internet.

Следует иметь в виду, что, говоря о "Евразии", Хасимото, по сути дела, вел речь о "Шелковом пути" в Европу, который пролегает через Китай, страны Центральной Азии и Прикаспийского региона. Россия на этот "путь" никак не попадает. Вместе с тем упоминание региона вокруг Каспия весьма примечательно. Как сказал Хасимото, "Япония имеет глубоко укоренившуюся ностальгию по этому региону, вызванную славой дней Шелкового пути". Все это означает, что нефть и газ Прикаспия превращает этот район в один из важнейших участков внешней политики Японии, причем здесь можно ожидать тесное японо-китайское взаимодействие, могущее идти вразрез "большой игре" США.

Хотя в самой речи Хасимото, а затем в "Голубой книге" МИД за 1998 г. говорилось о необходимости крепить более тесные связи с КНР, Корейской Республикой, Россией именно в контексте "евразийской дипломатии", на самом деле появление данного термина обязано, прежде всего, вниманию, которое Токио начал уделять энергетическим ресурсам Прикаспия.

Действительно, в своей практической политике Япония активизирует связи со странами Центральной Азии и Закавказья (Азербайджан, Грузия), что самым негативным образом скажется на ее отношениях с Россией.

Во-первых, включение Японии в игру на новом геостратегическом пространстве объективно ослабляет роль России в совокупной внешней политике стран региона.

Во-вторых, Япония теряет интерес к развитию энергетических проектов на территории России, в частности к проекту Ковыктинского месторождения недалеко от Иркутска, разработка которого планировалась при участии японских инвестиций. В печати уже неоднократно сообщалось, что японские компании предпочитают отдать предпочтение проектам в Казахстане и в Туркмении. Примечательно, что во время визита Путина в Японию в начале сентября 2000 г. тема Ковыктинского месторождения вообще не затрагивалась.

Наконец, в-третьих, главным актором во всей этой "евразийской дипломатии" является динамичный Китай, а не Россия. Достаточно просмотреть все официальные внешнеполитические документы за последние десять лет (исключением является "Голубая книга" за 1999 г., о чем уже говорилось в предыдущем разделе), чтобы убедиться в том, что *России отводятся низшие строчки в иерархии внешнеполитических приоритетов Токио*. В этом есть логика, которая отражает: а) продолжающийся спад торгово-экономического сотрудничества между Россией и Японией (о чем речь впереди); б) ослабление военной мощи России на Дальнем Востоке; в) продолжающееся ухудшение экономической ситуации в районе российского Дальнего Востока.

Сказанное не означает, что Россия вообще сброшена со счетов японской внешней политики. И дело не только в еще сохраняющемся относительно крупном военном потенциале России на Дальнем Востоке или в стремлении "вернуть" "северные

территории". На Россию, как ни покажется странным, "работает" китайский фактор. Очень многие в Японии, как на официальном, так и академическом уровнях, полагают, что Китай через некоторое время действительно станет главной угрозой не только японских, но и российских интересов в Восточной Азии. Именно на этот момент намекают официальные документы, в которых все чаще и чаще стало употребляться выражение "непредсказуемость и неопределенность ситуации в АТР". В неофициальных публикациях эта "неопределенность" увязывается с текущей ситуацией на Корейском полуострове, а в стратегическом плане — с непредсказуемым поведением КНР.

Поэтому Япония, с одной стороны, постоянно проявляет "беспокойство" относительно военно-технического сотрудничества России с Китаем, с другой, исходя из того, что Китай может оказаться "угрозой" и для самой России (что, кстати, разделяется некоторыми и российскими специалистами), прощупывает варианты для взаимодействия с Россией на перспективу в плане противодействия подобной угрозе. Именно в таком ключе можно оценить заключение авторами одного из "Обзоров", в котором обращено внимание на то, что в ходе визита в Японию в мае 1997 г. министр обороны И. Родионов признал необходимость тесных американо-японских связей. "Эта позиция может быть истолкована как взгляд на японо-американские отношения в качестве противовеса будущему возвышению Китая и как политическая позиция в расчете на экономическую поддержку со стороны Японии"¹¹.

Что касается "евразийской дипломатии", о которой с восторгом отзывались некоторые официальные японоведы, то ее упоминание, как было сказано выше, снято уже в последующей "Голубой книге" МИД за 1999 г. Это не означает, что Япония потеряла интерес к Шелковому пути, а значит, и к Прикаспийскому региону. Естественно, она будет продолжать наращивать свои усилия по данному направлению. Но для России это направление если и будет иметь какое-то отношение, то только негативное. Как в экономических, так и в геостратегических аспектах.

Двусторонние российско-японские отношения

Если судить по количеству визитов высокопоставленных деятелей двух государств в обе стороны, то можно предположить, что российско-японские отношения переживают невиданный бум. За последние семь—восемь лет было подписано больше деклараций и различных контрактов экономического характера, чем за предыдущий советский период с 1956 по 1991 гг. Особое значение имели две декларации — Токийская (1993 г.) и

¹¹ East Asian Strategic Review 1997—1998. Summary. National Institute for Defense Studies. Tokyo, 1998, p. 28. — Internet.

Московская (1998 г.). В них зафиксирована масса хороших пожеланий в адрес друг друга и особенно приятное для Японии намерение России продолжить переговоры "с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения" вопроса о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомай, "исходя из исторических и юридических фактов...".

За период с 1993 г. получило развитие и обсуждение проблем безопасности в Восточной Азии на уровне военных ведомств двух стран — новое явление в российско-японских отношениях. Подробно в хронологическом порядке эта тема изложена в статье двух научных сотрудников ИДВ РАН В. Павлятенко и А. Шлындова¹².

Исходя из количества визитов, а также "благих пожеланий" и "исторического оптимизма", многие российские аналитики дают высокую оценку общему состоянию российско-японских отношений. Вот одна из типичных оценок. Привожу ее полностью, чтобы не утратить ее пафос. Упомянутые японоведы из ИДВ пишут: "Таким образом, российско-японские отношения в политико-дипломатической и военной областях в период 1993—2000 гг. развивались беспрецедентными для истории двусторонних связей темпами и характеризовались достижением обширного ряда результатов — от установления устойчивых личных связей между главами государств, руководителями внешнеполитических и военных ведомств до обмена визитами военных кораблей — результатов, которых не было даже в самых смелых оптимистических прогнозах двусторонних отношений" (с. 17)

Эти японоведы, как и все российские международники, не понимают одной простой, но принципиальной вещи. Конечным результатом международной деятельности государства в любой сфере является "добавленная стоимость" в экономику страны, т.е. в повышение уровня благосостояния ее граждан. Каналом аккумуляции этой стоимости является внешняя торговля или иная сфера экономического сотрудничества. Если объем такого сотрудничества не увеличивается, то это означает неэффективность всех направлений внешней политики государства. Более того, суммы, направляемые на международную деятельность, не приносящую прибыль, следует отнести в статью "расходов" бюджета страны и вычесть ее из статьи "доходов". Такая политика называется затратной политикой.

Другими словами, если все контакты (поездки и переговоры) на уровне Министерства экономики, МИДа и Министерства обороны с Японией не оборачиваются увеличением объема торгово-экономических отношений для России, тогда следует признать, что суммы, затраченные на эти контакты, потрачены впустую. Они, изъятые из кошелька налогоплательщиков, брошены на ветер. В этой связи я хочу напомнить принцип

американской внешней политики, неоднократно озвученный президентами США: каждый доллар, потраченный на международную деятельность страны, должен принести США как минимум 10 долларов. Этот постулат я рекомендовал бы запомнить всем российским политикам и ученым.

А теперь посмотрим, что происходит в торгово-экономической сфере между Россией и Японией.

Российско-японские торгово-экономические отношения

Формально в этой области, если судить по количеству визитов и заседаний всевозможных совместных торгово-экономических комитетов и подкомитетов, наблюдается не меньшая активность, чем в военно-политической сфере. Они столь же добросовестно изложены в упоминавшейся статье В. Павлятенко и А. Шлындова.

А вот что нам показывает таблица¹³. Она демонстрирует падение торговли за 10 лет по всем трем позициям: в обороте, экспорте и импорте. Особенно катастрофически упал импорт из Японии: более чем в три раза по сравнению с 1992 г., более чем в семь раз – по сравнению с 1990 г.

Динамика торговли между Россией (СССР) и Японией (в млн долл.)

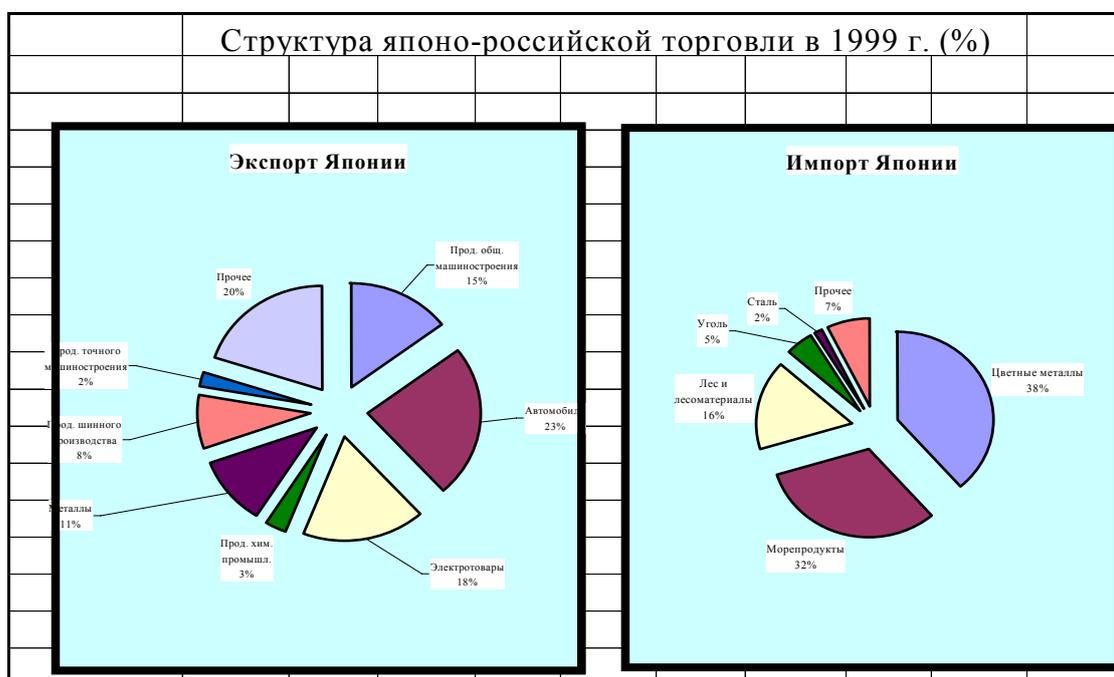
	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Экспорт России	2460	1881	1569	2005	2165	3173	2905	2935	2 171	2 109
Импорт России	3583	2166	1680	1367	1104	763	968	985	810	455
Оборот	6043	4047	3249	3372	3269	3936	3873	3920	2 981	2 564

¹² В. Павлятенко, А. Шлындов. Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI века. — Проблемы Дальнего Востока, 4/2000.

¹³ Табличные данные и расчеты сделаны на основе: IMF, Direction of Trade Statistics Yearbooks, 1998, 2000.

Не изменилась и структура российского экспорта на японский рынок (см. диаграмму).

Не торопится Япония и с инвестициями в Россию. По данным Роскомстата, объем японских инвестиций в российскую экономику на первую половину 1999 г. составлял примерно 336 млн долл., т.е. 1,3% от всех иностранных капиталовложений в Россию. Из них прямые инвестиции достигали объема 141,3 млн долл. Эти цифры соответствовали 9 и 12 месту среди зарубежных государств. Совокупный же объем японских инвестиций составил к концу 1999 г. около 3,1 млрд долл. (13 место)¹⁴.

Много говорится и пишется о вкладе Японии в экономику российского Дальнего Востока. В реальности это совсем не так. В этом читатель сможет убедиться, когда он подойдет к главе, которая специально посвящена РДВ. Здесь стоит отметить, что даже в Приморье, наиболее развитой части РДВ, позиции Японии не только не увеличиваются, а, наоборот, снижаются. Об этом свидетельствуют цифры падения удельного веса Японии как в импорте, так и в экспорте с 1994 по 1999 г. Это касается и инвестиций.

Общий объем инвестиций Японии в Приморье на начало января 2000 г. был равен 59,5 млн долл. Ее опережала только Южная Корея с объемом чуть более 100 млн долл. Но судя по отсутствию динамики роста, не исключено, что скоро Япония окажется позади США и других более активных инвесторов. На это косвенно указывает и потеря интереса Японии к созданию совместных предприятий. Так, на начало 2000 г. в Приморье зарегистрировано 303 предприятия с иностранными инвестициями (ПИИ), при этом на

¹⁴ Независимая газета. 2.09.2000.

Китай приходится 34% общего числа действующих ПИИ, на США — 13%, на Республику Корею — 10% и на Японию — 9%¹⁵.

Тенденции, существующие в отношениях Японии с Приморьем, характерны для всего РДВ, хотя и с определенными нюансами в конкретных подрегионах. Главный же вывод заключается в том, что даже в непосредственной близости от страны Восходящего солнца не прослеживается того бурного развития экономических отношений, о котором вот уже более десятка лет говорят и пишут политики и ученые.

Подтверждает столь нерадостный вывод и таблица, свидетельствующая о значимости каждой из сторон во взаимной общей торговле.

Доли России (СССР) и Японии в совокупной торговле двух стран (%)

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Доля России										
в экспорте Японии	0,90%	0,70%	0,30%	0,42%	0,31%	0,26%	0,20%	0,24%	0,25%	0,12%
в импорте Японии	1,30%	1,30%	1,00%	1,15%	1,22%	1,41%	1,12%	1,18%	1,03%	1,21%
Доля Японии										
в экспорте России	6,57%	6,60%	3,95%	4,57%	3,46%	4,10%	3,20%	3,49%	3,04%	2,89%
в импорте России	5,21%	4,73%	4,54%	4,17%	2,21%	1,25%	1,58%	1,89%	1,89%	1,50%

Таблица показывает, что доля Японии в совокупной торговле России относительно высока. Проблема в том, что она неуклонно снижается. Значение же российской торговли для Японии фактически носит символический характер.

¹⁵ На основе данных Краевого бюро по внешнеэкономическим связям.

Причины спада торгово-экономических отношений с Японией

Все названные негативные явления происходят не только на фоне повышательной тенденции в советско-японских экономических отношений, но и на фоне других зарубежных государств, действующих в России в настоящее время. Для многих журналистов, научных экспертов и политиков этот феномен непонятен, о чем свидетельствуют их призывы в адрес Японии "не отставать" в освоении российского рынка от других зарубежных стран, например США, Германии и т.д. На самом деле в выжидательной и неторопливой позиции Японии в отношении России нет никакой загадки: она соответствует общей логике экономической деятельности этой страны за рубежом. И дело здесь не в проблеме "северных территорий".

Дело в том, что для западных государств, особенно для США и Германии, экономические интересы в России подчинены политическим и геостратегическим интересам. Первые, по крайней мере, на данный момент, — вторичны, вторые — первичны. Стимулирование "рыночных реформ" и углубление демократии в России требуют "экономических жертв", которые предполагается в стратегической перспективе окупить сторицей.

Японию все эти "демократические реформы" волнуют меньше всего; больше она озабочена реальной экономической отдачей от своего взаимодействия с Россией. Только под давлением тех же США и Германии Япония вынуждена поддерживать линию "7" на стимулирование демократизации в России, с неохотой согласившись на допуск России в "клуб семи", в АТЭС, на пересмотр сроков уплаты долгов России в рамках Парижского клуба и т.д. В целом же Японию мало волнуют проблемы демократии в России (тем более что у нее у самой отличное от Запада представление о демократии), главное для нее — стабильность в стране, под каким бы флагом — капиталистически-демократическим или социалистическим — она не была достигнута. Поскольку стабильности до сих пор нет (что в японском понимании означает также не выплачиваемые в срок долги и отсутствие четкой законодательной и налоговой системы), Япония осуществляет свою деятельность по принципу "малых шагов", состоящих из серии мероприятий небольших масштабов.

Среди них создание японских центров в ряде городов России (в Москве, Хабаровске, Владивостоке), небольших финансовых организаций типа Дальневосточного регионального предпринимательского фонда (совместно с Европейским банком развития и реконструкции) для стимулирования малого и среднего бизнеса, оказание гуманитарной помощи и пр.

В общем-то, в русле политики "малых шагов" можно оценивать и ряд соглашений экономического характера, подписанных премьер-министром Японии Кэйдзи Обути в ходе визита в Москву в ноябре 1998 г. Их было всего четыре. Первое фиксировало

выделение 800 млн. долл. кредита в рамках 1,5 млрд долл. кредита ЭИБ, обещанного еще в начале нынешнего года. Второе утверждало программу под названием "Японо-российское партнерство ради реформ". На ее реализацию предполагается выделить 100 млн долл. на расширение "интеллектуального и технического" сотрудничества. Третье соглашение предусматривает создание Японо-российского центра по обмену молодыми специалистами (так называемый Центр Обути — Ельцин) в количестве 1000 человек. Наконец, по четвертому соглашению Япония обязалась выделить 10 млн долл. на экстренную экономическую помощь путем предоставления лекарств и медицинского оборудования.

Мало что даст и серия контактов, осуществленных В. Путиным в течение 2000 г. У меня нет намерений анализировать результаты этих контактов. (О них красноречиво свидетельствует продолжающийся спад торгово-экономических отношений.) Я просто наперед хорошо знаю результаты, и они будут неутешительны.

Важно понять причины таких результатов. Объясняются они по-разному. Одну из главных причин ученые из демократического лагеря пытаются объяснить проблемой "северных территорий". Хотя я уже неоднократно выражал свое отношение к этой проблеме, хочу еще раз ее повторить, взяв этот сюжет без изменений из своей книги про "АТР". Там мне пришлось разбирать позиции ученых из различных идеологических лагерей относительно тех или иных проблем Восточной Азии, в том числе и в отношении проблемы "северных территорий". Было написано следующее:

«В отношении Японии. В данном случае "реалисты" смыкаются с "демократистами". Они крайне озабочены тем, что до сих пор не подписан мирный договор с Японией. И все, по мнению Г.И. Трофименко, из-за "нескольких крошечных островов". Оставляя в стороне геостратегическое положение этих островов, военное, экономическое (200-мильная экономическая зона), 12-мильная территориальная зона и ряд других значимых факторов, для информации просто укажу всего лишь на один из аспектов природных ресурсов этих островов. На этих "крошечных островах" выявлено более ста рудопроявлений меди, цинка, свинца, самородной серы, железа, молибдена¹⁶. Многочисленные медноколчедановые, колчеданно-полиметаллические, медно-полиметаллические жильные рудопроявления распространены на островах Кунашир, Уруп и Парамушир. Прибрежноморские магнетитовые и титаномagnetитовые россыпи в наибольшей степени распространены на островах Кунашир и Итуруп. В свое время сотрудники Института экономических и международных проблем освоения океана (Владивосток) рассчитали, что при комплексной переработке Курильских

¹⁶ Неронов Ю.Л., Тютрин И.И. Схема перспектив рудоносности Курильских островов. Геологогеографический атлас Курило-Камчатской островной системы. Л.: ВСЕГЕИ, 1987, с. 13.

титаномагнетитовых песков и годовом объеме производства 1 млн т стального проката может быть дополнительно произведено 150 тыс. т пигментной двуокиси титана, около 12 тыс. т ферривадия и около 30 млн. т строительного песка¹⁷. И японцы прекрасно знали значение этих "крошечных островов", весьма интенсивно добывая, например, у вулканов Головина и Медвежьем самородную серу¹⁸.

Однако все эти вещи "прояпонское лобби" в Москве волнует меньше всего. Правда, необходимость передачи этих островов Японии они объясняют разными причинами. А. Арбатов полагает: "Прорыв в российско-японских отношениях, их быстрое укрепление в политическом, экономическом и военном аспектах — вот ключ к безопасности России на Дальнем Востоке"¹⁹. Для этого надо "передать" острова, правда, не сразу, а поэтапно. Сразу мешают "консерваторы".

И. Целищев просто повторяет желательные варианты обеспечения национальных интересов Японии, предусматривающие, естественно, и "решение" проблем "северных территорий". Этому японисту почему-то не приходит в голову, что национальные интересы Японии не обязательно на 100% должны совпадать с национальными интересами России.

В. Зайцев — специалист по экономике Японии, которого в свое время не волновали территориальные проблемы. Однако после двух лет работы в одном из японских институтов он вдруг тоже преисполнился заботой о японских интересах. В статье, написанной в соавторстве с Б. Славинским (который с некоторых пор тоже стал одним из оголтелых сторонников передачи островов Японии), он настаивает на передаче этих островов, что, дескать, подтолкнет японцев на увеличение экономической помощи России. Любопытен слог "демократистов" в этой статье. Они пишут: "...Сталин не очень считался с международными соглашениями в том случае, когда можно было хорошо "пожиться". А союзники за согласие Москвы выступить против Японии по-королевски "одарили" ее: после поражения Японии Советскому Союзу передавались Порт-Артур и Дальний, Китайская Восточная железная дорога, Южный Сахалин и Курильские острова"²⁰.

Эти парни, видимо, не знают, что "пожиться", тем более если представлялся случай, не были прочь ни Рузвельт, ни Черчилль, ни тем более японские лидеры тех лет. А "поражение Японии" не свалилось с неба. Американцам, по их же признанию, еще года

¹⁷ Марков Е.Е. Перспективы развития минерально-сырьевого комплекса Курильских островов. Владивосток: ИЭМПОО, 1989 (справка), с. 7.

¹⁸ Подр. см.: Аверьянов И.П., Жижин Д.П. Некоторые закономерности серного оруденения на Курильских островах. В Вопросы металлогении и зональность месторождений Тихоокеанского рудного пояса. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1974.

¹⁹ Арбатов А. Россия: национальная безопасность в 90-е годы. — МЭМО, 1994, № 8-9, с. 15.

²⁰ Зайцев В., Славинский Б. Россия и Япония: 40-летие восстановления дипломатических отношений. — МЭМО, 1996, № 10, с. 98—99.

два пришлось бы воевать с Японией, если бы не СССР, который за пару недель разгромил более чем миллионную Квантунскую армию. И если уж на то пошло, Советский Союз и без "одаривания" взял бы то, что захотел. Скорее Москва по-царски "одарила" союзников, отдав им 3/4 Берлина, куда союзники так и не дошли.

В какой-то степени подобная прояпонская позиция "демократистов" мне понятна. До 1993 г. я также выступал за передачу Южных Курил Японии, исходя из "справедливости". Но, прожив за рубежом более четырех лет, я обнаружил, что ни в США, ни в Японии, да ни в одной из капиталистических стран в реальности никого не беспокоит идея справедливости, тем более в отношении других государств. В первую очередь заботят личные интересы, во вторую — национальные интересы собственного государства. И никого не интересует, каким образом ты обеспечиваешь эти интересы: ограбил, украл, обманул — если не поймали, то — твое. Что на бытовом, что на государственном уровне.

Кроме того, нынешняя позиция "демократистов" объясняется простой вещью: все или почти все, так или иначе подкармливаются у тех государств, чьи интересы они защищают. Они типичные "кормушечники".

Естественно, "традиционалисты" придерживаются противоположного подхода к отношениям с Японией по вопросу о территориях²¹. Если раньше я выступал против них с позиции "справедливости", ныне вынужден признать их правоту. Теперь моя позиция определяется русской поговоркой: с волками жить — по волчьи выть. Действительно, в 1945 г. Советский Союз оккупировал Южные Курилы, нарушив в том числе и пакт о нейтралитете в том смысле, что, объявив о его денонсации в апреле 1945 г., начал войну с Японией в августе 1945 г., хотя действие пакта еще сохранялось до апреля 1946 г. С точки зрения большой морали все это нехорошо. С точки зрения психологии того времени эти акции были нормой. Не надо забывать, что прихватили мы эти острова у страны, которая в 1904 г. без объявления войны напала на Россию, в 1905 г. по Портсмутскому миру оттяпала у России южную часть Сахалина, в 1918—22 гг. захватила российский Дальний Восток, в 30-е годы устраивала нам "пробу пера" на Халхин-Голе и у о. Хасан, во время второй мировой войны топила наши торговые суда, несмотря, так сказать, на пакт о нейтралитете. О какой морали может идти речь? Черчилль, кстати, знавший о готовящемся нападении на Пирл-Харбор заранее, не предупредил сознательно об этом Рузвельта, так как ему надо было, чтобы США втянулись в войну с самураями; США устроили атомную бойню в той же Японии, Япония устраивала бои на всех захваченных территориях, и особенно в Китае. И после всего этого кто-то смеет обвинять Сталина в том, что он был не прочь "пожизниться"? Конечно, не прочь, но, в отличие от тех, кто это делает для себя лично, Сталин пытался, как говорил Молотов, "расширить

пределы нашего Отечества". Кстати, те же японцы не колебались в таких вопросах. Например, даже умеренный принц Фумимаро Коноэ, объясняя агрессивное поведение своей страны, писал, что Япония вынуждена была "разрушить статус-кво ради самосохранения". Можно и так назвать агрессию Японии на Дальнем Востоке в 1918 г.

Спрашивается: ради чего же надо "передавать" эти острова? Ради мирного договора? Но у нас нет мирного договора и с Германией, и от этого отношения с ней не страдают. Ради безопасности на Дальнем Востоке? Чьей безопасности? Японии и США? Неужели японо-лоббистам не понятно, что при передаче этих островов геостратегическая ситуация в данном районе для России резко ухудшается? Ради чувств японского народа, о чем пишет Целищев? А как насчет чувств русского народа, который был не раз и не два жертвой японской агрессии. А как насчет чувств китайского и корейского народов, у которых Япония до сих пор удерживает острова Дяоюй и Токто?

Парадоксально, но в самой Японии, кажется, более реалистично оценивают ситуацию с островами. Например, бывший высокопоставленный дипломат Рюкити Имаи пишет: "Ценность проблем северных территорий среди японцев, особенно в возрасте ниже 40 лет, падает. Территориальная проблема долго была чистым символом; в материальном смысле она не имела большого значения". Далее: "Это счастье, в том смысле, что мы имеем проблему северных территорий, которая мешает нам принять быстрые решения, что делать с Россией. Надо подождать. Мы действительно не знаем, что там случится"²².

Надо подождать — хороший совет.»

(Уже перед сдачей работы в печать в руки мне попала совершенно омерзительная статья на тему территорий, написанная д.э.н. В. Рамзесом (ИМЭМО РАН). Мой ответ на нее помещен в Приложении. Здесь же хочу обратить внимание читателей на то, что все эти "помешанные" на передаче островов Японии не совсем сумасшедшие. Они — классический вариант прояпонского лобби в науке, которое возвращено Токио за последние 15 лет. О механизме формирования этого лобби я уже писал²³. Здесь есть смысл добавить следующее. Журнал, в котором помещена упомянутая статья, финансируется в основном Японией и его главным редактором не случайно является этот самый Рамзес. Не случайно также, что активистами "передачи" островов являются фактически все японоведы ИМЭМО, поскольку через различные совместные исследовательские программы они "кормятся" своими благодетелями из различных институтов и фондов, в частности из правительственного подразделения Японии — Агентство по экономическому планированию. Наиболее же активным радетелям интересов Японии (И. Целищев, А. Загорский, К. Саркисов (ИБ РАН) и др.) предоставляется возможность работать в Японии

²¹ Среди ученых — противников "передачи" Южных Курил являются И.А. Латышев, А. Кошкин, Б. Федоров (Сахалинский).

²² Peace and Security, Spring 1992 (№ 1), p. 6.

в качестве преподавателей тех или иных институтов или университетов. Другими словами, вся эта трескотня о "передачи северных территорий" является не только "зовом демократической души", требующей справедливости, но и ожиданием ответной "благодарности" со стороны богатых японских спонсоров. Кстати сказать, самих японцев за подкармливание своего лобби в России я не осуждаю, т.к. они делают то, что и должны делать в интересах своей страны.)

К сказанному я хотел бы сделать такое добавление. Даже если представить на минутку, что Южные Курилы будут переданы Японии, торгово-экономическая ситуация не изменится. Потому что причина отнюдь не в территориях. На это указывает и бурное торгово-экономическое развитие Японии с КНР, несмотря на нерешенность проблем островов Дяоюй (Сэнкаку).

Не является сверхсерьезной причиной и структурная перестройка японской экономики, о чем так много писалось российскими специалистами²⁴.

Конечно же, проблема в самой России. Но не того набора проблем, который любят перечислять японоведы: отсутствие стабильности и предсказуемости политического и экономического положения в стране, развитой рыночной инфраструктуры, эффективного механизма экономического стимулирования и т.д. и т.п. Хотя все это имеет место быть, но это не причины, а следствия. Следствием является и замерзание жителей Приморского края, точно так же, как и жителей других регионов России. Следствием является и разрушение экономики в стране в целом, резкое снижение жизненного уровня граждан, их вымирание от 500 тыс. человек в год до одного миллиона. Все это является следствием сложившейся капиталистической системы российского типа, которая так же, как и в начале XX века, вновь демонстрирует свои разрушительные качества. Именно капиталистическая система является причиной всех следствий, которые проявляются во внутренней и внешней политике страны. И если эта "общая проблема", т.е. проблема капитализма, не будет осознана и не будет решена в России, мы все будем постоянно наткаться на "частные проблемы", в том числе и на такую "мелочь", как спад и сворачивание торгово-экономических отношений с Японией.

²³ О.Арин. Анатомия подкупа. — Правда. 5.12.1995.

²⁴ Например, см.: И. Казаков, А. Родионов. Российско-японская торговля. — Внешняя торговля, №2-3, 1995, с. 22.

Китай

Глава V. Китай о международных отношениях в XXI веке

Вряд ли у кого вызывает сомнение, что Китай станет глобальной державой XXI века, определяющей содержание и структуру международных отношений. Об этом много пишется учеными всех стран мира. Но в данной части я хотел бы сконцентрироваться на том, как сами китайцы видят XXI век, какую стратегию они намереваются реализовывать и какое место в этой стратегии занимают США, Япония и Россия. То есть державы, политика которых в громадной степени формируется под воздействием "китайского фактора".

Для начала будет представлена Стратегическая теория Дэн Сяопина, которая лежит в основе внутренней и внешней политики КНР. Отдельно будут изложены нынешние оценки официальным Пекином международных отношений и базовые принципы внешней политики страны. Затем с небольшими комментариями будут приведены мнения и подходы академических кругов КНР на текущую международную ситуацию, их видение XXI века, а также их оценки места и роли названных государств. Наконец, в завершение анализируется реальный уровень и состояние российско-китайских отношений.

Предварительные замечания

Известно, что теоретическим обоснованием внутренней и внешней политики КНР являются идеи Дэн Сяопина, на которые постоянно ссылаются как официальные лидеры Китая, так и ученые этой страны. Однако ни в российской, ни американской литературе мне не попадались исследования, в которых бы идеи Дэн Сяопина были бы представлены в виде целостной теории. Вместе с тем те же американцы, военные специалисты Института национальных стратегических исследований при Университете национальной обороны США, в ходе уникального визита в КНР (в марте 1995 г.) сумели собрать редкую коллекцию статей на темы безопасности, а также проинтервьюировать 30 китайских военных (большинство из них в звании генералов и полковников) из военных академий и институтов. Этот материал (41 статья) без комментариев был систематизирован известным китаистом Майклом Пилсбери, работавшим при Рейгане и

Буше-старшем в министерстве обороны США, а ныне являющимся сотрудником упомянутого Института.

Материал уникален в том смысле, что он дает представление о том, как категория "безопасность" анализируется китайскими военными экспертами на теоретическом уровне. Здесь я не собираюсь воспроизводить военно-технические вопросы оборонной политики Китая, а попытаюсь коротко обобщить "стратегические взгляды" Дэн Сяопина на основе интерпретации этих взглядов военными теоретиками КНР.

Для начала, однако, хотелось бы привести длинную цитату из доклада Цзян Цзэминя на 15 съезде ЦК КПК о внешней политике КНР.

Оценка общей ситуации в мире в докладе в принципе совпадает с официальными оценками США, Японии и России. В частности, в докладе отмечается, что мир становится более спокойным и что "мир и развитие являются основными темами эпохи". На этом совпадения заканчиваются. Дальше начинается китайская "специфика".

"Однако, — отмечается в докладе, — менталитет холодной войны все еще существует, а гегемонизм и силовая политика продолжают оставаться главным источником угрозы миру и стабильности в мире. Расширение военных блоков и усиление военных союзов не могут способствовать сохранению мира и безопасности. Несправедливый и нерациональный международный экономический порядок все еще ущемляет интересы развивающихся стран, брешь между богатыми и бедными странами расширяется. Все еще серьезным является то, что "права человека" и другие проблемы используются для вмешательства во внутренние дела других стран. Локальные конфликты из-за этнических, религиозных и территориальных факторов вспыхивают время от времени. Мир еще не спокоен.

Мы будем придерживаться взглядов Дэн Сяопина на дипломатию и твердо проводить независимую внешнюю политику мира. В международных делах мы будем определять свою позицию и политику, исходя из фундаментальных интересов народа Китая и других стран и судить в каждом случае по существу. Мы не поддадимся никакому внешнему давлению и не вступим в союз ни с одной крупной державой или с группой стран, а также не будем создавать никакого военного блока, присоединяться к гонке вооружений или стремиться к военной экспансии"¹.

В этих двух абзацах схвачены все основные идеи Дэн Сяопина в сфере международных отношений и внешней политики. Причем совершенно ясно, что первый абзац фактически обращен против США. У многих, следящих за американо-китайскими отношениями, особенно в ходе и после визита Клинтона в КНР в конце июня — начале

июля 1998 г., подобные "слова" в первом абзаце могут вызвать усмешку. Дескать, "дела", которые идут весьма успешно, опровергают вышеприведенные "слова". Не надо торопиться с выводами. При этом надо иметь в виду специфику Китая. Приведенные слова — это отражение "стратегических мыслей" Дэн Сяопина, рассчитанных на длительный период времени, до 2050 г. Дела же могут носить конъюнктурный характер. Чтобы лучше ориентироваться в этом, необходимо представить теорию Дэн Сяопина в развернутом виде, тем более что две ее основные части из трех относятся к теме работы².

Стратегические теории Дэн Сяопина³

Стратегические идеи, или теории, Дэн Сяопина состоят из трех основных частей: I. — стратегия национального развития; II. — международная стратегическая ситуация; III. — национальные интересы КНР и стратегия национальной безопасности.

Стратегия национального развития является сердцевинной всей теории Дэн Сяопина и покоится на двух фундаментах: теории социализма начального периода и социалистической рыночной экономике. И то и другое рассматривается как вклад в марксизм. Коротко суть этой стратегии заключается в следующем. Главная долгосрочная цель китайского народа — превращение страны в процветающее, сильное, демократическое и цивилизованное социалистическое современное государство. Путь к достижению этой цели делится на три этапа. Первый этап, 1981—1990 гг., предполагал удвоение ВВП и решение проблем питания и одежды. Эти задачи выполнены. Второй этап, 1991—2000 гг., ориентирует доведение ВВП до 1 трлн долл. с доходом на душу населения от 800 до 1000 долл. Реализации планов данного периода должна привести Китай к "относительному процветанию". Третий этап, 2001—2050 гг., нацеливает на достижение уровня развитых стран и реализацию основных целей модернизации.

Под модернизацией понимается следование политике реформ и открытости, а также реализация программ в области обороны, промышленности, сельского хозяйства, энергетики, транспорта, науки и образования.

¹ Доклад Цзян Цзэмина на 15 съезде ЦК КПК. — Beijing Review. Oct. 6—12, 1997. — Internet.

² Основные положения "теории Дэн Сяопина" изложены в его речах. См.: Selected Works of Deng Xiaoping. Volume III (1982—1992). Beijing: Foreign Languages Press, 1994. В обобщенном виде "мысли Дэн Сяопина" представлены в работе видного китайского обществоведа У Дзи.: Wu Jie. On Deng Xiaoping Thought. Beijing: Foreign Languages Press, 1996.

³ Теория изложена на основе обобщения статей министра обороны КНР Чи Хаотяня, старшего полковника Пэн Гауанцяня, генерала Чжао Наньци, полковника Хун Баосюя, полковника Хун Бина, старшего полковника Ван Наймина, полковника Фан Нина и др. — Chinese Views of Future Warfare./ Collection by M.Pillsbury. Institute for National Strategic Studies, 1997. — Internet.

В качестве "стратегических средств развития" Дэн Сяопин указывал на марксизм как на руководящую идеологию и на практику как "единственный критерий истины". Он писал, что "мы не должны рассматривать книгу как догму и не должны слепо копировать иностранные модели... Мы должны извлекать истину из фактов, идти своей дорогой, строить социализм с китайской спецификой".

Эта часть дополняется также рядом других теорий и идей Дэн Сяопина, например, концепцией "одна страна, две системы" и т.д.

Международная стратегическая ситуация включает в себе два компонента: мир и развитие. Впервые концепция "мира и развития" была обнародована Дэн Сяопином в речах 1984 г., в частности 31 октября 1984 г. Тогда он сказал: "На международной арене существуют две громадные проблемы: одна — проблема мира, другая — проблема Севера-Юга"⁴. В марте 1985 г. он уточняет: "По-настоящему главными мировыми проблемами сегодня, проблемами глобального и стратегического масштаба, являются проблема мира и экономические проблемы или проблемы развития. Проблемы мира - это проблема Востока-Запада, проблема развития — это проблема Севера-Юга. В итоге существуют проблемы Востока, Запада, Севера и Юга"⁵.

Дэн Сяопин неоднократно подчеркивал, что на смену концепций о возможности мировой войны в современную эпоху пришли идеи мира, поскольку мировую войну можно "отодвинуть" или даже вообще ее избежать, если "хорошо поработать". Такая благоприятная международная обстановка содействует становлению нового мирового порядка, чему в свою очередь способствует тенденция к "многополярности", базирующаяся на пяти принципах мирного сосуществования, а также на взаимоотношениях между государствами на основе "национальных интересов". Совокупность этих факторов и принципов позволяет КНР проводить независимую внешнюю политику, выступать против гегемонизма и силовой политики.

Борьбе против гегемонизма уделяется крайне серьезное внимание в теориях Дэн Сяопина. Эта борьба сохраняет свою актуальность по "линии Восток—Запад", поскольку хотя "мировая война может быть отсрочена, но случайные инциденты и локальные конфликты предсказать нельзя". Их источниками, конечно же, являются как "глобальный гегемонизм, так и региональный гегемонизм".

Главной силой, выступающей за мир, являются страны Третьего мира, "насчитывающие три четверти земного шара". Китай принадлежит к Третьему миру и является важной силой в деле сохранения мира. Второй мир развитых стран также

⁴ Selected Works..., p. 102.

⁵ Ibid., p. 111.

является важной силой в сдерживании войны (имеются в виду страны Западной и Восточной Европы). Дэн Сяопин также заявлял, что "народы Соединенных Штатов и Советского Союза тоже не поддерживают войну".

Из сказанного может показаться непонятным, кто же выступает против мира и осуществляет гегемонию? Чтобы было ясно, надо обратить внимание на слово "народы", поскольку *правительства* этих двух или иных стран могут "поддерживать" войну. В настоящее время в различных интерпретациях, по крайней мере, военных специалистов, под "глобальным гегемонистом" понимаются США, "региональным гегемонистом" — Япония.

Национальные интересы КНР и стратегия национальной безопасности. Дэн Сяопин как настоящий марксист сразу же четко оговаривает, что национальные интересы определяются "природой нашего социалистического государства" и являются "высшим критерием" во взаимоотношениях с другими государствами.

К национальным интересам, прежде всего, причисляются суверенитет, территориальная целостность, безопасность, экономическое развитие, международный статус и достоинство. Последнее уникально, т.к., кажется, нет на сегодняшний день ни одной страны, которая включала бы категорию "достоинства" в "национальные интересы". Дэн Сяопин не единожды подчеркивал: "Китайский народ имеет свое национальное достоинство и чувство гордости. Это большая честь — любить свою страну и посвящать всю свою энергию социалистическому строительству".

Среди важнейших целей национальных интересов является воссоединение с Гонконгом, Макао (осуществлено в 1997 г. и в 1999 г.) и Тайванем. При этом надо иметь в виду, что Китай не рассматривает проблему Тайваня в контексте общей безопасности в Восточной Азии. Как неоднократно подчеркивалось в Пекине, "Китай категорически против включения Тайваня в систему регионального сотрудничества по безопасности"⁶. Напомню, что проблема Тайваня относится к фундаментальному принципу, который не подлежит обсуждению. Для КНР — это чисто внутренняя проблема ее отношений с одной из своих провинций⁷.

Еще одна специфика: китайский лидер полагал, что национальные интересы Китая объективно совпадают с национальными интересами народов других стран. В то же время указывалось, что в области суверенитета и безопасности компромиссов быть не может. Дэн Сяопин неоднократно оппонировал тем, кто отстаивал тезис об устарелости идеи суверенитета и что "гражданская война не является внутренним делом", а "права

⁶ Beijing Review, Feb. 5—11, 1996.

⁷ Подр. см.: The One-China Principle and the Taiwan Issue. — Beijing Review, March 6, 2000.

человека выше суверенитета". "Китай, — говорил он, — с этим никогда не согласится и не позволит другим вмешиваться в свои внутренние дела".

Долгосрочными интересами страны являются "наращивание возможностей", достижение "символов процветания" и реализация "этапов развития". "Национальные возможности" означают весь потенциал нации, направленный на освоение природы и противостоящий захвату страны другим государством. Более четко и подробно эти идеи передаются через категорию "комплексной мощи нации", которая складывается благодаря развитию в сфере науки и технологий, а также ее экономической мощи.

Своего рода итогом (в текстах — высшим критерием) правильно реализованных национальных интересов является стабильность в стране.

Национальные интересы должны быть защищены *стратегией национальной безопасности*. Целью последней является формирование мирной и стабильной окружающей среды, благоприятной для национального развития. Безопасность должна быть взаимной, что предусматривает "безопасность наших соседей, нашего региона, и даже всего мира".

Стратегия безопасности опирается на комплексную мощь страны.

Ее задачи — предотвратить возникновение войны и возможность держать под контролем кризисные ситуации.

Стратегия национальной безопасности строится на защите независимости и суверенитета, защите социалистического пути и руководствуется политикой и линией, сформулированными на декабрьском Пленуме ЦК КПК 1978 г.

Важнейшим компонентом стратегии национальной безопасности является политика национальной обороны, субординированная под экономическое развитие страны. Сама национальная оборона строится на основе стратегии *активной обороны*.

Ее содержательная часть в контексте других установок выражена Дэн Сяопином следующим образом: "В новую эру, хотя мировая война может быть отодвинута или ее можно избежать, локальные войны и региональные конфликты далеки от завершения. Мы искренне стремимся к миру, однако мир достигается через борьбу. Мы привержены развитию, но развитие требует обороны, которая достигается через готовность сражаться".

Столь же диалектично, со ссылкой на Ф. Энгельса, Дэн Сяопин интерпретирует слово "активная": "Активная оборона не просто оборона, в ней содержится и наступление. Соединение обороны и наступления отражает развитие закона самой войны". В другом месте Дэн Сяопин говорил: активная оборона по природе оборонительна, в то же время по сути она активна.

Министр обороны КНР, Чи Хаотянь, так расшифровывает эту стратегию: она включает в себя принцип обороны, самообороны и нанесение удара на стратегическом уровне только после нападения. Он же уточняет, что основными целями китайской оборонной политики являются:

- укрепление национальной обороны;
- сопротивление внешнему агрессору;
- защита государственного суверенитета над территориями, воздушными и водными пространствами, морских прав и интересов;
- укрепление государственной целостности и безопасности;
- решительная защита социалистической системы и руководящей линии нашей партии.

Последний пункт постоянно приходится напоминать иностранцам, которые игнорируют социалистический характер китайского государства. В этой связи часто приводятся следующие слова Дэн Сяопина: "Китайская история говорит нам, что вне социалистического пути у нас нет других выборов. Если однажды китайский социализм будет предан забвению, то Китай вернется к полуколониальному и полуфеодальному статусу. Поэтому армия и государственная политическая мощь должны защищать социалистический путь, систему и политику⁸.

Очень важная стратегическая установка: мы должны не только быть в состоянии бороться с одним единственным врагом, но и с более чем одним мощным противником. Причем наша исходная позиция заключается в том, что мы обязаны сокрушить превосходящего противника с менее совершенной военной техникой.

Требование к количеству: армия должна быть сокращена до "относительно небольшой высоко тренированной постоянной армии с большим резервом" и с современным техническим и технологическим оснащением.

* * *

Здесь представлена в кратком виде каждая из трех частей общей теории Дэн Сяопина о строительстве социализма с китайской спецификой. Повторяю, каждая из частей может быть дополнена рядом дополнительных установок и рекомендаций, разбросанных во множестве речей и статей Дэн Сяопина. Тем не менее, даже в урезанном виде эта теория представляет целостную программу развития КНР до 2050 г. Она хорошо структурирована, а все ее части диалектически взаимосвязаны.

⁸ Подр. см.: Wang Naiming. Adhere to Active Defense and Modern People's War. — Chinese Views of Future Warfare...

Базовые принципы внешней политики КНР

Стратегическая теория Дэн Сяопина воплощена в более конкретных установочных положениях, которые наполняют содержание внешней политики КНР. Официально они формулируются следующим образом.

Во-первых, Китай твердо придерживается принципа независимости. В этом вопросе он никогда не уступит никакой крупной державе или группе стран. Он никогда не будет создавать военные блоки, присоединяться к гонке вооружений или стремиться к военной экспансии.

Во-вторых, Китай выступает против гегемонизма, за мир во всем мире. Ни одна страна не должна вмешиваться во внутренние дела других стран ни под каким предлогом, тем более запугивать слабого, вторгаться или разрушать другие страны. КНР не будет навязывать свою социальную систему или идеологию другим и не позволит другим странам навязывать свою систему и идеологию Китаю.

В-третьих, Китай активно содействует установлению справедливости и рациональности нового международного политического и экономического порядка. Китай выступает за такой международный новый порядок, который базировался бы на Пяти принципах мирного сосуществования и других универсальных признанных нормах международных отношений.

В-четвертых, Китай уважает разнообразие мира. Поскольку в мире существует около 200 государств с населением более 5 млрд человек, постольку не должна и не может существовать только одна модель развития, одна концепция ценностей и один тип социальной системы в мире в силу различных исторических условий, социальной системы, уровня развития, культурных традиций и концепций ценностей. Международная деятельность каждой страны должна осуществляться ее собственным народом, а глобальные проблемы должны решаться на базе консультаций со всеми странами.

В-пятых, Китай хотел бы установить и развивать отношения дружбы и сотрудничества со всеми странами на базе Пяти принципов мирного сосуществования, а именно взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, взаимного ненападения, не вмешательства во внутренние дела, равенства и взаимной выгоды и мирного сосуществования.

В-шестых, Китай проводит разнообразную политику открытости. Он стремится осуществлять торговлю, экономическое и техническое сотрудничество, научный и

культурный обмен со всеми странами на базе принципов равенства и взаимной выгоды в достижении общего процветания.

В-седьмых, Китай активно осуществляет разнообразную дипломатическую деятельность. Он является надежной силой в защите дела мира во всем мире и стабильности⁹.

Таковы основные принципы внешней политики КНР, которые регулярно повторяются во всех официальных речах и документах международного характера. Среди названных принципов обращают на себя внимание следующие: не уступать никакой крупной державе или группе стран; не создавать военных блоков; выступать против гегемонизма; уважать разнообразие мира.

Для многих должно быть очевидно, насколько диаметрально они расходятся с принципами или установками тех стран, которые исходят из "универсальных ценностей" в мире.

* * *

Знакомство с внешнеполитическими стратегиями Японии, США и КНР позволяют выявить крайне интересные фундаментальные различия в подходе этих стран к миру и своему поведению в мире.

Японские внешнеполитические концепции и доктрины отражают изменения, происходящие на мировой арене, и варианты наиболее оптимального приспособления Японии к этим изменениям. Это — стратегии "ситуативной рефлексии и приспособления".

Крайне идеологизированные американские стратегии не отражают объективный процесс на мировой арене, а навязывают свой взгляд на мир, который необходимо подчинить интересам США. Это своеобразный мичуринский вариант в сфере мировой политики: "не ждать милости от природы, а изменить его в соответствии со своими интересами". Отсюда — наступательно-активная стратегия, фактически без учета интересов других акторов мировой политики.

Китайский вариант базируется на убеждении, что мир развивается по объективным законам, с его неизбежными причинно-следственными связями, в соответствии с которыми необходимо строить внешнеполитическую стратегию КНР. Она лишена элемента наступательности или навязывания, поскольку объективные законы (например идея о неизбежности многополярности) совпадают со стратегическими интересами Китая.

⁹ Internet: [www. fmprc.gov.cn](http://www.fmprc.gov.cn).

Названные различия на фундаментальном уровне и определяют непохожие, своеобразные типы внешней политики Токио, Вашингтона и Пекина.

Подход политико-академических кругов КНР к международным отношениям и внешней политике Пекина

Известно, что 1 октября 1999 г. Китай праздновал 50-летие образования КНР, и эта дата давала повод для подведения определенных итогов развития страны. Во многих статьях писалось, что период 1840—1949 гг. был для Китая самым печальным периодом в его истории - истории его унижения. Со времен англо-китайского нанкинского договора (1842 г.) вплоть до 1949 г. Китай вынужден был подписать 1100 неравноправных договоров, вынужденно сдавать территории иностранцам, платить контрибуции, открывать торговые порты вопреки своей воле, терпеть другие унижения. И только после 1949 г. Китай вступил на международную арену как независимое суверенное государство, порвав со старой внешней политикой, которую Мао Цзэдун охарактеризовал как "сидение в изолированной кухне"¹⁰.

За последние 50 лет Китай сделал громадный скачок во всех сферах внутренней и внешней политики. Казалось бы, вряд ли найдется кто-нибудь, кто осмелился бы поставить под сомнение очевидные успехи КНР. Однако находятся, и Ли Хайбо (главный редактор журнала "Бэйдзин Ревью") в своей статье "Китай и его век" приводит такого сомневающегося, а именно Геральда Сигала, директора международного института стратегических исследований (Лондон), который "недавно доказывал, что Китай "второразрядная средняя держава". Он делал вывод, что "Китай имеет меньшее значение, чем многие думают, и в результате ему нечего праздновать в юбилей (50-летия)"¹¹. В ответ на подобные оценки китайские авторы дали развернутую панораму достижений Китая, показав, с чего начинал Китай в самом начале 20 века и в каком состоянии его завершил: от статуса полукOLONиальной страны до государства, играющую роль великой державы в конце 20 века.

Меня, однако, в данной главе интересует не история, а взгляды китайцев на современность и будущее.

Мировые экономические процессы

¹⁰ См. Ren Xin. Diplomatic Achievements in Past 50 Years. — Beijing Review, Jan. 10, 2000.

Рассмотрим поначалу их видение мировых экономических тенденций в мире. Китайские ученые, как и их зарубежные коллеги, описывают мировые экономические отношения через призму глобализации. Большинство из них не интересуется понятийное содержание данного термина. Главным образом их волнует воздействие, какое глобализация оказывает на те или иные стороны экономической жизни¹². И только в редких случаях можно обнаружить ученых, которые перед началом анализа определяют это явление. В формулировке шанхайского профессора Сю Минци, "так называемая экономическая глобализация есть взаимозависимость экономической деятельности государств, регионов, предприятий и даже индивидуумов, которая привела к новой стадии исторического развития, где каждая часть становится неразрывной частью интегрированной экономики"¹³. Сама глобализация, подчеркивает ученый, выросла из интернационализации экономической жизни, которая началась с середины XVIII века. А процесс глобализации начался с 1970-х годов (там же).

Обращаю внимание читателей на то, что в отличие от российских ученых, которые не отличают интернационализацию от глобализации, китайский ученый видит в них принципиальную разницу. Некоторые же из них на понятийном уровне отделяют не только глобализацию от интернационализации, но и последнюю от интеграции. Правда, Ю Юндин полагает, что "экономическая интеграция" сделала прогресс в 1990-е годы¹⁴. На самом деле Западноевропейский экономический блок в виде Общего рынка в качестве интеграционной целостности начал функционировать с 1958 г. Другое дело, что экономическая интеграция в Восточной Азии как тенденция обозначилась в 90-е годы.

Китайские авторы справедливо указывают, что помимо ТНК движущей силой глобализации являются мировые экономические организации, которые сами порождены "результатами глобализации и в то же время являются ее гарантом" (Ю Юндин). Естественно, имеются в виду МВФ, МБ и ВТО.

Хотя ни один из авторов не разбирает противоречия между тремя экономическими полями (интернационализация, интеграция и глобализация), однако они, в отличие от поклонников глобализации, указывают на негативные стороны данного процесса в отношении развивающихся стран. Они, например тот же Ю Юндин, особое внимание обращают на то, что "поток международного капитала все более и более отделяется от

¹¹ Li Haibo. China and Its Century. — Beijing Review, October 18, 1999. Геральд Сигал, умерший в 2000 г., являлся одним из крупнейших западных специалистов по "АТР", в том числе написавшим немало книг о роли СССР/России в Восточной Азии.

¹² В качестве примера см. Wang Hexing. Perspectives on the Economic Globalization in Light of Asian Financial Turmoil. — International Studies, 1998, № 8-9; Yuan Jian. The Challenge of Globalization. Debating the impact of trade on income distribution in the United States. — International Studies, 1999, №3—4.

¹³ Xu Mingqi. Economic Globalization, Defects in International Monetary System and Southeast Asian Financial Crisis. In SASS Papers, № 8, 2000. Shanghai Academy of Social Sciences, p. 229.

международной торговли и инвестиций". А это является одной из важных причин "пузырной экономики".

В структурном отношении китайские ученые нередко выделяют "тройку" основных игроков мировой экономики: США, ЕС и Восточную Азию¹⁵. Хотя основа такого сопоставления может вызвать сомнения (одна страна сравнивается с интеграционным блоком - ЕС и совершенно не интегрированной Восточной Азией), но, слава богу, в эту "тройку" не вписали еще более размытый "АТР".

Еще один китайский автор — Гао Хуэй (Китайский институт современных международных отношений), отвечая на вопрос, куда движется мир, полагает, что информатизация дала толчок глобализации. Это, безусловно, верно. Но он тут же впадает в противоречие, когда говорит о том, что регионализация и глобализация движутся параллельно относительно друг друга. Он полагает, что в результате регионализации сложились "пять больших кооперативных ареалов": Северная и Южная Америка во главе с США; ЕС, ведомый Германией, Францией, Италией и Британией, которое покрывает Восточную Европу и Юго-Восточную Европу; Содружество независимых государств во главе с Россией; мусульманский мир "после интеграции"; региональное сотрудничество между странами Восточной Азии¹⁶.

Противоречие заключается в том, что, по его мнению, глобализация явилась следствием информатизации, в которой большую роль играет "экономика Интернета", а это явление 1990-х годов. В то время как регионализация, в том виде, как ее описал Гао Хуэй, имела место задолго до глобализации. Следовательно, они не могли "идти" параллельно. Подобные суждения вызваны тем, что китайский автор, как и многие другие, путают глобализацию с интернационализацией, а регионализм с интеграцией. Регионализм без интеграции не имеет никакого экономического смысла; это просто географическая констатация. Если же в каком-либо регионе действительно произошла экономическая интеграция, т.е. регион стал экономически интегрирован, значит, он относительно обособился от других регионов. Но такое явление наблюдается только в Западной Европе, которая отнюдь не "покрыла" ни Восточную, ни Юго-Восточную Европу (в последнем случае, видимо, имеются в виду балканские страны). С точки зрения интеграции даже США "не покрывают" Южную Америку, а в Северной — этот процесс через механизм НАФТА только разворачивается как тенденция. Все остальные регионы не интегрированы, а представляют собой чисто географические различия, взаимодействующие на базе интернационализации, т.е. на уровне чисто торго-

¹⁴ Yu Yongding. Economic Trends of the 21st Century. — Beijing Review, Febr. 7, 2000.

¹⁵ Xiao Zhou. World Economy: Troika Running Forward. — Beijing Review, July 3, 2000.

экономических отношений, которые только-только начинают испытывать на себе зачатки глобализации. Причем пока совершенно не ясно, интегрируется ли Восточная Азия, или этот процесс будет остановлен в силу геостратегических противоречий между основными акторами региона. Мусульманский же мир в принципе не в состоянии интегрироваться между собой из-за схожести ресурсной экономики.

В целом же китайские авторы очерчивают общепризнанную схему международных экономических отношений. Но, в отличие от своих коллег на Западе, они в соответствии с теорией Дэн Сяопина более настойчиво подчеркивают противоречивый характер отношений между Севером и Югом.

Структура международных отношений

Китайские международники, давая характеристики структуре международных отношений, обычно исходят из официальной позиции Пекина, в соответствии с которой мир движется в сторону многополярности. Вместе с тем почти все они признают современную однополярность, центром которой является "единственная сверхдержава" — США. Отсюда вырисовывается противоречие двух тенденций: "Усилия Соединенных Штатов построить однополярный мир, где доминировали бы они сами, и развитие мира в сторону многополярности"¹⁷.

В этой связи все авторы стремятся доказать, что попытки США построить однополярным мир встречает бойкот со "стороны мирового сообщества" и Америка все больше оказывается в "изоляции". В качестве доказательств этому, например, У Цинхэ приводит такой ряд аргументов. По его мнению, усиливается независимость ЕС, что постоянно и повсюду вызывает европейско-американские противоречия. Один из пунктов таких противоречий — нежелание ЕС следовать американской политике в отношении Кубы, Ирака и Ливии (в связи с экономическими санкциями). Кроме того, ЕС выступает против монополии США на мирные переговоры на Ближнем Востоке, а также проявление собственных позиций по вопросу выдвижения кандидатуры на пост генерального секретаря ООН (р. 39—40). Другим признаком многополярности является жесткая позиция России относительно продвижения НАТО на Восток. Еще одним признаком выступает американо-японские отношения, которые хотя ныне и прогрессируют, но приведут Японию к большим проблемам в АТР в связи с усилением милитаризма.

¹⁶ Gao Hui The Next Decade: How is the World Oriented? What Will China Do? — Beijing Review, July 10, 2000.

¹⁷ Wu Qinghe. 1996: an Overview of the Post-Cold War International Situation. — Foreign Affairs Journal. March 1997, p. 38.

В аналогичном ключе расценивается международная структура и другим международником из Китайского института международных исследований Дзян Бэньляном. Он также утверждает: "Доминирующая роль Соединенных Штатов, единственной сверхдержавы, соседствует бок о бок с процессом мировой многополярности. Китай, Соединенные Штаты, Россия и Япония балансируют между собой"¹⁸. Хотя Европа не указана среди "балансирующих", тем не менее автор ей уделяет должное внимание. Он пишет: "Процесс экономической и политической интеграции и тенденция к независимости и самодостаточности усиливается в Европе, благоприятствуя многополярности и интенсификации европейско-американского конфликта" (р. 17). Ее признаки: Франция настаивает на совместном военном командовании НАТО с США; Ельцин заявил, что "международный порядок, устанавливающий специальный статус (видимо, НАТО. — *О.А.*), непозволителен (там же); Китай и Россия совместно заявили о "мировой многополярности"; трое из пяти членов Совета Безопасности: Китай, Россия, Франция "открыто выступают за многополярность". Кроме того, международная конференция АСЕМ (европейско-асеановская встреча), а также встреча 9+3, т.е. АСЕАН и Китай, Япония и Южная Корея исключили из участия США и т.д. в таком же духе (там же).

К этому списку, свидетельствующему о "многополярности", я бы добавил встречу Ельцина и Рютаро Хасимото (японский премьер) в бане в г. Иркутске (знаменитая встреча без галстуков), на которую США также не были приглашены. И массу аналогичных встреч, которые на глобальную структуру международных отношений влияют точно так же, как празднование моего дня рождения без приглашения глав великих держав. Китайские ученые, равно как и многие российские научные сотрудники, зачастую не могут отделить структурообразующие явления международной жизни от текущих событий, не влияющих на характер международных отношений. Хотя что касается китайцев, не исключено, что подобный подход является отражением стратегических мыслей Дэн Сяопина, одна из которых звучит таким образом: "скрывай свои возможности и ожидай благоприятного момента, но что-то пытайся и что-то делай, давая развернуться нашим преимуществам и извлекай выгоду из нынешней ситуации" (р. 23).

Развивая эту мысль Дэн Сяопина, Дзян Бэньлян с удовлетворением отмечает, что "возвышение международного статуса Китая вынуждает другие великие державы развивать отношения с Китаем с еще большей энергией, что позволяет Китаю занимать

¹⁸ Jiang Benliang. The New Pattern of Current Major Powers Relationship. — International Studies, 1998, № 3—4, p. 16.

благоприятную позицию в глобальных отношениях основных держав и быть способным маневрировать ради сбалансированности и стабильного развития отношений среди различных стран, а также развития международной многополярности" (там же).

Китайский ученый указывает также, что возвышение Китая одновременно вызывает опасения у других стран (США, Япония, Россия), отраженные в теории "китайской угрозы". По его мнению, эта теория нужна для того, чтобы столкнуть Китай к неизбежной прямой конфронтации с единственной сверхдержавой — США (там же).

Совершенно естественно, китайские ученые отрицают подобную угрозу. На самом деле она действительно существует, поскольку именно возвышение Китая и превратит его в глобальную экономическую и военно-политическую державу, способную нарушить "однополярную" монополию США. И это произойдет вне зависимости от желаний или чьих-либо хотений, а в результате действия закона силы в международных отношениях

Между прочим, многие китайские авторы и сами указывают на возможность такого столкновения, когда обращаются к анализу позиций "американской стороны" в отношении Китая. Имеется в виду, что именно противодействие США превращению КНР в сверхдержаву и будет провоцировать предрекаемое столкновение¹⁹.

Существуют и более усложненные варианты описания структуры международных отношений китайскими аналитиками, которые нередко совпадают с западными моделями некоторых, например, американских международников, хотя и увязанных с "китайской спецификой". Так, Ян Сиюэ в статье "Силовые отношения в сегодняшнем мире" пишет, что после периода холодной войны утвердилась тенденция к многополярности. В настоящее же время мир переживает период "одной сверхдержавы и множества держав"²⁰, что означает следующее:

США — единственная сверхдержава, обладающая всеми атрибутами национальной мощи.

США и Россия формируют военно-силовую биполярность мира.

США, Япония и Европейский Союз ("три гиганта"), плюс Восточная Азия (без Японии, но с КНР) определяют четырехугольную структуру экономических отношений в мире.

США, Европейский Союз, Япония, Россия и Китай составляют пять политических центров в мире.

¹⁹ К примеру, см. статьи: Yuan Jian. The Neoconservatives: Their Ideas and Impact on American Foreign Policy. — *International Studies*, 1998, № 5—7; Song Yimin. The US Security Strategy, World Power Division and Foreign Policy: A New Readjustment. — *International Studies*, 1998, № 12—13.

²⁰ Yang Xiyue. Power Relations in Today's World. — *Beijing Review*, March 1—14, 1999.

Необходимо обратить внимание на то, что в этих схемах справедливо отсутствует Индия, поскольку она в принципе (в силу множества причин, в том числе из-за ее интровертности) не может быть полюсом или центром.

Переход мира в многополярность, по мнению китайских ученых, определяется такими факторами, как, например, ослаблением экономической мощи США, которая сразу после второй мировой войны достигала более 50% мировой экономики (по ВВП), а сейчас упала до 27%. Кроме того, Ян Сиюэ не исключает столкновений США с ЕС "за доминирование на континенте, торговых столкновений с Японией, споров с Россией из-за продвижения НАТО на Восток, различий позиций с Китаем по Тайваню, правам человека и торговым проблемам". Отмечает он также и неоднозначные отношения по всем сторонам такого пятиугольника как Китай, Россия, США, Европа и Япония.

По мнению Ян Сиюэ, подходы, характерные для периода холодной войны, сохраняют свою силу в политике США, которые пытаются установить "новый мировой порядок" с собственным доминированием. Продвижение НАТО на Восток и укрепление военного сотрудничества США с Японией рассматриваются как акции, "четко направленные в отношении России и Китая". А это рефлексия мышления холодной войны.

По прогнозам этого ученого, многополярная политическая система будет оформлена к 2020 г. К этому времени ВВП США упадет до 10—15%, в то время как ВВП Западной Европы, Китая и Японии увеличится до этого же уровня. "В 2020 г. США, ЕС, Япония, Китай и Россия будут более сбалансированы с точки зрения комплексной национальной силы (power)".

Если иметь в виду под термином "комплексной национальной силы" все три компонента: экономическую мощь, военный потенциал и дипломатическую силу, то можно предполагать, исходя из подобного сценария, что Западная Европа обретет ядерное оружие, а экономический потенциал России будет адекватен экономической мощи каждого из упомянутых акторов. Сомнительно и первое, и второе допущение. Как бы ни была лестна оценка экономических возможностей России, но она явно нереальная, если иметь в виду, что в 1999 г. ВВП России отставал от ВВП США почти в 30 раз. Какими же темпами должен расти ВВП России в последующие 20 лет, чтобы уравниваться с ВВП США или ЕС? Но китайский ученый, видимо, не заметил, что его прогноз о "многополярности политической системы" в 2020 г. "сбылся" уже сейчас, поскольку, как он сам пишет, с политической точки зрения пять основных сил составляют структуру мира: США, Западная Европа, Япония, Китай и Россия.

Кстати, схема "одна сверхдержава и множество держав" является популярной в Китае. Ее же, например, пропагандирует уже упоминавшийся Гао Хуэй. И хотя, по его мнению, такая структура сохранится в ближайшем десятилетии, в последующем она все-таки будет заменена на многополярность. Оптимизм его строится на том, что Европа и Япония "не во всем будут следовать США. Кроме того, следует ожидать, что Россия после установления политической стабильности в течение *нескольких лет* (выделено мной. — О.А.) постепенно выйдет из экономической рецессии и вступит в полосу экономического роста"²¹. Его бы устами мед пить.

В несколько ином ключе решение проблем видится уже упоминавшимся Гао Хуэем. Прежде всего, он считает, что тенденция к "миру и развитию" не повернет вспять и международная ситуация останется стабильной с "частичными завихрениями" (турбуленциями). Последние предполагаются в мусульманском мире, в дуге вокруг Китая через Корейский полуостров, Южную и Центральную Азию и на Африканском континенте.

Как должен вести себя Китай при таких тенденциях? Автор пишет: "Активно разворачивать многостороннюю дипломатию. В течение этого процесса должно быть установлено два баланса: один — это баланс между китайской дипломатией с Соединенными Штатами и другими странами; другой — баланс между многосторонней дипломатией и дипломатическими отношениями с членами Третьего мира.

Долгосрочная тенденция в китайско-американских отношениях является как сотрудничество, так и соперничество. Развивая дипломатические отношения с США, Китай должен наращивать параметры сотрудничества и уменьшать элементы соперничества. В то же время Китай должен активно развивать отношения с Россией, Японией и Европой, таким образом реализуя свои интересы в экономике и политике, сокращая давление США на стратегию Китая. Также Китай должен продолжать развивать отношения с развивающимися странами".

Вместо этой длинной фразы я написал бы одну: развивать многостороннюю внешнюю политику, дружить со всеми и избегать врагов.

Но китайский исследователь приводит еще более "хитрую фразу" с новыми терминами. Гао Хуэй пишет: "Вместе с развитием жесткой национальной силой (*hard national forces*) необходимо также культивировать мягкие национальные силы (*soft national forces*). Это означает, что Китай должен усилить отношения с развивающимися странами и расширить свое историческое и культурное влияние в АТР, развивая свою

21 Gao Hui The Next Decade: How is the World Oriented? What Will China Do? — Beijing Review, July 10, 2000.

экономику. Китай - крупнейшая социалистическая держава в мире. Поэтому его опыт в успешном продвижении реформ и открытости и следованию своему независимому пути развития должны рассматриваться как своего рода мягкая национальная сила". Воистину, Восток — дело тонкое. Если кто-то что-то понял из этой фразы, пусть мне как-нибудь сообщит. Я ничего не понял. Подозреваю только, что "жесткая национальная сила" — это обычный тип межгосударственных отношений, а "мягкая национальная сила" — это ненавязчивая пропаганда китайского опыта развития. Как бы то ни было, придумано два новых термина.

Другой автор, Лю Чжунвэй, при анализе проблем международной безопасности также исходит из официальных установок о "тенденции к многополярности", хотя признает, что наиболее сильной державой в мире остаются США²². Но свою "сверхдержавность" Америка сохранит в первые 15 лет следующего XXI века. Он полагает, что ВВП США к 2010 г. достигнет 10 трлн долл. (хотя США, скорее всего, достигнет этой отметки через год—два). По его мнению, за это время "другие большие державы" нарастят свою комплексную национальную мощь. Но и до обозначенного периода Япония имеет достаточно сил, чтобы сказать США "нет". Ядерное оружие и военная техника России также представляет "большую угрозу другим". Обладает громадной силой и Китай. Около 60% китайского импорта приходится на страны Азии. Следовательно, он может рассматриваться как "поглотитель" (absorber) и финансовый стабилизатор для соседних стран.

Между прочим, это важное замечание. В немалой степени азиатский кризис 1997—98 гг. был самортизирован устоявшим юанем, позволившим некоторым государствам Восточной Азии продолжить выгодную торговлю с Китаем.

А вот оценки из серии "что у официальных лиц на уме, то у ученых на языке". Лю Чжунвэй полагает, что на Тихом океане Соединенные Штаты намереваются "связать Японию" и "контролировать Китай". В подтверждение данной посылки он ссылается на обновление "Новых руководящих принципов обороны между США и Японией", а также попытки США превратить японо-американский альянс в состояние, подобное НАТО. Последнее утверждение, однако, осталось без доказательств.

Любопытна оценка китайского ученого российской политики, которую он охарактеризовал как "стратегию на два океана" (Two — Ocean Strategy). Из-за экспансии НАТО и "сокращающегося русского пространства" реставрация отношений России с западными странами займет длительное время. Но, с другой стороны, Россия выдвинула

"новую восточную политику", выраженную в активной деятельности на Востоке, развития и углубления сотрудничества с АТР. Хотя сами русские о такой стратегии, подозреваю, не слышали, но поразмышлять им на эту тему было бы бесполезно.

В целом же рост американской экономики является источником беспокойства многих людей, — считает китайский ученый. "В определенной степени она угрожает мировой экономике". Видимо, имеется в виду, что сильная американская экономика позволяет стратегам из Белого дома устраивать мировые кризисы и контролировать эту самую мировую экономику.

Хотелось бы чуть подробнее изложить позицию одного из заметных китайских ученых, замдиректора департамента международных отношений Университета национальной обороны Дзян Линфэя, прежде всего потому, что он достаточно целостно описывает факторы безопасности, оказывающие влияние на политику безопасности КНР в период 2000—2010 г. Для Китая, подчеркивает доктор Дзян, этот период особенно важен, поскольку "национальное воссоединение, имеющее отношение к возвращению Тайваня, вступает в важную стадию"²³. Эти факторы безопасности структурируются им на следующие блоки.

Международная экономика. Он утверждает, что азиатский финансовый кризис, ослабивший экономическую силу азиатских стран, дал преимущества западным странам во главе с США в деле расширения экспансии своего капитала и скупки (по сбросовым ценам) большого количества "азиатского бизнеса", находившегося на острие банкротства. В результате усилился их экономический контроль над регионом, что не может не затронуть китайскую безопасность в будущем.

Более того, Дзян Линфэй, кажется, единственный из авторов, кто связывает глобальную экономику с китайской безопасностью. И в этой связи он с озабоченностью оценивает экономику США, деятельность которых на мировой арене углубляет брешь между развитыми и развивающимися странами. Причем на самом деле, по его мнению, эта американская экономика являет собой фактор "мыльной экономики", что непременно отразится на глобальной экономике и, соответственно, создаст угрозу экономической безопасности Китая.

Отношения между крупными державами. Экономическое и военное превосходство США делает их политику более агрессивной и авантюрной, идущей вразрез мировой многополярности. В то же время попытки России, Японии и Европы восстановить свои

²² Lu Zhongwei. International Security Environment Goes Through Changes. — Beijing Review, Aug. 23, 1999.

²³ Цит. по: Li Bin. China's Security Environment in the Early 2000s. — Beijing Review, Jan.10, 2000.

экономические позиции наталкиваются на массу проблем, и поэтому брешь между великими державами расширяется.

Вместе с тем стратегические отношения между США и Западной Европой, США и Японией уплотняются и укрепляются. В ответ Россия стремится укрепить стратегические партнерство с Китаем, выраженное, например, в продаже 60 самолетов "R-30" (во время визита Ельцина в Пекин в декабре 1999 г.). В перспективе все больше обнажаются и противоречия между Китаем и Японией. "Хотя Япония продолжает экстенсивное сотрудничество с Китаем в социально-экономической сфере развития, она все еще будет следовать Соединенным Штатам в политике и обороне безопасности и тайным образом сдерживать Китай".

В АТР в будущем будут сформированы отношения между крупными державами с тремя центрами, состоящими из США, Японии и Китая. Эти отношения будут относительно стабильны, но в большей степени подвязаны под США.

Национальный сепаратизм. По мнению Дзян Линфэя, толчок сепаратизму в Азии дали дезинтеграция Советского Союза и Югославии. А вмешательство в косовские дела западных стран вдохновляет сепаратистов, рассчитывающих в перспективе на их поддержку.

Различные сепаратистские силы активизировались и в Китае. Прежде всего, это касается китайской безопасности в связи с проблемой Тайваня. Так, Ли Дэнхуэй в июле 1999 г. (вскорости после бомбардировок китайского посольства в Белграде) выдвинул идею о перекрестном признании двух государств, что сразу же обострило проблему. В этой связи Дзян Линфэй счел нужным заявить: "Если Тайвань шумно провозгласит независимость, мы непременно предпримем военную акцию. Но это ухудшит ситуацию в Тайваньском проливе и приведет к вовлечению США и возможным совместным санкциям Запада". Все это негативно отразится на безопасности Китая, но ответственность ляжет на плечи сепаратистов.

Военная безопасность. Соединенные Штаты продолжают наращивать свою военную силу, модернизируют военно-технический потенциал и, опираясь на эту мощь, активно вмешивается в международные дела. "Соединенные Штаты активизируют усилия в построении глобальной военной системы для поддержания своей гегемонии и ищут наиболее удобные способы использовать силу". Они также пытаются включить Тайвань в американо-японский альянс, что представляет угрозу Китаю.

Все перечисленные факторы влияют непосредственным образом на безопасность Китая в XXI веке.

В противовес всем этим неблагоприятным тенденциям китайский военный ученый предлагает усилить роль ООН, активизировать визиты в страны Азии, Европы и Африки, тем самым как бы демонстрируя повышенное внимание развивающимся и европейским странам. Почему-то от взаимоотношений с Европой китайский ученый ожидает наибольших результатов. А что касается ООН, то Дзян Линфэй, находящийся в плену благородного социалистического сознания, видимо, не знает классического выражения: кто платит, тот и заказывает музыку. Ему было бы небесполезно поразмышлять над цифрами: взнос Китая в кассу ООН в 2001 г. составил 1,5% от бюджета ООН, США — 22%, Япония — 19,6%. и т.д. Так чью же песню будет исполнять большинство государств ООН?

Позиция и политика КНР в сфере военной безопасности в Восточной Азии и Россия

Китайские официальные взгляды на общую ситуацию в Восточной Азии, в принципе, совпадают с официальными оценками США и Японии. В КНР также считают, что в настоящее время в регионе царит мир и относительная стабильность. Ее неустойчивость вызвана рядом проблем и "конфликтными зонами", среди которых указываются: ситуация на Корейском полуострове; территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях; гонка вооружений в регионе.

Но, в отличие от Вашингтона и Токио, Пекин к этому списку добавляет несколько блоков противоречий, которые в случае их обострения могут расширить количество "конфликтных зон". Среди них следует обратить внимание на важный блок экономических противоречий. Имеется в виду, что в нынешнее время, когда идеология отодвинута на задний план, а на передний выдвигаются проблемы экономической безопасности, экономические противоречия, в особенности между США и Японией, в перспективе самым серьезным образом будут определять общий контекст безопасности в регионе.

Китайские ученые придают серьезное значение этническим противоречиям, которые, по их представлениям, будут дробить государства в Восточной Азии.

Еще более серьезно они относятся к религиозным проблемам, чреватых всевозможными конфликтами и угрозами безопасности. Выделяя религиозный фактор в отдельный блок безопасности, аналитики имеют в виду не только ситуацию за пределами КНР, но и внутри своей страны, связанную с движением буддийских сепаратистов в Тибетском автономном районе и мусульман в Синьцзяне.

Наконец, хотя китайские ученые в свое время и подвергли жесткой критике концепцию С. Хантингтона о "столкновении цивилизаций", они сами же подтверждают ее примерами жесткого сопротивления восточноазиатской культуры (или современной конфуцианской культуры) западным ценностям. Другими словами, они не исключают обострения ситуации в регионе из-за цивилизационных несовместимостей "эгоистичной" западной культуры и гуманистичной конфуцианской культуры.

Однако более серьезные различия прослеживаются в оценках политики тех или иных великих стран, а также методов и способов поддержания и сохранения безопасности в регионе.

В качестве примера можно привести оценки ситуации безопасности китайского посла Ша Дзукана, которые были им озвучены в Гавайском Центре Восток—Запад²⁴. К дестабилизирующим факторам в регионе он относит такие. Во-первых, намерение США развернуть НПРО (national missile defense system) — система, наносящая ущерб глобальному и стратегическому балансу и стабильности. Во-вторых, наличие некоторых стран с менталитетом холодной войны. В этой связи он указывает на пересмотр оборонного сотрудничества между США и Японией, которые расширяют сферу своего военного альянса в "окружающем пространстве" и даже не позаботились исключить из этого пространства "тайваньскую провинцию Китая". В-третьих, США и Япония решили совместно продвигать систему ПРО ТВД (theater missile defense system) с намерением разместить ее в США. Посол США считает, что проблемы с КНДР она не решит, но может спровоцировать гонку вооружений в регионе. В-четвертых, споры вокруг территорий, природных ресурсов и проблема морских прав также создают напряженность в регионе. В-пятых, на это же работает ядерная и ракетная гонка вооружений в Южной Азии (следовательно, Южная Азия также входит в "АТР"). В-шестых, религиозный экстремизм, сепаратизм и транснациональный терроризм представляют опасность региональной безопасности и стабильности.

Все названные факторы делают обстановку в регионе "нестабильной, ситуативной и непредсказуемой". В негативном ключе рассматривается и вмешательство США во внутренние дела КНР под предлогом "плохой истории" прав человека, и, естественно, поддержка тайваньских националистов, инициирующих движение за независимость Тайваня²⁵.

²⁴ Sha Zukang. Some Thoughts on Establishing A New Regional Security Order. Statement by Ambassador at the East-West Center's Senior Policy Seminar. — (Internet: www.fmprc.gov.cn)

²⁵ Wu Xinbo. Integration on the Basis of Strength: China's Impact on East Asian Security. Stanford University, Asia/Pacific Research Center, February 1998, p. 5.

Все это воспринимается как политика гегемонизма США в регионе. Так, председатель ВСНП Цяо Ши (на встрече с южнокорейским политиком Ким Дэ Чжуном, нынешним президентом КР) в октябре 1995 г. заявил: "Гегемонизм и силовая политика все еще сохраняются в нынешнем мире. Народы Китая, Южной Кореи и других азиатских стран, тесно объединенные между собой и прогрессирующие в своем развитии, могут сами защитить себя против гегемонизма и силовой политики"²⁶. Все понимают, что, когда речь идет о гегемонизме, имеются в виду только США.

Следует подчеркнуть, что, в отличие от США, при анализе проблем безопасности в Восточной Азии китайские эксперты принимают в расчет все четыре основные державы, т.е., помимо США, Японии, Китая, также и Россию. При этом, правда, они четко оговаривают реальный статус каждой из них. Китай и Япония — на подъеме, Россия — в результате распада СССР ныне только "региональная держава", а США — единственная сверхдержава. Именно поэтому только Соединенные Штаты являются страной, которая в состоянии воздействовать на все аспекты национальных интересов КНР (политика, экономика, безопасность). Естественно, Америке придается первостепенное значение в совокупной внешней политике Пекина.

С точки зрения безопасности в регионе центральным для Пекина является состояние японо-американского военного альянса, идея реформирования которого зафиксирована в совместном американо-японском коммюнике 1996 г.

В ответ на заезженный аргумент о том, что военная спайка Токио с Вашингтоном, дескать, сдерживает милитаризацию Японии, китайцы резонно указывают на усиление военного потенциала собственно Японии, расширение зоны "национальной" (читай — военной) безопасности, т.е. расширение географического пространства действий "сил самообороны" страны чуть ли не до Австралии. Более же тесное военное сотрудничество двух стран, по мнению экспертов, может втянуть и Японию в тайваньскую проблему. Наконец, реформирование альянса усиливает ряд компонентов доктрины "превентивной дипломатии" США, что в первую очередь затрагивает китайскую сторону. К примеру, если Вашингтон и Токио решат создать систему ПРО ТВД (theater missile defense) в Японии, это неизбежно окажет дестабилизирующее воздействие в регионе и затронет систему безопасности КНР.

Хочу обратить внимание на то, что хотя критика "японского милитаризма" перестала носить обостренный характер, однако время от времени японцам не дают забывать об истинном отношении китайского народа относительно военной мощи этой страны. Так, в

²⁶ China Daily, October 28, 1995.

статье с примечательным названием "Слишком торопиться превращаться в военно-политическую державу" член редколлегии журнала "Бэйдзин Ревью" Чжоу Синьхуа пишет, что в Японии завершился этап превращения "мирной государственной системы" в так называемое "нормальное государство"²⁷. Теперь "нормальное государство" намерено приобрести "универсальную квалификацию", создавая фундамент для развития японских вооруженных сил. Совсем недавно под предлогом "самообороны" Япония приспособила свою оборонную политику "ограниченной самообороны" на "океаническую оборону", а ныне движется даже к "наступательной обороне"²⁸. Он напоминает, что японские военные расходы (около 49 млрд долл.) находятся на втором месте в мире после США. К тому же Япония и США подписали договор о совместном строительстве ПРО ТВД, не исключив из сферы его действия зону Тайваня. Китайский автор напомнил весь набор антикитайских деяний Японии и предупредил: если японское правительство не предпримет соответствующих мер, чтобы остановить процесс милитаризации, то Япония вновь может оказаться на "старой дороге разрушения". Свою статью он завершает так: Токио, не будь слишком поспешным, чтобы стать военно-политической державой.

Возвращаясь к теме общей безопасности, следует учитывать и такую специфику КНР: в Пекине с настороженностью относятся к предложениям о формировании различного типа коллективистских организаций в сфере безопасности, например к выдвигаемым американцами предложениям о создании Совета по сотрудничеству в области безопасности — нечто типа оборонного АТЭС. Незаинтересованность в подобного рода организациях объясняется просто: так или иначе в них будут доминировать США с их представлениями о безопасности в регионе, которая стратегически не совпадает с национальными интересами большинства стран Тихоокеанского региона.

В изложении уже упомянутого посла Ша Дзукана система безопасности в "АТР" могла бы состоять из следующих элементов.

1. Прежде всего должна быть выработана новая концепция безопасности, соответствующая новым тенденциям времени. Она должна вобрать в себя весь набор лозунгов, вытекающих из Пяти принципов мирного сосуществования и базироваться на взаимном доверии и равенстве.

²⁷ Термин "нормальное государство" в японском политическом контексте означает государство со всеми атрибутами военной мощи, не ограниченной послевоенной Конституцией. Лозунг: Япония, стань государством! (Ниппон ё, кокка тарэ!) стал популярным еще в начале 80-х годов. Подр. см.: Р.Ш-А. Алиев, Внешняя политика Японии, с. 156.

²⁸ Zhou Xinhua. Too Hasty to Become a Military-Political Power. — Beijing Review, May 22, 2000.

2. Обеспечение глобального и регионального стратегического баланса и стабильности. Этот пункт предполагает отказ США от развертывания НПРО и ПРО ТВД.
3. Содействие общей безопасности для всех стран региона. Идея заключается в том, чтобы ни одна страна не обладала превосходством над другими.
4. Твердо придерживаться принципов невмешательства во внутренние дела других стран. Любое вмешательство предполагается рассматривать как политику гегемонизма или "политику канонерок"
5. Необходимо практиковать "фазовый подход" в свете региональных условий и искать общие основы, отбрасывая в сторону различия. Надо принимать во внимание политические, экономические и культурные различия в регионе и развивать такую модель безопасности, которая соответствует региональным условиям. Реализация такого подхода требует постепенности, а не быстрых результатов. В качестве примера Ша Дзукан приводит формы обсуждений проблем на форумах АСЕАН, а также на встречах на высшем уровне в рамках "Шанхайской пятерки".

В целом же все предложения по проблемам безопасности в "АТР" нацелены на стремление лишить США и Японию преимущественных позиций, низвести их до уровня "всех" и только на этой равноправной основе создавать структуру коллективной безопасности. Что, естественно, кардинально противоречит установкам Вашингтона и Токио.

США в китайской внешней политике

Как уже говорилось, США уделяется первостепенное значение в иерархии внешней политики КНР. Причем если на официальном уровне эти отношения оцениваются в весьма позитивных тонах, то в академических кругах нет недостатка в самой жесткой критике этой страны.

Пик критики пришелся на период бомбардировки китайского посольства в Белграде (май 1999 г.), после чего последовала серия гневных выступлений и статей в адрес США и в целом НАТО. Журнал "Бэйдзин Ревью" собрал наиболее видных китайских экспертов и провел "круглый стол", на котором все без исключения участники обвинили НАТО в "интервенционистском и экспансионистском характере"²⁹. "Главная цель — это

²⁹ Experts on NATO's New Strategy and Related Issues. — Beijing Review, July 7, 1999.

превратить НАТО в орудие Соединенных Штатов для осуществления их глобальной гегемонии и установления нового экономического и политического порядка, возглавляемого западными странами" (Чжан Чантай, Китайский институт международных стратегических исследований).

"Соединенные Штаты сейчас сходят с ума в деле распространения своей глобальной стратегии. Они действительно хотят расширить сферу действия НАТО, но невозможно расширить его сферу в Восточную Азию", — считает Чжао Имин (профессор Университета национальной обороны НОАК).

В целом же расширение НАТО на Восток оценено как новая форма холодной войны. Это — проявление гегемонии. Причем оговаривается: "Гегемония охватывает не только военные сферы, но также политические, экономические, научные, технологические сферы, игнорируя при этом международное право и хартию ООН" (Чжан Чантай). Но Китай, несмотря на бомбардировки посольства, не запугать: "Китай никогда не склонится перед гегемонией" (Сюнь Дзинянь, писатель). А Ян Ченсю (Президент Китайского института международных исследований) заметил: "Хотя Россия приняла западные ценности, но она все еще способна угрожать Соединенным Штатам".

Но и после событий, связанных с бомбардировкой, антиамериканская направленность многих работ сохраняет свою актуальность. В этой связи любопытна статья Сяо Ли, которая анализирует гегемонистскую суть США. Он полагает, что "экономическое усиление помогло заложить фундамент для гегемонии США в мире, а окончание холодной войны представило историческую возможность для осуществления гегемонии"³⁰. Он возражает против того, что, дескать, есть и другие соперничающие центры типа ЕС, хотя его совокупный ВВП превосходит ВВП США. Сяо Ли справедливо указывает на то, что, "однако, каждое государство (ЕС — *О.А.*) имеет собственный план, следовательно, они не могут оформиться как целостность и действовать как единое целое". Это очень важное замечание. Китайский ученый также справедливо считает, что "в военной сфере ЕС контролируется НАТО, которым командуют Соединенные Штаты. Он (союз) также далеко отстает от США в политической сфере и в других аспектах".

Сказанное еще более справедливо в отношении Японии. Она не является постоянным членом Совета безопасности ООН и не обладает ядерным оружием. Находясь "под зонтиком США, она подвержена влиянию американской политики и экономической системы. Единственная сфера, где Япония может сказать США "нет" — экономическая". (В скобках отмечу, что в экономической сфере японское "нет" скорее звучит как "да".)

³⁰ Xiao Li. US Practices Powers Around the World. — Beijing Review, January 31, 2000.

Другими словами, США пытаются доминировать над всем миром, используя в том числе экономические санкции. По мнению Сяо Ли, в настоящее время почти полмира находится под контролем США в тех или иных формах. И, как полагают в самих США, они вряд ли встретят противодействие этому доминированию, по крайней мере, до 2015 г. Хотя в США постоянно говорят о "руководстве миром", на самом деле речь идет о гегемонизме. Все направления и механизмы (военные, экономические, финансовые) служат закреплению такого положения.

Однако, считает китайский ученый, будущее мира нельзя рассматривать как "американский век". Даже XX век не был "американским", а был только "атлантическим веком". И Сяо Ли показывает, что даже во второй половине века (XX) Америка не раз терпела поражения. Он напомнил, что первое поражение США потерпели в войне против Кореи, затем сокрушительное поражение во Вьетнаме. "Были и другие стычки". Но вот удивительный пассаж китайского ученого: "После долгого периода конфронтации с бывшим Советским Союзом Соединенные Штаты, казалось, выиграли политически после распада Советского Союза и громадных изменений в странах Восточной Европы в 1990-е годы. Но, скорее? это поражение противников, чем победа Соединенных Штатов" (This is the defeat of its counterparts rather than the victory of the United States).

Такая сверхдиалектичность напомнила мне высказывания некоторых российских политиков и научных работников, заявлявших, что СССР не проиграл холодную войну, а просто "преододел конфронтацию в Европе и мире". Если распад страны и потеря всех ее союзников считать "выходом из кризиса", тогда, видимо, надо переоценить результаты всех войн в мире. Опасность подобного словотворчества заключается в том, что если называть поражение победой и наоборот, тогда невозможно извлечь уроки из прошлого, повторяя действия, ведущие к подобным "победам".

Как бы то ни было, но китайский автор приводит еще ряд факторов, свидетельствующих об "эфемерности силы США". Например, ее использование в отношении Ирака и Югославии. Хотя в военном отношении они победили, но "проблемы остаются". В построении международного порядка способы, к которым прибегают США, вызывают чувства несправедливости у многих людей и недоверие к американским ценностям. И т.д. и т.п.

Впереди США ждет упадок, а развитие мира в сторону многополярности вообще сведет на нет статус США как великой державы. И хотя США расширяют свой гегемонизм, с долгосрочной точки зрения они не увидят "американского века". Уверен, такой вывод китайского автора очень многим придется по душе.

Автор другой статьи — Чжоу Вэнь доказывает, что развертывание программы НПРО, которая американцами подается как система обеспечения безопасности в XXI веке, на самом деле является проявлением гегемонизма. Он убежден, что другие ядерные страны так или иначе вынуждены будут увеличить количество ядерных боеголовок для противодействия этой программе. Особенно в этой связи возлагаются надежды на Россию. "Как только экономика России оздоровится, Россия сможет развить собственное ПРО, если понадобится. И посему новая гонка вооружений, на этот раз на более высоком уровне, возобновится между Соединенными Штатами и Россией"³¹. Но в любом случае "установление глобальной гегемонии и абсолютной безопасности является важнейшей стратегической целью США в 21 веке".

Приход к власти Буша-младшего крайне насторожил Китай. Это вызвано тем, что республиканцы всегда настаивали на жестком подходе к КНР и в ситуациях обострения отношений между Тайбэем и Пекином придерживались протайваньской позиции. Уже в самом начале президентской гонки в китайской прессе появились критические статьи в адрес Буша за его отказ рассматривать китайско-американские отношения в категории "стратегического партнерства" и перевод этих отношений в разряд "стратегического соперничества"³². В интерпретации двух ученых из Университета национальной обороны, Дзян Линфэя и Фу Тао, в ходе предвыборной борьбы Буш-младший раскритиковал клинтоновскую политику "вовлечения" Китая. Он, углубляя тему стратегического соперника США, пообещал придерживаться твердой позиции в отношении Пекина³³. По мнению китайских ученых, Буш намерен вернуться к политике "сдерживания Китая", на что указывают следующие факторы. Во-первых, это стремление США установить всемирную гегемонию в XXI веке. Во-вторых, сильными позициями антикитайских республиканцев в конгрессе США. Наконец, сдвиг стратегических интересов США с европейско-атлантического региона в "АТР", где главным соперником Америки выступает Китай, также определяет жесткую позицию Буша. Правда, не отрываясь от почвы "исторического оптимизма", китайские ученые полагают, что такая политика идет вразрез с течением времени, а потому она, естественна, обречена.

Говоря о гегемонии США, многие эксперты полагают, что она будет приостановлена именно Китаем, который в XXI веке сам станет "сверхдержавой". Поэтому интересно рассмотреть, как китайцы оценивают собственные возможности в этом плане.

³¹ Zhou Wen. Security or Hegemony? — Beijing Review, May 29, 2000.

³² Jin Canrong. The US Presidential Election and Its Influence on Sino-US Relations. — Beijing Review, March 27, 2000.

³³ Jiang Lingfei and Fu Tao. Bush's Position on America's China Policy is Harmful. — Beijing Review, Oct. 16, 2000.

Уже упоминавшийся Ли Хайбо, размышляя над этой темой, дает такую перспективу³⁴.

В настоящее время по экономическим показателям (по ВВП) КНР находится на седьмом месте в мире (после США, Японии, Германии, Франции, Англии и Италии). В последующие 20 лет при ежегодном увеличении ВВП на 7% ВВП КНР удвоится к 2010 г. По мнению Линь Ифу (Китайский центр экономических исследований Пекинского университета) Китай в состоянии сохранить подобные быстрые темпы в течение 50 лет благодаря громадному потенциалу. "Такой потенциал включает высокую степень аккумуляции капитала, который равен 40% ВВП, один из самых высоких в мире". Следовательно, к середине века китайская экономика скорее всего станет самой мощной в мире" (там же).

Однако другой ученый, Фань Ган (исследователь Китайской академии общественных наук) обращает внимание на многие трудности и рассматривает в качестве "чуда" ожидания относительной стабильности в экономике в течение 50 лет, которая к тому же базируется на рыночных принципах.

Кроме экономики важны и другие аспекты, например, проблема воссоединения Тайваня с материком. "Широко распространено убеждение, что этот последний шаг будет осуществлен в первой половине следующего столетия и скорее всего до 2010 г., как прогнозируют некоторые эксперты". Высшие официальные лица также много раз заявляли, что нельзя оставлять решение проблемы Тайваня на неопределенное время. Далее внимание! "Мирное воссоединение является желанием всех китайских людей. Но... война является реалистической перспективой, если Ли Дэнхуэй и его последователи предпримут шаги в поисках независимости острова. Военный конфликт в Тайваньском проливе нанесет ущерб стабильности в ЮВА и в целом в АТР, подвергнет риску китайско-американские отношения. Он также отразится на китайской экономике, но не в очень большой степени. Для китайского материка он не более чем *локальная* война! (выделено мной. — О.А.)".

Таким образом, китайские ученые, а значит, и власти, не исключают силовые варианты решений тайваньской проблемы.

Но это не главная проблема (в контексте превращения Китая в сверхдержаву). Более серьезная проблема, по мнению, например, Чжан И (Китайская академия общественных наук) — это рост населения, которое к 2050 г. может достигнуть 1,6 млрд человек. И, хотя Ли Хайбо не дает экономических и политических обоснований в ответе на

³⁴ Li Haibo. China and Its Century. — Beijing Review, Oct. 18, 1999.

поставленный вопрос, тем не менее он считает, что, «зная свою "судьбу" и идя по правильной дороге, китайский народ думает, что он сможет сотворить более славную историю, чем его предшественники вместе взятые». Хотя четкого ответа нет, но заявка сделана.

Более четкий ответ на этот вопрос звучит в статье, которая названа так: "Будет ли 21 век принадлежать Китаю или Соединенным Штатам?"³⁵. Ли Дзинхуэй в интервью, взятом у директора Центра изучения внешней политики в Китайском институте современных международных отношений Янь Сюэтуна, выяснил следующее. Очевидно, что США сейчас в зените и являются единственной сверхдержавой в мире. Что будет дальше, ответить трудно, но это будет зависеть от того, насколько Китай сумеет развить у себя "информационную экономику", в которой преимущество на стороне Запада. "Но если Китай реализует четыре модернизации к середине 21 века, как и было запланировано, его ВВП в три раза превзойдет ВВП США, имея в виду, что сейчас пропорции между двумя странами — один к восьми". И если Китай подтянется по пропорциям и структуре к варианту экономики США, то он может стать мировым центром 21 века. Но это случится, только если Китай сумеет сконцентрироваться на "экономике знаний и информации", предполагающие наличие высокообразованного и грамотного населения. Ключ — в образовании. В этой связи Янь Сюэтуэй приводит такие цифры: расходы КНР на образование одного человека в год равны 45 долларам, т.е. 1/50 части аналогичного показателя США (2304 долл.). Корейская Республика в течение 17 лет на образование тратила 20% расходной части бюджета. "Если Китай не сможет дать 80% молодежи высшее образование, он не сможет догнать или превзойти других в технологических инновациях. Чтобы стать мировым центром, у Китая нет иного выбора, как развивать образование".

Таким образом, китайские ученые предопределяют возможность превращения Китая в мировую державу фактором образования. Хотя, безусловно, это — важный фактор, но с точки зрения статуса мирового центра он недостаточен. Иначе уже сейчас можно было бы говорить о множестве мировых центров, где все население получает образование по самым высоким стандартам (практически все европейские государства). Но ожидать от китайских ученых четкого ответа на этот вопрос не приходится, поскольку они "вышли" бы за рамки официальной политики, настраивающий весь мир на многополярность в XXI веке.

В заключении следует отметить, что, несмотря на антиамериканскую риторику многих китайских ученых, не следует преувеличивать антиамериканизм Китая. На

официальном уровне, в ходе двусторонних встреч на высшем уровне, в совместных китайско-американских документах подобная риторика отсутствует. Наоборот, выражается удовлетворение ходом развития китайско-американских отношений и, что самое главное, это подтверждают масштабы торгово-экономического сотрудничества. И хотя у меня нет намерений в этой главе останавливаться конкретно на данной сфере, я только приведу одну цифру. В 1999 г. взаимный оборот между КНР и США достигал 61,5 млрд долл., из них экспорт КНР был равен 42,0 млрд долл, а импорт 19,5 млрд долл. (По данным Ежегодника МВФ, экспорт в США был равен 71,17 млрд долл., а импорт из США — 14, 24 млрд долл.) Думаю, что эти миллиарды значительно превосходят все взаимные критические атаки друг на друга.

И совершенно иная картина обнаруживается при анализе китайско-российских отношений. Слова — прекрасны, дела — не очень. Но все по порядку.

³⁵ Li Jinhui. Will the 21st Century Belong to China or the United States? — Beijing Review, March 27, 2000.

Глава VI. Место и роль России во внешней политике Пекина

Хроника китайско-российских отношений

Китайско-российские отношения находятся под пристальным вниманием всех международников, поскольку от "веса" и "качества" этих отношений в значительной степени зависит структура мировых отношений. Например, сторонники биполярности полагают, что именно спайка Россия — КНР может стать реальным противовесом Западу во главе с США. Вместе с тем, как было показано выше, немало американских экспертов предлагают не придавать большого значения этим отношениям, которые, с одной стороны, не просты сами по себе, с другой — Россия просто слишком слаба, а посему и вся "сторона" не является структурообразующим элементом. Посмотрим, как же китайцы оценивают эту "сторону" и Россию вообще.

Не вдаваясь в глубокую историю китайско-российских отношений (о чем написано тысячи работ), напомним, что толчком к их реальному улучшению послужил визит министра иностранных дел КНР Цянь Цичэня в Москву в 1988 г. Затем последовал ответный визит в Пекин в мае 1989 г. М. Горбачева, который пообщался с Дэн Сяопином и тогдашним генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном. В совместных заявлениях того периода был изложен фактически весь джентльменский набор фраз и подчеркнуты Пять принципов мирного сосуществования как основа двусторонних отношений.

До развала СССР Москву успели посетить тогдашний премьер-министр КНР Ли Пэн (1990 г.), подписавший серию соглашений по сотрудничеству в сфере экономики, торговли, науки, технике и культуры. В 1991 г. в Москве побывал Цзян Цзэминь. В ходе этого визита министры иностранных дел подписали Соглашение по восточной секции китайско-советской границы.

После распада Советского Союза в середине декабря 1992 г. по приглашению Президента КНР Ян Шанкуня Пекин посетил Б. Ельцин. На этот раз было подписано 24 документа, касающихся политических и экономических отношений, а также опубликовано Совместное заявление о взаимных отношениях между КНР и Российской Федерацией.

Еще один пакет документов был подписан во время визита президента КНР Цзян Цзэминя в Россию в сентябре 1994 г. Среди них — Декларация о долгосрочном развитии двусторонних связей, протокол о торговле и экономическом сотрудничестве и соглашение о таможенном сотрудничестве. В ходе этого визита Цзян Цзэминь охарактеризовал состояние русско-китайских отношений как "конструктивное партнерство". С военной

точки зрения имело значение Совместное заявление о взаимном неиспользовании ядерного оружия и ненацеливания стратегического ядерного оружия друг на друга. Министры иностранных дел подписали Соглашение о западной секции китайско-российской границы.

В апреле 1996 г. Ельцин вновь нанес визит в КНР, в ходе которого была подписана очередная порция документов (12) и Совместное заявление (Пекинская декларация), где говорилось уже о "стратегическом партнерстве на основе равенства, взаимного доверия и взаимной координации, ориентированном на 21 век"¹. Подобная многозначительная фраза сразу же была расценена СМИ как "шаг вперед" от "конструктивного партнерства". Ельцин заявил тогда же, что две страны должны увеличить взаимную торговлю от нынешнего уровня в 5,5 млрд долл. до 20 млрд долл. ежегодно.

В ходе этого визита произошла встреча президентов КНР, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана в Шанхае, на которой было подписано многостороннее Соглашение об укреплении доверия в военной области в пограничных районах. Эта встреча послужила началом формирования регулярных контактов "Шанхайской пятерки", во время которых обсуждаются проблемы экономического и военно-политического сотрудничества в Центральной Азии².

Следующий визит на высшем уровне состоялся в ноябре 1998 г. Это был визит Цзян Цзэмина в Москву, а в декабре 1999 г. Б. Ельцин нанес ответный визит в Пекин. На последней из встреч в Совместном заявлении была выражена озабоченность намерениями нарушить Договор ПРО 1972 г. В документе было также зафиксировано удовлетворение по двум пунктам: Россия поддержала политику КНР, нацеленную на объединение Китая и подтвердила свою позицию в отношении проблем Тайваня, т.е. не согласилась с перекрестными отношениями на базе "государство—государство"³; Китай же обозначил свою позицию по Чечне, объявив, что эта проблема — внутреннее дело России⁴.

Вместе с тем, поскольку термин "стратегическое партнерство" стал вызывать беспокойство у некоторых государств, за два дня до приезда Ельцина пресс-секретарь МИД КНР Чжан Циюэ растолковал прессе: этот термин не предполагает альянса против третьей стороны, и это — не союзничество, характерное для периода холодной войны, а "новый тип международных отношений, в котором нет места союзничеству, конфронтации и нацеленности на какую-либо страну" (там же).

¹ Beijing Review, May 13—19, 1996.

² Подр. см. Rong Zhi. A Retrospect of China — USSR and China — Russia Relations. — Beijing Review, Nov. 16, 1999.

³ Принцип отношений на базе "государство—государство" был в свое время выдвинут бывшим президентом Тайваня Ли Дэн Хуэйем.

⁴ Sino-Russian Joint Statement. — Beijing Review, Dec. 20, 1999.

Наконец, последний визит на высшем уровне (на момент написания данной главы) был визит В. Путина в Китай в июле 2000 г. Было подписано множество документов, включая Пекинскую декларацию (хотя такая уже была подписана ранее), совместное заявление по ПРО и два межправительственного соглашения: одно по совместному развитию энергетики, другое — по созданию экспериментального реактора на быстрых нейтронах. Банк Китая подписал пакт о сотрудничестве с Российским Внешэкономбанком⁵.

В документе по ПРО, в частности, говорится, что план США создать запрещенную договором по ПРО систему национальной противоракетной обороны на территории страны вызывает глубокую озабоченность Москвы и Пекина: "Россия и Китай полагают, что сущность такого плана заключается в стремлении к одностороннему превосходству в военной сфере и в вопросах безопасности. Реализация такого плана имела бы самые серьезные негативные последствия для безопасности не только России, Китая и других государств, но и для безопасности самих США, для глобальной стратегической стабильности в мире в целом. Поэтому Россия и Китай решительно выступают против такого плана"⁶.

В последующим среди заметных визитов можно рассматривать поездку российского премьер-министра в Пекин (ноябрь 2000 г.), на котором повышенное внимание было уделено сотрудничеству в военно-технической сфере.

Такова внешняя канва китайско-российских отношений, которая определяется заинтересованностью не только в торгово-экономических отношениях, но и в укреплении "стратегического партнерства", а также верой в "многополярный мир".

Академические круги КНР об отношениях с Россией

А теперь обратимся к оценкам китайско-российских отношений китайскими экспертами.

Выстраивая цели в отношении России, китайские эксперты обосновывают их следующим набором аргументов. Во-первых, они с удовлетворением отмечают завершенность процесса демаркации российско-китайской границы за исключением небольших участков в районе Приморья и по реке Амур. Во-вторых, ими позитивно оценивается военно-техническое сотрудничество, особенно в связи с тем, что сами американцы заблокировали доступ на военный рынок США после событий на площади Тяньаньмынь в 1989 г. В-третьих, они рассчитывают или, по крайней мере, рассчитывали

⁵ A Pivotal Visit: Inheritance From the Past Opens a New Chapter for the Future. — Beijing Review, Aug.7, 2000.

на помощь России в деле обновления технического оборудования предприятий, построенных СССР в 50-е годы. Кроме того, большие планы связаны и с поставками нефти и газа Сибири. В-четвертых, как об этом откровенно пишет профессор Фуданьского университета У Синбо, китайско-российское сотрудничество "призвано оказать противодействие доминирующему влиянию США, как единственной сверхдержаве мира"⁷. Другими словами, "стратегическое партнерство" между КНР и РФ дает основу для более успешного выстраивания многополярной системы в мире.

Один из специалистов по России, сотрудник Института современных международных отношений Дзи Чжие склонность России к сотрудничеству с КНР понимает таким образом: После окончания холодной войны США стали единственной сверхдержавой. Россия из "сверхдержавы превратилась во второразрядную страну". На фоне расширения НАТО на Восток и укрепления американо-японского военного сотрудничества стратегическое пространство России сократилось. Поэтому "со стратегической точки зрения России необходим надежный партнер, который помог бы ей продолжать играть стратегическую роль в международном сообществе. Таким надежным партнером должен быть Китай, так как Китай и Россия естественным образом разделяют похожие идеи о важности международных проблем благодаря их похожему историческому опыту и современным стратегическим соображениям"⁸.

Другой ученый — Дин Шен, анализируя американо-российские отношения, выделяет ряд проблем, действительно существующих между США и Россией. Одна из них — проблема американского ПРО, против которого выступает Россия. Он пишет: "В связи с ослаблением национальной мощи России важности ядерного оружия как "козырной карты" в деле обеспечения государственной безопасности и пропаганды имиджа крупной державы стало придаваться первостепенное значение. На самом деле, может ли эффективно обеспечить безопасность ПРО или нет, — не только это волнует Россию, ее волнует также и международный имидж России, и стабильность политической силы"⁹. Другими словами, если упростить приведенную цитату, проблема ПРО — это не столько проблема безопасности, сколько проблема международного авторитета России.

Упомянув также различия подхода США и России к проблемам в Косово и Чечне, Дин Шен полагает, что вне зависимости от того, кто является президентом России, американо-российские отношения вряд ли существенно улучшатся. «Их борьба в международных делах превосходит сотрудничество. Тем не менее, их борьба и

⁶ Joint Statement by the Presidents of People's Republic of China and the Russian Federation on Anti-Missile Defense. — Beijing Review, Aug. 7, 2000.

⁷ Wu Xingbo. Integration..., p. 6.

⁸ China and Russia's Good Relations and Close Cooperation: A Strategic Option in the New Century. — Beijing Review, Aug. 7, 2000.

⁹ Ding Sheng. Whither US-Russian Relations? — Beijing Review, Febr. 28, 2000.

компромиссы сосуществуют... Поэтому их отношения всерьез не ухудшатся и даже не попадут в ситуацию "борьбы до полного разрыва" в течение периода "холодного мира"».

Китайский ученый из педагогического университета Восточной Азии (Шанхай) Цао Чжипин с позиции геополитики оценивает место и роль России в мире. Он пишет: "После распада Советского Союза геополитические условия для России сложились крайне неблагоприятно, мощь страны ослабла, положение на международной арене пошло вниз, сфера влияния сузилась, из прежнего центра евроазиатского материка страна практически превратилась лишь в сегмент его внутренней части. Перед Россией, возможно, даже встает вопрос об отстаивании собственной независимости, не говоря уже о восстановлении имиджа великой державы"¹⁰.

В этих условиях Россия, получая неадекватную реакцию на попытки вступить в "западное сообщество", вынуждено обращаться к Востоку. К этому ее толкают и экономические возможности азиатского региона, из которого Москва рассчитывает получить определенные выгоды.

Более подробно "новую восточную политику" России излагает Юй Гочжэн из Центра исследований Северо-Восточной Азии (г. Чанчунь, пров. Цзилинь), которая обосновывается множеством факторов военно-политического и экономического характера¹¹. Эта статья любопытна тем, что она напоминает работы сотрудников ИДВ РАН, для которых характерно восторженное перечисление намерений России на Дальнем Востоке без анализа их реального исполнения. Так, китайский автор, упоминая Тумыньцзянский проект (по-другому, Туманганский проект), пишет: "В декабре 1995 г. Россия официально присоединилась к международному соглашению, начались практические работы в российском районе Тумыньцзян" (с. 34). Однако в чем заключаются эти практические работы, он не указал и указать не мог. Поскольку сам проект до сих пор продолжает "жить" только на бумаге.

В несколько ином ключе представлена совместная статья Ван Шучуня и Чжао Синя. Разобрав различные аспекты китайско-российских отношений, они пришли к выводу о существовании такого странного явления как "двух горячих и двух холодных". В переводе с китайской мудрости "горячее" означают политические отношения в высших сферах, "холодное" — торгово-экономические отношения на низовом уровне. Авторы имеют в виду существенный разрыв между теми и другими. Они справедливо подчеркивают, что "без материальной заинтересованности как надежной базы межгосударственных отношений уповать только на политические отношения — это химера, так как чисто политические отношения легко подвержены колебаниям под

¹⁰ Цит. по: Китайские политологи о региональной безопасности и региональном сотрудничестве. — Экспресс — Информация. № 7. ИДВ РАН, 1998, с. 13—14.

воздействием международной обстановки и других факторов... Лишь экономические отношения, основанные на тесной взаимной смычке и взаимной опоре, способны обеспечить крепкий фундамент развития политических отношений" (с.39).

Причины разрыва между "горячими и холодными" отношениями они видят в 20-летней истории враждебности двух стран, в неопределенности в целом внешней политики России, в "дисгармонии в отношении к Китаю в российских политических кругах и СМИ, пропаганде концепции "о китайской угрозе", а также в беспорядочном переселении китайского населения в Россию.

Действительно, все названные факторы имеют место. Но китайские авторы, возможно, из дипломатических соображений, не указывают главные причины: Россия находится в состоянии системного кризиса, который продолжает уменьшать возможности страны к развитию полномасштабного сотрудничества, особенно в сфере торгово-экономических отношений.

В целом китайские авторы, обозначая те или иные проблемы в двусторонних отношениях, проявляют исторический оптимизм и, самое главное, страстное желание в укреплении этих отношений. Но при этом они не забывают оговорить, что эти отношения не должны быть союзническими и не направлены против третьих стран. Подобные оговорки, зафиксированные в официальных документах, весьма расстраивают российских сторонников биполярности, рассчитывавших на объединение двух держав (плюс Индия) против опротивевшего им американского гегемонизма¹².

Торгово-экономические отношения между КНР и Россией

Всего с 1992 г. по 1996 г. было подписано более 150 двусторонних документов на правительственном и министерских уровнях, не считая соглашений с регионами РДВ¹³. Если довести этот период до 2000 г., то этих документов будет не менее 200.

Все это, безусловно, неплохо, но в реальности картина менее радужная.

Роль КНР как торгового партнера СССР/России стала повышаться с 1985 г., достигнув пика в 1993 г. В последующем происходят колебания в экспорте и импорте, но в целом динамика понижательная (см. табл.). И это на фоне бесконечных разговоров и заявлений о потенциальных возможностях и перспективах экономического сотрудничества.

Резко снижается торгово-экономическая активность в приграничных зонах. На это указывает сокращение количества визитов китайских бизнесменов через КПП г. Цинь

¹¹ Там же, с. 30—34.

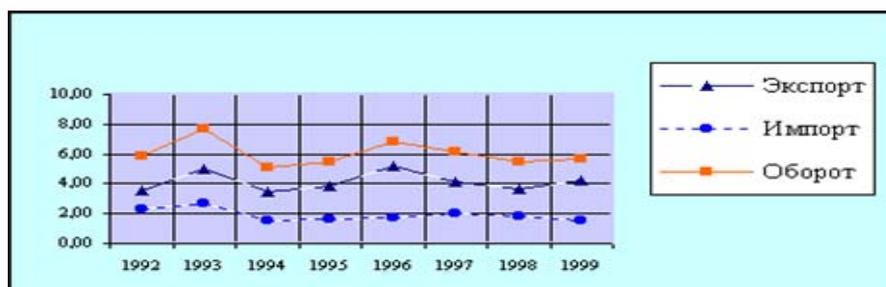
¹² Например, см. статью одного из самых твердых приверженцев подобной биполярности А.Г. Яковлева "Тенденции мирового развития и российско-китайский подход к строительству нового международного порядка. — В Китае в мировой и региональной политике (История и современность). М.: ИДВ РАН, 1999, с. 3—60.

¹³ Beijing Review, April 29—May 4, 1996.

Чэнлу (г. Суйфэньхэ) с 300—350 тыс. чел. в год до 30 тыс., т.е. в 10 раз. И хотя приведенные цифры отражают ситуацию 1998—1999 гг., картина не намного улучшилась и в последующие годы.

Динамика торговли между КНР и Россией, млрд долл.

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Экспорт	3,52	4,98	3,50	3,80	5,15	4,09	3,64	4,22
Импорт	2,34	2,69	1,58	1,66	1,69	2,03	1,84	1,50
Оборот	5,86	7,67	5,08	5,46	6,84	6,12	5,48	5,72

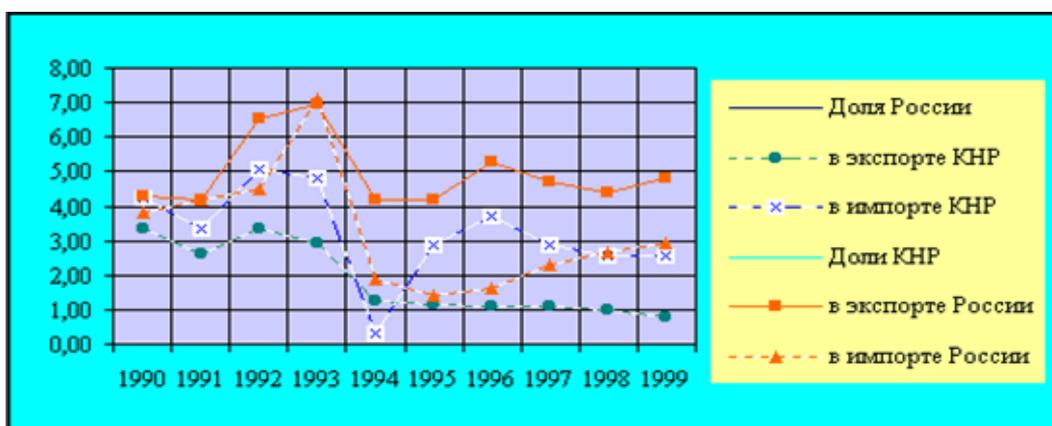

Ист.: на основе данных, приведенных в Beijing Review. Dec. 13, 1999; Aug. 7, 2000.

Не следует преувеличивать в целом значение России в совокупной торговле КНР: в экспорте этой страны она меньше 1%, в импорте — около 2,5%. Но самое главное — тенденция и по данной позиции понижительная (см. табл.). Правда, доля Китая в торговле Россия относительно велика: почти 5% в экспорте и 3% в импорте, но она опять же несоизмерима со значимостью европейских государств.

Доли России (СССР) и КНР в совокупной торговле двух стран, %

	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Доли России										
в экспорте КНР	3,34	2,64	3,34	2,94	1,27	1,13	1,10	1,11	1,00	0,77
в импорте КНР	4,21	3,37	5,08	4,80	0,30	2,88	3,70	2,87	2,58	2,55
Доли КНР										
в экспорте России	4,31	4,19	6,51	6,93	4,20	4,16	5,26	4,73	4,40	4,80
в импорте России	3,83	4,16	4,51	7,12	1,88	1,42	1,62	2,30	2,67	2,94

Ист.: IMF, Direction of Trade Statistics Yearabooks, 1998; 2000.

И все же, несмотря на существенный спад во взаимной торговле, Китай превратился в главного торгово-экономического партнера России в Восточной Азии, опередив даже Японию.

Структура торговли ныне определяется не географической, промышленной или технологической взаимодополняемостью, а экономическим кризисом в России и внутренними потребностями Китая в сырье и технологиях. Русский экспорт в КНР в основном состоит из машин и оборудования, включая авиационную технологию, автомобили, грузовики, сельскохозяйственную технику, уголь и нефтедобывающее оборудование, генераторы для электростанций, текстильное оборудование, а также сырье и продукцию химической промышленности, строительных материалов, черных металлов, стальных труб, древесины, цемента, стекла и удобрений. Доля машин и оборудования, транспортных средств составляет около 40% всего экспорта России в Китай. Процесс специализации и сотрудничества на основе разделения труда находятся пока в эмбриональном состоянии. КНР в свою очередь экспортирует в Россию товары народного потребления, продукты питания и рабочую силу.

В настоящее время утверждается сотрудничество в области высоких технологий, космических исследований, строительства гидро — и атомных станций, а также в военно-технических областях. В частности, во время визита Ли Пэна в Москву в декабре 1996 г. "стороны договорились о совместном проекте по строительству атомной станции в Китае и предприятия по переработке урана"¹⁴.

В российских политических и экономических кругах большие надежды возлагаются на крупномасштабные проекты. Среди них Ковыктинское газовое месторождение в Иркутской области, выполнение работ на Люньюньганской АЭС в приморской провинции Цзянсу, строительство в Китае тепловых станций, доставка сахалинского сжиженного газа в КНР. Обсуждается также проект по доставке газа из Туркмении в китайский порт Люньюньган с последующей его транспортировкой в Японию. В России полагают, что они также могут встроиться в этот проект.

На данный момент в поле зрения находится Ковыктинский газ — проект стоимостью, по одним оценкам, в 7 млрд долл., по другим — в 11 млрд. Надо заметить, что, помимо Китая, в него вовлечены также Монголия, Япония и Южная Корея. Но самым главным участником является "Бритиш петролеум-Амоко", контролирующая через оффшорную компанию "Буровик" российскую "РУСИА-петролеум".

Несмотря на большой ажиотаж вокруг этого проекта, его реализация находится под большим вопросом. Это связано не только с тем, что Япония и КР окончательно не

¹⁴ Washington Post, December 26, 1996.

определили свои позиции (Япония, кажется, больше заинтересована в Туркменском проекте), но и с ужесточением требований Пекина в отношении гарантий Москвы. В частности, Россия должна внести Ковыктино в список объектов, на которые распространяется соглашение о разделе промышленной продукции. Пекин также выразил свою заинтересованность в передаче прав на месторождение из рук компании "РУССИЯ-петролиум" в руки компании "Сиданко", поскольку последняя была создана на базе государственного капитала, которому китайцы, несмотря на свой "капитализм", доверяют больше, чем частным капиталам. Более серьезная проблема заключается в том, что "БП-Амоко" в принципе не торопится с реализацией данного проекта в соответствии со своими стратегическими планами¹⁵.

Надо иметь в виду и следующее. Учитывая, что множество совместных проектов не реализуется в срок, нынешний премьер КНР Чжу Жуньцзи потребовал от китайских экспертов перепроверить все проекты, заключенные с Россией. Такая проверка должна была привести к их резкому сокращению, поскольку большинство из них просто экономически необоснованны. Видимо, не случайно в ходе визита российского премьер-министра в Пекин (в ноябре 2000 г.) обсуждалось всего 14 проектов соглашений, т.е. чуть ли не наполовину меньше от обычной практики.

Единственной сферой сотрудничества с КНР остается военно-техническая, которая имеет все шансы на процветание. Еще в 1993 г. были подписаны соглашения о поставках в КНР 26 истребителей Су-27, ракетных систем С-300 "земля-воздух" и других вооружений¹⁶. Также сообщалось, что Пекин купил две эскадрильи истребителей-перехватчиков Су-31 и не оговоренное количество танков Т-72¹⁷. В результате визита зам. российского премьера А. Большакова в Китай (декабрь 1996 г.) было подписано соглашение о военно-техническом сотрудничестве. По западным сообщениям, там же было оформлено окончательное соглашение, дающее Китаю право на лицензионное производство Су-27¹⁸. Недавно появилось сообщение, что на вооружение китайских ВМС поступила третья подводная лодка проекта 877.ЖКМ ("Варшавянка") российского производства. Всего в соответствии с подписанным в 1994 г. контрактом Россия должна поставить Китаю четыре субмарины этого класса на сумму 1 млрд долл. Четвертая "Варшавянка", которую ВМС КНР предполагают получить еще до конца 1998 г., одновременно станет последней выпущенной Россией подлодкой проекта 877, производство которых на этом будет завершено. Став последним покупателем "Варшавянок", КНР одновременно является первым покупателем новейших российских подлодок проекта 636, которые были спущены на воду весной 1998 г. Приобретение

¹⁵ Подр. см.: Независимая газета. 16.06.1999.

¹⁶ Известия. 9.11.1993.

¹⁷ Сегодня. 28.01.1994.

Китаем двух российских подлодок проекта 636 многие объясняют не столько потребностями собственных ВМС, сколько стремлением заполучить новейшие технологии¹⁹.

По разным оценкам, за период с 1991 по 1997 год Москва поставила Пекину оружия на сумму от 3,26 млрд до 3,5 млрд долл.²⁰ Данное направление сотрудничества, судя по отрывочным сведениям печати, сохранило приоритетное значение и в последующем.

Так, в ходе визита в Пекин Председателя правительства РФ (ноябрь 2000 г.), на котором военная тематика, судя по всему, была ключевой, в печать просочились такие сведения: Россия поставила Китаю 48 истребителей Су-27, восемь дивизионов ЗРС С-300 ПМУ 1, 14 ЗРК "Тор-М 1", подводные лодки проектов 877 ЭКМ и 636, эскадренный миноносец проекта 956 Э (еще один находится в стадии достройки). Проходят плановые мероприятия по подготовке к началу серийных поставок в КНР истребителей Су-30 МКК. При техническом содействии РФ реализуется ряд китайских военных программ, в том числе по созданию самолетного реактивного двигателя с управляемым вектором тяги и самонаводящихся ракет класса "воздух-воздух".

Однако главной сенсацией переговоров - сообщение о поставке Пекину модифицированных российских самолетов дальнего радиолокационного обнаружения (ДРЛО) А-50. Кроме того, стороны рассмотрели практические аспекты совместного использования российской космической навигационной системы "ГЛОНАСС", а также проанализировали состояние двусторонних контактов в сфере ВТС²¹.

В комплексе торгово-экономического сотрудничества России с КНР необходимо учитывать и отношения с двумя ее провинциями: Гонконгом и Тайванем. Первая уже "вернулась" в лоно КНР, вторая — даже если какое-то время и останется "независимой", то экономически она так или иначе будет существовать в сфере китайского притяжения.

Торговля России с Гонконгом и Тайванем, млн долл.

		1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Гонконг	Э	48	90	50	72	236	322	311	215	201	144	126
	И	73	125	217	138	319	122	92	47	27	8	4
Тайвань	Э		55	119	128	285	194	463	493	289	142	273
	И		65	72	85	268	137	88	72	122	74	53

Ист.: IMF: Direction of Trade Statistics Yearbook, 1992, 1998, 2000.

¹⁸ OMRI wps-dd 16 Dec. 1996, 1352. — Internet.

¹⁹ См.: Независимое военное обозрение, № 11, 1998, с. 8.

²⁰ Коммерсант-власть, август 1998, с. 38—41. О военных сделках с периода 1989 по 1997 г. подр. см.: Blank, Stephen J. THE DYNAMICS OF RUSSIAN WEAPON SALES TO CHINA. Strategic Studies Institute (SSI). March 4, 1997. — <http://carlisle—www.army.mil/usassi/>

²¹ Независимая газета. 5.11.2000; Независимое военное обозрение. 10.11.2000.

Отношения с Гонконгом были налажены еще до середины 80-х годов, однако торговля развивалась довольно вяло и неровно, хотя в целом с повышательной тенденцией до 1993 г. Затем "устойчивое" падение. Аналогичная ситуация с Тайванем. Бума не происходит, что может показаться странным, если иметь в виду, что объемы внешней торговли и Тайваня, и Гонконга превышают объем торговли России в два-три раза. Причины здесь не политические, а чисто экономические. У России нет возможностей для экономического сотрудничества по широкому фронту.

* * *

Ясно, что нынешняя "рабочая модель" русско-китайских торгово-экономических отношений не отвечает полностью национальным интересам России. В действиях Москвы в отношении КНР не чувствуется стратегического плана. Создается впечатление, что нынешняя политика формируется под воздействием текущих нужд "латания дыр" в экономике. Об этом говорит и упор на искусственное превышение экспорта над импортом для получения валюты, сбрасывание части технологии, оборудования и машин, не востребованных собственными предприятиями, низкий контроль над импортом товаров из КНР, Гонконга и Тайваня, многие из которых не отвечают элементарным стандартам качества. Совершенно не продумана и система использования китайской рабочей силы (этот аспект, судя по всему, вообще пущен на самотек). В определенной степени хаос в русско-китайских отношениях вызван попытками залатать бреши, возникшие из-за прерванных связей с бывшими советскими республиками, ставшими самостоятельными государствами. Все это означает, что нынешнее состояние торгово-экономических связей с КНР хотя и не отвечает национальным интересам России, но в полной мере отражает возможности страны.

Китайская же политика, в резком контрасте с российской, стратегически продумана и весьма искусно увязана как с интересами КНР, так и с ее возможностями, постоянно оцениваемыми и переоцениваемыми на каждом этапе экономических реформ.

Россия и Китай — естественные исторические и стратегические союзники. Развитие международных отношений будет неизбежно толкать эти страны на укрепление и усиление этого стратегического партнерства. Главная задача России — совместить свои пока слабые экономические возможности со стратегическими интересами в мире с учетом национальных интересов и в отношении КНР. Известно, что часть политических сил в нынешней России предостерегает от слишком большого крена в сторону Пекина, рекомендуя делать его в сторону Вашингтона и Токио. Но именно политика последних неизбежно будет толкать Россию на стратегическое партнерство с КНР. У Москвы просто нет выбора. Причем вне зависимости от того, кто у власти. Геостратегическая игра диктует свои правила.

Россия

Глава VII. Россия в Северо-Восточной Азии: ни шагу вперед

Мне приходилось много раз писать о том, сколь не продумана официальная политика Москвы в отношении стран Восточной Азии и сколь критична ситуация на российском Дальнем Востоке. Казалось бы, отсутствие изменения к лучшему на протяжении десятилетий должно было бы отрезвить руководство страны, заставить его задуматься над причинами катастрофического положения в Дальневосточном регионе. Вместо этого вновь и вновь раздаются победные репортажи о "прорыве" в "АТР", о том, что "мы смотрим с оптимизмом на наши отношения" с той или иной страной "АТР", за которыми, естественно, будущее. Сколь неадекватна реакция руководителей России на реальную ситуацию, свидетельствует статья, опубликованная за подписью президента России. На нее откликнулся только канадский публицист — Алекс Бэттлер, разместивший отклик на своем сайте в Интернете. С его разрешения я перепечатаваю эту статью, поскольку с ней солидарен по существу. А после нее представлю статистический материал, который призван отразить реальные позиции России и РДВ в экономических отношениях со странами США.

И снова строим-строим, мы строим "общий дом"... в "АТР" (Отклик на статью В. Путина)

Читатель, представь: живу я в России, дом наполовину сгорел, окна без стекол, света нет, холодно, денег не хватает ни на что, у всех прощу в долг, теща при смерти, дети болеют, жена челночит в Турцию, мне зарплату то дадут, то нет. А сам я очень и очень умный.

И вот выезжаю в Европу или в Азию (по их же приглашениям) и там говорю: вообще-то я ваш, европеец (или азиат, зависит от визита), давайте строить "общий дом", я вам организую поставки энергии, топлива, устрою мост Восток — Запад, который через мой двор проляжет, технологию вам по дешевке продам, морские шельфы для экспорта передам, транспорт, то да се. Стабильность у вас организую. В общем, все могу. Только денег подкиньте и дом, так сказать, общий начнем строить.

Ну, грубые люди меня тут же пошлют. Понятно куда. А вежливые спросят: если у тебя есть такие возможности, что же ты свой-то дом не поправишь? Что же ты по миру ходишь, как нищий? Все долги списать норовишь. Если ты у себя дом построить не

можешь и стабильность наладить в своем дворе (в Чечне), как же ты нам помочь сможешь? Тем более что у нас-то все в порядке.

Резонно? Вроде бы да. Но вот беру статью за подписью президента России - Владимира Путина (Независимая газета. 14.11.2000). Читаю ее и глазам не верю. Та же самая ситуация, которую я только что описал, только в государственном масштабе. И тот же самый набор вопросов, который я только что изложил.

Я догадываюсь, что эту статью писал не президент, а, как водится, речеписцы. Думаю, что сам президент об этом Брунее, который он посетил для участия в очередной тусовке АТЭС (Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество), и слыхом не слыхал, пока не был назначен на должность. Но все-таки мог бы пролистать речи своих предшественников об этом самом "АТР". Ну хотя бы просмотреть статистические материалы о торгово-экономических позициях России со странами за несколько лет. Конечно, можно к этой статье, как и ко всем речам начальников, отнестись философски, т.е. не читать их или, прочитав, тут же забыть. Понятно, что такого типа статьи — это для "народа". Но ведь если этому народу постоянно вешать лапшу на уши, он так и останется облапшованным. Позволю себе все-таки снять хотя бы несколько лапшинок.

* * *

Программная статья российского президента называется "Россия: новые исторические перспективы. Полновесное участие нашей страны в экономическом взаимодействии на пространствах Азии и Тихого океана естественно и неизбежно".

Эта "естественность и неизбежность", оказывается, вызвана таким потрясающим фактом. "Ведь Россия — своеобразный интеграционный узел, связывающий Азию, Европу и Америку". Феноменальное открытие! Оно, видимо, должно означать, что, не будь России, Азия, Европа и Америка так и пребывали бы в "несвязанном состоянии". Порознь, так сказать, влачили бы жалкое существование. И только благодаря России они "связались". Может быть, российский президент хотел сказать, что товарные, инвестиционные и финансовые потоки этих трех регионов осуществляются через Россию? Но это — очевидная чушь. Каким образом Россия может быть "интеграционным узлом", когда даже края и области российского Дальнего Востока не интегрированы между собой. Да и как Россия может быть связующим узлом, если российский президент только предлагает заманчивыми перспективами странам "АТР" сотрудничать с Россией. Где логика?

Далее. Предлагается сотрудничество в сфере энергетики. Вещается, что разрабатываются "грандиозные планы" создания энергетических мостов из России в Японию через Сахалин, газопровод из Томской области в Западный Китай и из Иркутска — в Восточный Китай и далее — в Северную и Южную Корею. Хорошее дело. Эта тема действительно крайне актуальна для Японии, КНР, Южной Кореи. Но она более

актуальна для самой России. На фоне предложенных планов-громадьа поначалу нелишне было бы обеспечить энергоресурсами собственных граждан, которые замерзают от холода, например, в сердце "интеграционного узла" на Дальнем Востоке — в Приморье. Или сами россияне не в счет? Главное, чтобы было сотрудничество?

Уже ни один десяток лет предлагается использовать российские транспортные артерии, Транссибирскую магистраль для создания пресловутого моста Восток — Запад. Но до сих пор эти артерии не могут справиться с собственными нуждами. В связи с терминалами на Дальнем Востоке, которые находятся в непотребном состоянии, президент пишет: "Мы активно работаем над их реконструкцией". Я эту фразу об "активности" читаю и слышу как минимум лет десять.

Путин с гордостью говорит о богатейших природных ресурсах Сибири. И добавляет: "Ведь это богатейший по своим природным запасам край. Россия только приступает к его масштабному освоению". Что это? Детская наивность или абсолютное невежество? Знает ли господин президент, что масштабное освоение Сибири осуществлялось при советской власти. С начала же 90-х годов российский Дальний Восток попал в еще больший кризис, чем вся страна. Знает ли президент, что инвестиции в Сибири и на Дальнем Востоке с 1990 г. в среднем сократились более чем вдвое, в Приморском крае более чем на 90%. Население РДВ уменьшается, в том числе и за счет миграции населения во внутренние районы страны.

Путин приводит единичные случаи экономического сотрудничества с Вьетнамом, Индонезией. Он также пишет: "Три года назад Россия стала членом АТЭС. Это дало импульс нашему сотрудничеству". Что он имеет в виду под этим "импульсом"? Визиты в страны "АТР"? Их было действительно немало. Но каков эффект от этих визитов? В таблице показана "динамика" этого "импульса". Торговля России со всеми странами "АТР", наоборот, стала падать. Помимо указанных стран, та же самая картина в торговле с Вьетнамом, Таиландом, Сингапуром, КНДР, Монголией.

Торговля России с некоторыми странами "АТР" (млн долл.)

	КНР		Япония		Ю. Корея		Тайвань		Гонконг	
	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И	Э	И
1997	4 011	1 262	3 130	999	944	879	289	122	226	51,5
1999	3 482	892	2 234	463	852	331	273	52,6	135	12,2

Источник: Госкомстат, 21 июля 2000 г. — Интернет.

И, хотя, судя по предварительным данным, торговля в 2000 г. с некоторыми странами Северо-Восточной Азии (с КНР, например), скорее всего, несколько возрастет, это не

меняет общей тенденции за последние десять лет — она понижательная. Спрашивается, какой смысл во всех этих визитах, если они не преобразуются в выгоды торгово-экономического сотрудничества? А это есть конечный результат всей международной деятельности.

И не глупой ли выглядит уже набившая всем оскомину фраза: "В последние годы в российской внешней политике произошел решительный поворот в сторону АТР". И автор - господин президент — "подтверждает" эту фразу "плотным графиком" его предполагаемых встреч с лидерами "АТР". Российским ученым я предложил бы подсчитать, сколько стоит каждый визит их президента в ту или иную страну, и занести эту общую сумму в статью "невосполненных расходов" бюджета в графу Международная деятельность. А гражданам потребовать компенсации при уплате налогов, поскольку они оплачивают бессмысленные визиты, причем не только своего президента, но и И. Иванова, и многих других официальных вояжеров.

Напоминание о "строительстве равноправного и доверительного партнерства" с Китаем и "успешном процессе строительства партнерских отношений" с Японией — обычные дежурные фразы, не имеющие никаких серьезных последствий.

И как венец бессмысленности и абсурда конец статьи: "Мы с оптимизмом смотрим в будущее и уверены, что следующее тысячелетие — это время новых возможностей для АТР. А для России открываются новые восточные перспективы, которые мы будем, безусловно, развивать и активно участвовать в процессе превращения этого региона в наш <общий дом>".

Очевидно, что следующее тысячелетие — это время новых возможностей для любого региона мира. Но превратить "АТР" в "общий дом" — это уже нечто запредельное.

Когда-то Горбачев носился с идеей построения "общего дома" в Европе. Я с самого начала полагал, что Россию (тогда СССР) в этот Дом не пригласят. На меня в то время обрушились германисты и европейцы. Дескать, ты не европейец и не понимаешь ситуации. Однако я оказался прав, а Горбачев и все его защитники, как всегда, не правы. (В скобках отмечу, что агитация бреда об "общем доме" в Европе стоила немало денег.) И хотя идея "общего дома" в Европе с треском провалилась, но она все-таки имела некоторое основание, по крайней мере, на теоретическом уровне, о чем, кстати, в свое время писал В.И. Ленин. Но строить "общий дом" с несуществующим регионом, это уже «Палата № 6». Такое могут только русские. Неужели они собираются строить "общий дом" с Вануату, с Соломоновыми островами, Тонга, Папуа-Новая Гвинея, Ниуэ, Кирибати и т.д. — страны и территории, которые по "логике" концепции "АТР" входят в этот самый "АТР". Не проще ли построить вообще "общий дом" на земле?

* * *

У меня не было намерений критиковать президента В. Путина. Повторюсь: я не могу представить, что эту статью написал он. По крайней мере, хотел бы в это верить. Но если ошибаюсь, я не завидую России и всем, кто там живет. Живет в стране, где от главы государства слишком много зависит. Фактически зависит судьба каждого гражданина. Я все-таки надеюсь, что эту статью написали его речеписцы, которых срочно надо гнать взащей. Нельзя же держать при себе совершенно некомпетентных помощников.

Экономическая роль России в СВА на современном этапе: реальность без иллюзий

Многие исследователи и политики, когда говорят или пишут про "АТР", на самом деле ограничиваются регионом Восточной Азии, что вполне естественно. Дело в том, что никакого целостного региона "АТР" ни в экономическом, ни в политическом смысле не существует. Иначе пришлось бы доказывать, что политика или экономика Мексики, Чили или Новой Зеландии (которые также являются частью "АТР") тесно связаны с политикой или экономикой Южной Кореи, Китая или России, что в принципе недоказуемо.

Поэтому я вынужден ограничиться Северо-Восточной Азией (СВА), поскольку в другой части Восточной Азии, в ЮВА, Россия практически "отсутствует". Достаточно напомнить, что доли России в совокупной торговле стран ЮВА составляют уровень ниже 1% (около 0,5% в импорте и в экспорте). Точно так же, как и доли этих государств, например, стран АСЕАН почти невидимы в совокупной торговле России. Несколько иная ситуация со странами СВА, на которых я и намерен сконцентрировать внимание.

* * *

Анализ экономических позиций России в СВА, по идее, должен был бы охватывать широкий диапазон экономической активности, включая банковскую сферу, инвестиции, смешанные компании и т.д., т.е. те сферы, которые обычно заполняют державы, называющие себя "великими". Но, поскольку названные области экономики в СВА не испытывают ощутимого воздействия России, приходится ограничиваться простой торговлей, которую осуществляют все государства независимо от своего размера. В табл. 1—4 (см. Приложение) дана динамика взаимных удельных весов в экспорте и импорте основных стран СВА с 1985 г. по 1999 г. включительно.

Статистика показывает *реальное положение* России в регионе в 1999 г.: ее удельный вес как в экспорте, так и в импорте стран региона, за исключением Монголии и КНДР, колеблется от 0 до 1% в экспорте и от 0 до 3% в импорте. Они сопоставимы с позициями таких слаборазвитых и малых стран как Макао, Монголия, КНДР, Лаос, Камбоджа,

Вьетнам, Бруней. И значительно уступают не только таким торговым гигантам, как Япония, КНР, Южная Корея и Тайвань, но и основным странам АСЕАН.

Не вызывает оптимизма и *торговая динамика* России в СВА. В табл. 1 и 2 (Приложение) она прослеживается по основным странам СВА, с которыми Россия ведет наиболее интенсивную торговлю. Даже с учетом того, что с 1985 г. по 1991 г. торговлю вела не Россия, а СССР, тем не менее даже начиная с 1992 г. по 1999 г. данные таблицы указывают на падение доли России в экспорте Гонконга, КНР, Южной Кореи, Тайваня и Японии. При этом надо иметь в виду, что эти доли варьируются между 0,1% и 0,8% (для КНР).

Менее однозначна картина долей России в импорте стран СВА. С 1992 г. по 1999 г. они повысились в торговле с Гонконгом, Корейской Республикой и Японией, однако столь незначительно, что не оказывали воздействия на общий уровень торговых отношений с названными странами. В этой связи нельзя не обратить внимания на такой удивительный факт: насколько серьезно наша импортная доля понизилась в торговле с КНР: с 5,1 % в 1992 г. до 2,5% в 1999 г.

В целом же динамика торговых позиций России, а точнее, отсутствие таковой, в торговле стран СВА свидетельствует о крайне незначительном месте России среди торговых партнеров. В определенной степени она заметна только в импорте КНР с долей около 3%. Другими словами, для большинства стран СВА Россия не является серьезным или даже ощутимым фактором в их экономике. С этих точек зрения она почти там "отсутствует".

Теперь посмотрим с другой стороны. В каких пропорциях "присутствуют" страны СВА Азии в торговле России. Из таблицы 3 (Приложение) обнаруживаются две вещи: Гонконг, КНДР, Корейская Республика, Монголия, Тайвань находятся на уровне ниже 1% от всего экспорта России, а две страны — КНР (4,8%) и Япония (2,9%) занимают заметные позиции в экспорте России. Проблема, однако, в том, что динамика понижительная: почти с 7% до 4,8% у КНР, с 4% до 3% у Японии за период с 1992 г. по 1999 г.

В импорте России — та же самая картина, только понижительная тенденция у КНР и Японии еще более заметна: с 4,5% до 2,9% у первой, с 4,5% до 1,5% у второй (табл. 4, Приложение).

Иначе говоря, одно из, как часто говорят, основных направлений политики России, если брать чисто торговую сторону, не только уступает другим "основным" направлениям, но свидетельствует о его стагнации и даже "свертывании". Увеличение торговых партнеров за счет Гонконга, Южной Кореи и Тайваня не изменило эту тенденцию. По существу, действительно важными торговыми партнерами из всех стран

Восточной Азии, как и раньше, остаются Япония и КНР, экономические отношения с которыми также имеют немало проблем.

При этом необходимо отдавать себе отчет в следующем. На Восточную Азию, падает всего лишь 8,8% российского экспорта и около 7% импорта, в то время как только доля одной европейской страны — Германии — в экспорте России 1999 г. была равна 8,5%, а в импорте — 13,6%. Если же брать всю Европу, то эти доли превысят 70 и 80% соответственно. Более того, динамика развития торговли за последние не то что 15—20 лет, а за последние 200 лет не подтверждает утверждений, что "АТР" или Азия занимает "все более весомое место в российской торговле". Не занимает и занимать не будет.

Уместно напомнить, что в 1802-1804 гг. (когда начался статистический учет внешней торговли России) на Азию (в то время в Азию включали также Среднюю Азию и Персию) приходилось 10% экспорта и 17% импорта. К 1897 г. эти пропорции изменились в таких соотношениях: экспорт — 10,5%, импорт — 11%. То есть доля импорта даже упала за счет Европы и частично Америки¹. Россия в силу множества причин была, есть и будет устремлена на Европу. Переломать эту устойчивую тенденцию можно было бы только в одном случае — сделать РДВ местом бурной экономической активности, наподобие Калифорнии. В ближайшем столетии этого, однако, не произойдет по самым прозаическим причинам: географии и климата, а отсюда и демографии. И плюс масса других причин, фактически являющихся следствием названных.

Короче, реальность такова: Россия не является значимым актором в экономике СВА, не говоря уже обо всей Восточной Азии, точно так же, как и СВА, за исключением названных двух стран, не является весомым фактором экономики Российской Федерации.

Внеэкономические связи российского Дальнего Востока (РДВ) со странами СВА и США

Теперь посмотрим, в каких экономических взаимоотношениях находятся РДВ и СВА. Для начала целесообразно представить чисто статистическую информацию о РДВ, которая поможет взглянуть на реальную ситуацию в регионе. Это не так просто, поскольку у нас фактически не существует комплексной информации обо всем Дальневосточном экономическом районе (ДВЭР). В какой-то степени она собирается Хабаровским институтом экономических исследований (ХИЭИ), однако их публикации в виде "Обзоров" (совместно с Японским фондом Сасакава), во-первых, отражают

¹ См.: Россия: Энциклопедический словарь (на базе Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона /тома 54 и 55/). Л.: Лениздат, 1991, с. 329.

цифры двух—трех годовой давности, а во-вторых, обычно продаются за валюту, главным образом иностранцам.

Как ни странно, те же иностранцы оказываются в этом смысле более полезны, чем наши статорганы. Особенно активны в этом плане американцы: через свои бюллетени *the Business Information Service for the Newly Independent States (BISNIS)* дают наиболее полную информацию по Дальнему Востоку, которую можно "выудить" через Интернет². Правда, они также оговаривают, что эта информация не совсем надежная и неполная. Нижеприведенные данные почерпнуты из этого источника, а также из некоторых статведомств краев и областей (например Хабаровского края) и тоже через Интернет. Несмотря на их неполноту и разнотипность информации по каждой области и краю, тем не менее они дают все-таки возможность оценить ситуацию в регионе в целом.

Итак, общая динамика внешней торговли РДВ представлена в таблице.

Динамика внешней торговли РДВ (млн долл.)

	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Оборот	2728,9	3238,9	2260,3	4180,2	4435,7	5387,2	4519,4	2654,3
Экспорт	1539,2	3048,1	1610,5	2426,8	2625,6	3098,3	2862,9	1966,2
Импорт	1189,7	1190,8	649,8	1753,4	1810,1	2288,9	1656,5	688,1

Прим.: 1999 г. — Приморье, Хабаровский край, Сахалинская область.

Российский экспорт, как известно, состоит в основном из продукции первичной обработки, и это особенно верно для экспорта из РДВ. Где-то около 75% (по другим оценкам — 60-65%) экспорта РФ состоит из продукции трех основных отраслей промышленности региона (лесной, рыбной и топливной). Доля первичных продуктов в экспорте РДВ (без учета Якутии) близка к цифре 90%, в то время как импорт более чем на 80% состоит из потребительских товаров, продуктов питания, транспортной техники, в том числе и автомобилей.

Торговля в основном сконцентрирована на странах СВА, доля которых достигала около 80% на середину 90-х годов. Среди них наиболее важными являются две страны — Япония и Китай. В последние годы стала усиливаться роль Южной Кореи, особенно в отношениях с Приморьем и Хабаровским краем. Весьма заметной становится и роль США.

² U.S. & FOREIGN COMMERCIAL SERVICE AND U.S. DEPARTMENT OF STATE. BISNIS Home Page.

Торговля некоторыми странами с РДВ (млн долл.)

	Экспорт		Импорт	
	1992	1997	1992	1997
Китай	419.6	350.1	564.6	291.1
Япония	730.0	1,010.1	230.6	237.7
Ю.Корея	108.8	406.0	139.4	410.2
США	59.2	370.4	46.67	479.9
остальные	221.6	961.78	208.43	821.16

Ист.: Хокутоадзика кэйдзай хакусё. 2000 г. 21-сэки-но фурантия. Ниигата: Каннихонкай кэйдзай кэнкюсё, 2000 (Белая книга по экономике Северо-Восточной Азии. Выпуск 2000 года. Рубежи 21 века). Ниигата: Институт экономики Японского моря, 2000, с. 223. (На основе Материалов Дальневосточно-Забайкальской ассоциации).

По данным журнала "Эксперт" (19 октября 1998 г.), некоторые части РДВ входят в 20 регионов страны с наибольшими объемами прямых иностранных инвестиций. Так, их аккумулятивный объем в 1993-1997 гг. (в млн долл.) в Магаданской области составлял 181,1 (1,45% в суммарных инвестициях в Россию), Еврейская автономная область — 173,5 (1,39%), Хабаровский край — 161,3 (1,29%), Сахалинская область — 156,9 (1,25%), Приморский край — 114,2 (0,91%).

Внешние связи районов РДВ

Приморье. Среди субрегионов ДВЭР Приморье занимает ведущее место во внешнеэкономических связях с внешним миром. По данным крайисполкома, в 1999 г. Приморье осуществляло торговлю с 81 страной, в том числе — с 8 странами СНГ. Несмотря на такой "всеохват" 83% ее внешней торговли падало всего на 4 страны: США (28%), Республику Корею (КР) (19%), Японию (16%) и Китай (20%).

Внешняя торговля Приморья в 1999 и в 2000 г. (млн долл.)

Страны	1999			2000		
	Экспорт	Импорт	Объем	Экспорт	Импорт	Объем
Китай	160	83	243	284	92	376
США	302	41	343	269	26	295
Ю. Корея	134	100	234	151	127	278
Япония	161	38	199	194	32	226
Германия	38	18	56	25	13	38
Сингапур	18	2	20	22	2	24
Вьетнам	10	2	12	10	2	12
Тайвань	2	1	3	8	1	9
Индия	4	7	11	0,2	6	6,2
Австралия	3	6	9	0,3	3	3,3
Другие страны	32	40	72	32,5	71	103,5
Всего	864	338	1202	996	375	1371

Иерархия зарубежных стран в торговых связях Приморья (%)

№	Страны	Экспорт					Импорт				
		1994	1997	1998	1999	2000	1994	1997	1998	1999	2000
1	Япония	42,7	33,5	40,1	18,6	19,5	13,1	10,5	11,5	10,4	8,5
2	Китай	23	24,8	28,5	18,5	28,5	14,6	16,8	18,5	22,6	24,5
3	Ю. Корея	11,2	13,9	14,3	15,5	15,2	16,3	20,7	21,1	27,3	33,8
4	США	2,6	1,2	3,4	34,9	27,0	16,4	15,5	12,3	11,2	6,9
5	Германия	0,5	0,1	0,5	4,4	2,5	3	1,6	4,5	4,9	3,5
6	Таиланд	-	0,8	0,8	0,6	-	0,1	5,7	5,3	4	-
7	Финляндия	0,1	-	-	-	-	0,4	0,7	1,4	3,8	-
8	Индия	2,4	4,1	2,1	0,5	0,0	1,3	0,7	1,2	2,1	1,6
9	Тайвань	1	6	0,5	0,4	0,8	1,3	4,2	0,4	0,4	0,3
10	Австралия	0,14	-	0,2	-	0,0	6,5	2,8	5,1	1,4	0,8

По данным Краевого бюро по внешним экономическим связям, Приморье импортировало следующие товары: продовольственные товары и сырье для их производства (35,3%), минеральные продукты (11,9%), текстиль, текстильные изделия, обувь (12,4%), машины, оборудование, транспортные средства (27,6%).

Основными экспортными товарами, естественно, были: рыба и рыбопродукты (51,6), лес и древесина (19,8%), металлы и изделия из них (11,5%), машины и оборудование (4,2%).

В результате финансового кризиса в ЮВА в 1997 г, а затем в России в 1998 г. региональный объем торговли начал падать. Из-за ослабленного рубля стал уменьшаться импорт товаров народного потребления и продуктов питания, заморозилась банковская система, а импортные товары быстро возросли в цене. Многие российские компании отложили или вообще аннулировали контракты со своими иностранными партнерами.

По данным администрации региона, общий объем иностранных инвестиций в крае к 1 января 2000 г. составлял 279,8 млн долл. (из них около 77% — кредиты). По объему вложенных в течение 1999 г. иностранных инвестиций Приморский край занимал 3-е место после Сахалинской области и Республики Саха, что связано с реализацией крупных нефтегазовых проектов "Сахалин" и по добыче природного газа в Якутии.

Иностранные инвестиции в Приморье (млн долл.)

Страны-инвесторы	1994	1995	1996	1997	1998	1999	Накоплено на 01.01.2000
Всего, в том числе:	1,8	53,4	96,6	94,6	56,3	54,0	279,8
Республика Корея	0,3	5,8	41,4	34,8	23,3	20,6	100,2
Япония	0,0	0,3	0,3	18,3	13,1	15,9	59,5
США	1,1	13,7	9,3	16,1	3,4	4,4	38,5
Сингапур	0,0	7,8	10,8	2,9	6,9	0,0	30,4
Швейцария	-	-	4,3	3,9	0,0	0,0	19,0
Великобритания	0,0	21,4	14,0	0,0	1,1	10,0	8,1
Китай	0,0	0,7	0,1	0,5	0,1	0,7	6,3
Германия	-	-	0,0	0,0	1,3	0,2	4,4

Австралия	-	2,1	0,2	0,3	0,8	0,5	2,8
Остальные	0,4	1,6	16,2	17,8	6,3	1,7	10,6

Иностранный капитал поступает в край в основном в виде прямых инвестиций, торговых кредитов и кредитов международных финансовых организаций. Доля прямых инвестиций в общем объеме накопленных инвестиций составила 52,7% (в целом по России этот показатель равен 42,0%). Наиболее значительные инвестиции направлены в развитие гостиничного бизнеса, промышленности, связи и транспорта.

На начало 2001 г. в Приморском крае функционировало 360 предприятий с иностранными инвестициями (ПИИ) из 33 стран, при этом на Китай приходится 34% общего числа действующих ПИИ, США — 11%, Республику Корея — 11% и Японии — 7%. Свыше половины указанных предприятий работает в сфере торговли, общественного питания и коммерции, 20% — в промышленности. К началу 1999 г. суммарный уставной фонд всех действующих совместных предприятий (на момент регистрации) насчитывал 483 млн рублей. Доля зарубежных партнеров в нем увеличилась с 51 до 62%. Доля ПИИ в общекраевом объеме производства возросла по сравнению с 1992 г. в 9 раз и составила 6,3%. Объем произведенной продукции и оказанных услуг ПИИ в 1999 г. был равен 3,1 млрд рублей. Эти предприятия обеспечили рабочими местами около 9 тыс. человек.

Хабаровский край. В 1999 г. произошло резкое уменьшение общей торговли почти на половину по сравнению с 1998 г., особенно в экспорте. В какой-то степени ситуация стала меняться к лучшему в 2000 г., причем главным образом за счет скачкообразного (в семь раз) увеличения экспорта военной продукции в Китай.

Основные торговые партнеры Хабаровского края (млн долл.)

	Экспорт		Импорт		Объем	
	1999	2000	1999	2000	1999	2000
Китай	134	524	34	30,3	167,8	554,3
Япония	213	210	42	35,8	255,1	245,8
Сингапур	56	236	0,8	0,6	56,9	236,6
Ю. Корея	55	61	10,9	14	65,6	74,6
Швейцария	18	58	0,1	2,7	18,2	61,2
Вирджинские о.	18	53	-	-	18	53
Австрия	28	49	0,6	4	28,9	53
Кипр	29	46	-	0,3	28,6	46,3
США	14	21	11,5	19,3	25,6	40,3
Всего, вкл. д страны	596	1316	157	141	753	1457

Иерархия зарубежных стран в торговых связях Хабаровского края (доли в %):

Страны	Экспорт			Импорт		
	1997	1999	2000	1997	1999	2000
Япония	40	35,7	15,9	13	26,5	25,4
Китай	11,9	22,4	39,8	23	21,5	21,5
Кипр	15,4	4,9	3,5	-	-	0,2
Ю. Корея	9	9,1	4,6	11	6,9	9,9
США	8,3	2,4	1,6	9,6	7,2	13,7
Австрия	-	4,7	3,7	-	0,4	2,8
Сингапур	1,7	9,4	17,9	1,7	0,5	0,4

Прим.: некоторые виды экспорта на Кипр означают продукцию ВПК (типа шин для самолетов и навигационного оборудования).

Среди номенклатуры экспорта: необработанная древесина (34,7% от всего экспорта) направлялась в основном в Японию, Китай и Южную Корею; услуги (13,1%); рыбные и морские продукты (5,7%) поставлялись в основном в США, Японию, Ю. Корею и Китай; нефтепродукты (19,2%), продукция машиностроения (11,6%), черная и цветная металлургия (9,7%).

Инвестиционный климат Хабаровского края характеризуется такими параметрами. На 1 января 1998 г., 1999 г., 2000 г. и 2001 г. их аккумулятивная сумма была равна соответственно 156,3 млн долл., 196,4; 229,6 и 256,8 млн долл.

Наибольший объем инвестиций в край поступил из США (31%), Японии (15%), Швейцарии (14%), Республики Корея (8%) и Китая (2%). Основные сферы притяжения иностранного капитала в край — лесная и деревообрабатывающая промышленность, услуги в области транспорта и связи, освоение природных ресурсов, черная и цветная металлургия, торговля, общественное питание. Ряд совместных предприятий вошли в число ведущих экспортёров края. Общая доля их экспорта превышает 8%, а импорта составляет 3,2% краевых объемов. В 1999 г. предприятиями с иностранными инвестициями произведено продукции (работ, услуг) на сумму более 50 млн долл.

Иностранные инвестиции в Хабаровском крае, тыс. долл.

Страны	1997	1998	1999	2000
США	10 400	8 616	2 289	5 431,5
Швейцария	10 000	25 089	22	0
Япония	400	4 341	1 051,6	3 109,9
Ю. Корея	300	0	3,4	0
Китай	0,1	0	0,1	1 550
Другие	1 102,2	1 990	29 861,9	17 111,6

Магаданская область. Внешняя торговля области в 1998 г. составляла 146,2 млн долл., (экспорт — 30,7 млн долл., импорт — 115,5 млн долл.), что почти на 10 млн долл. меньше, чем в предыдущем году. Большая ее часть ориентированы на США. Американские компании в основном экспортировали продовольствие (60% местного продовольственного рынка), топливо (уголь, топливную нефть и бензин), строительное и горное оборудование.

Другими основными торговыми партнерами были Канада, Германия и Вирджинские острова (!).

США остаются главным инвестором в Магадане в 1997 г. (78% всех сообщенных иностранных инвестиций). В 1997 г. компании США вложили приблизительно 50 млн долл. в золотодобывающую промышленность, геологические исследования и в производство продуктов питания.

По инициативе Зарубежной частной инвестиционной корпорации США (the US Overseas Private Investment Corporation (ОПИС/ОПИК) в мае 1994 г. был объявлен проект по добыче золота, который должен был реализовывать СП "ОМОЛОН ГОЛД". Этот проект должен был получить свое развитие на серебряном и золотом месторождении Кубака около Магадана. Оценочные резервы месторождения — 70—80 т золота. Общая стоимость проекта 180 млн долл. Ее участниками стали минеральная компания "КИПРУС-АМАКС" (США) с долей в 50% и российские компании, также с долей в 50%, из которых 28% принадлежит магаданскому "Геометал плас". В 1997 г. СП "ОМОЛОН ГОЛД" начало выработку и произвело 8 т золота, в 1998 г. планируется произвести еще 16 т.

Другой аналогичный проект — "Джульетта" — находится под пристальным вниманием. Оценка — 30 т золоторезервов. СП магаданской омсункчанской горнорудной и геологической компании (в которой 50,5% акций принадлежит компании "Arian Resources Ltd." (на Барбадосе) и канадской корпорации "Бема голд". Стоимость проекта — 70 млн долл. Выпуск продукции планируется к 2000 г., хотя не исключено, что и позднее.

Дукатское серебряное месторождение, крупнейшее в России, эксплуатируется СП "Серебро-Дукат", которое выиграло лицензию на 20 лет в ноябре 1997 г. Ее участниками являются корпорация "Панамерикан силвер" (Канада) — 70% акций компании, "Геометал плас" (Магадан) — 16,5% и "Вестерн пинакл майнинг" (Канада) — 13,5%. Месторождение содержит 400 т серебра. Стоимость проекта 212 млн долл. Первая добыча ожидается в 1999 г.

В 1998 г. магаданская администрация предложила Думе одобрить проект создания Специальной торговой и таможенной зоны в Магадане на 5 лет. 31 мая 1999 г. был утвержден федеральный закон о "Специальной экономической зоне в Магаданской

области" (Федеральный закон от 31.05.99 № 104-ФЗ). Участники Особой экономической зоны в Магаданской области при осуществлении хозяйственной деятельности освобождаются от уплаты налогов в части, поступающей в федеральный бюджет (за исключением отчислений в ПФР и ФСС РФ). Такой порядок действует с момента вступления данного Закона в силу и до 31 декабря 2005 года. С 1 января 2006 года до 31 декабря 2014 года участники Особой экономической зоны освобождаются от уплаты налога на прибыль, инвестируемую в развитие производства и социальной сферы на территории Магаданской области. Освобождается от налогов также импорт, ввозимый в СЭЗ. От всех налогов освобождаются и товары индивидуального пользования, предназначенные на экспорт³.

Сахалинская область. Внешнюю торговлю Сахалин ведет с 50 зарубежными государствами и 8 странами СНГ. В 1999 г. торговля составляла 700 млн долл. (экспорт — 506,3 импорт — 192,7 млн долл.), в 2000 г. соответственно 698,1 млн долл. (507,6 и 190,5).

В 2000 г. лидирующими партнерами были Сингапур (29,6%), Япония (21,3), Южная Корея (9,2) и Китай (4,4%).

Экспорт Сахалина состоит в основном из сырьевых материалов: энергоресурсы, рыба и морепродукты, лес и древесина. Импорт состоит из товаров народного потребления (около 40% от всего импорта), машин, оборудования, машиностроения и производственных товаров (39%), а также других товаров и услуг (21%).

По объему иностранных инвестиций Сахалин занимает 1-е место среди регионов РДВ и 2-е место в России после Москвы. Их общая сумма к 1999 г. составила 1 027 млн долл, из них на США приходилось 1 019 млн долл., а на Японию всего лишь 2,7 млн долл. Активность американцев выражается также в том, что на острове зарегистрировано 82 русско-американских совместных предприятия с совокупным капиталом более 65 млн долл.

По данным на 1 января 1997 г. в области функционировало 386 предприятий с иностранным капиталом. Наиболее заметные среди них следующие: Exxon, Marathon Oil, Mobil, Arco, Halliburton, Mitsui, Mitsubishi, Shell, Sunmar Caterpillar, Fesco, Lynden, Brown & Root, Morrison Knudsen, Schlumberger. Большинство из них являются участниками проектов, известных как Сахалин-1 и Сахалин-2. Они начали действовать с 1999 г. после утверждения Думой в 1995 г. Соглашения о разделении продукции. Наиболее продвинутым проектом считается Сахалин-2. Вчерне подготовлен проект Сахалин-3, который должен быть одобрен Думой. Вокруг проекта Сахалин-5 также

³ См.: Экономика и Жизнь. 2 июля 1999 г.

группируются различные иностранные компании. Так, хотя проект Сахалин-5 еще не попал в Соглашение о разделении продукции, тем не менее, вокруг него сложилась группа British Petroleum, Amasco и недавно примкнувшая к ним Arco. Вместе с тем сообщалось, что Marathon намерен передать свою долю по проекту Сахалин-2 Royal Dutch Shell, которая в таком случае будет иметь 60% в этом проекте (Мицуи — 25% и Мицубиси — 12,5%).

По сообщениям (от апреля 2000 г.), наконец-то были получены разрешения от Госкомэкологии на бурение четырех скважин в рамках проектов Сахалин-1,2 и 4, которые предполагается начать летом 2000 г.

Любопытна справка американского консульства относительно условий для бизнеса на Сахалине. В ней говорится: "Компании с опытом в деле бизнеса в России, в частности вне Москвы, наиболее уютно чувствуют себя на Сахалине. Новички же подвержены шоку. Делать бизнес на РДВ — не для слабонервных, не для тех, у кого нет воображения или гибкости. Непредсказуемость, неконтролируемость, проблемы налогов, проблемы сертификаций, визиты вооруженной налоговой полиции, проблемы рабочей силы, новые требования для найма работников, драки и ссоры в аэропорту — все это требуют стойкости и высокой морали. Работа на Сахалине является вызовом даже при наиболее благоприятных обстоятельствах. В то же время, те, кто работал на острове в течение какого-то времени, находил величайшую силу духа в общинах и восхищался русским товариществом и гостеприимностью".

Камчатская область. По сравнению с другими подрегионами РДВ Камчатка торгует с меньшим количеством иностранных государств. Среди основных контрагентов — США, Канада, Германия, Южная Корея, Польша и Китай. В 1999 г. к ним примкнули Румыния и Чехия.

В 1998 г. внешняя торговля Камчатки уменьшилась по сравнению с предыдущими годами.

Динамика внешней торговли Камчатки (млн долл.)

Товары	1995	1996	1997	1998
Экспорт	393,3	447,1	481,7	332,8
Импорт	147,1	187,2	376,2	221,5
Услуги				
Экспорт	24,8	25,9	19,5	11,6
Импорт	37,7	18,0	24,1	60,6

Основные торговые партнеры Камчатки в 1998 г. (тыс. долл.)

Страны	Экспорт	Импорт
США	63 647	51 905
Япония	123 478	
Ю.Корея	56 346	119 965
Кипр		16 215

Германия	9 502	3 834
Китай	32,947	
Другие	46,889	29,528
Всего	332,809	221,447

Главными экспортными товарами были рыба (93% всего экспорта в 1998 г.), оборудование (3%, резкое уменьшение с 38% в 1997 г.) и лес (4%).

Сумма иностранного капитала, по данным на 1998 г., составляет всего 70 млн долл. (за последние 4 года). На США приходится около 45 млн долл. Остальные инвестиции вложены Японией, Ю. Кореей и Канадой.

Ограничения на путешествия, строгий таможенный режим, высокие налоги и нечеткая законодательная система делают регион весьма рискованным для инвестиций и опасным для туризма.

По утверждению американских экспертов, губернатор области и его команда, отвечающие за внешние экономические связи, не проявляют интереса к улучшению инвестиционного климата и демонстрируют отсутствие знаний в развитии экономической стратегии или привлечения инвестиций.

Амурская область. Статистика (на основе областной статистики) по Амурской области имеет низкое качество. Большая ее часть основана на оценке бартерной торговли, две трети которой приходится на Китай.

Внешняя торговля (млн долл)

	1995	1996	1997	1998	1999 (9 мес.)
Весь импорт	76,3	52,2	66,6	51,3	16,5
- из СНГ	14,4	10,4	16,2		
- из дальнего зарубежья	61,9	41,8	49,9		
- из США	н/д.	3,5	2,6	1,6	0,6
Весь экспорт	63,8	52,2	51,8	44,9	45,5
- в СНГ	1,4	0,6	0,4		
- в дальнее зарубежье	62,4	45,4	51,3		
- в США	н/д.	0,2	0,2	0,1	-

Основными импортными товарами в 1997 г. (без включения бартера) являлись: мороженое мясо (7500 т), цветные металлы (800 т), одежда (700 т), цыплята (500 т).

Главным импортными товарами из США (в тыс. долл.) в 1997 г. были: сосиски (716), цыплята (371), оборудование для пищевой промышленности (356), топливная нефть (263). В первой половине 1998 г. - оборудование для деревообработки (474), бульдозеры, экскаваторы (240), запчасти (232), сосиски (214).

Основные экспортные товары: древесина (232 300 куб. м), цветные металлы (102 200 т), драгоценные металлы (5 700 т).

В областной статистике не указаны суммы иностранных инвестиций. Скорее всего, они минимальны и принадлежат Китаю.

Создается впечатление, что от взаимного экономического взаимодействия наибольшие выгоды получает КНР. По крайней мере, если город Хэйхэй, по другую сторону Амура, превращается в современный город с небоскребами, отелями и прекрасными бизнес-зданиями, Благовещенск продолжает сохранять облик города XIX века, охраняемый "старой российской канонеркой, находящейся по середине течения, несколькими огневыми сооружениями времен второй мировой войны и гниющим фортом, построенным еще в царское время".

Правда, в 1999 г. рейтинг Амурской области с точки зрения привлекательности для иностранного капитала поднялся до 52 места с 72 в 1998 г. Самое же главное местные власти рассчитывают на принятие федерального закона о свободной экономической зоне БАМ. Полагают, что в случае его утверждения это даст толчок развитию области. В Думе, по сообщениям, этот закон уже прошел соответствующие подкомитеты.

* * *

Следует признать печальный факт: за годы капиталистических реформ, несмотря на формально благоприятные возможности для экономического сотрудничества с внешним миром, ни Россия в целом, ни РДВ в частности так и не осуществили "прорыв" в Восточную Азию. Вышеприведенные цифры подтверждают этот вывод.

Правда, следует признать, что удельный вес РДВ в экспорте и импорте всей России за период между 1992 и 1998 г. несколько повысился соответственно с 3,6% до 4,9% и с 3,2% до 5,1%. Но эту динамику "испортил" 1999 г. После августовского дефолта 1998 г. торговля РДВ упала с 5 387 млн долл. в 1997 г. до 4 519 млн долл. в 1998 г.; в 1999 г. она уменьшилась ориентировочно до 3 млрд долл.

Продолжает ухудшаться и экономическая ситуация в регионе. Успокаивающие или победные реляции губернаторов Приморья, Хабаровского края, Сахалинской области и других областей опровергает *главная цифра экономического развития - уменьшение населения РДВ*. По японским данным, в 1992 г. население РДВ составляло 7 941 тыс. чел., в 1999 г. — 7263 тыс. В Приморье население уменьшилось с 1992 г. на 135 тыс. чел. (на 1 января 2000 г. оно составляло 2174,4 тыс. чел.). Дело не только в миграции населения; начал играть и фактор естественной убыли: коэффициент смертности увеличился с 10,7 на 1000 человек в 1992 г. до 12,8 в 1999 г. Коэффициент рождаемости за этот же период снизился с 10,9 на 1000 человек до 8,0. В результате число умерших превысило число родившихся в 1,6 раза. Жизнь среднестатистического жителя Приморья на 1,3 года короче

жизни среднестатистического россиянина, которая, по данным ВОЗ, позволяет России занять весьма непочетное 91 место в мире.

Рецепты российских ученых по "выздоровливанию" РДВ

В чем же дело? Формирование рыночной экономики, вложения иностранного капитала, вполне достаточная открытость для развития внешнеэкономических связей и т.д. привели РДВ в состояние деградации.

В начале 90-х годов мне приходилось разрабатывать сценарии выхода из критической ситуации на Дальнем Востоке, затем мне пришлось повторить их в двух монографиях⁴. Вынужден констатировать: все мои прогнозы оказались справедливыми, а прогнозы моих оппонентов проваливались. Самое удивительное, что эти же самые оппоненты вновь и вновь предлагают те же самые рецепты "по выздоровлению" экономики региона, которые изначально обречены на провал. Я вынужден в очередной раз вернуться к их предложениям, чтобы показать не состоятельность их подхода к решению проблем РДВ. Итак...

В Центре стратегических разработок 28 июня 2000 года прошло совещание на тему "Приморский край в системе межрегиональных и мирохозяйственных связей" с участием представителей администрации Приморского края, ряда министерств и научно-аналитических центров Москвы.

В ходе совещания был обсужден широкий круг проблем, который в совокупности определяет динамику ухудшения социально-экономической ситуации Приморья. Несмотря на положительные тенденции в некоторых областях производства в 1999 г. (например в горнодобывающей промышленности), в целом положение остается крайне сложным, а по некоторым позициям (в частности по энергетике) критичным.

Среди множества причин постоянно ухудшающейся обстановки в Приморье (общая экономическая ситуация в стране и т.д.) повышенное внимание обращалось на то, что Центр (правительство) не выполняет принятых на себя обязательств, в том числе и в соответствие с Президентской программой по развитию и государственной поддержке экономики на Дальнем Востоке и Забайкалье на 1996—2005 годы.

Участниками совещания были высказан ряд предложений по исправлению ситуации в крае. В ходе обсуждения обозначилось четыре подхода в деле разрешения проблем Приморья.

⁴ Рафик Алиев (Олег Арин). Приморье: путь из хаоса к процветанию. — Владивосток, 8.10.1992, с. 1, 4—5; О. Арин. Азиатско-тихоокеанский регион: мифы, иллюзия и реальность, с. 314—369; Олег Арин. Россия на обочине мира, с. 184—228.

Первый подход, выраженный в "Предложениях администрации края о дополнительных мерах по стабилизации и закреплению положительных тенденций в отраслях и сферах экономики, которые необходимо принять на федеральном уровне до конца 2000 года для обеспечения устойчивого развития Приморского края", увязывает решение задач развития Приморья в рамках Межрегиональной ассоциации экономического взаимодействия субъектов Федерации Дальнего Востока и Забайкалья с упором на финансовую помощь со стороны правительства.

Авторы этих "Предложений" перечисляют длинный ряд проектов с расчетом на их финансирование из федерального бюджета. Например, они предлагают правительству модернизировать Транссибирскую магистраль с превращением его в скоростную магистраль со средней скоростью перевозок 100-150 км/час. Или: подготовить "межправительственное российско-китайско-американское соглашение о транзите грузов китайско-американской внешней торговли через территорию Приморского края в рамках нового транзитного коридора Восток — Запад с отражением основных принципов государственной политики трех государств" и т.д. в таком же духе.

Комментарий. Философия подобного подхода строится на двух факторах: один отражает то, что власти Приморья убеждены, что без Центра они не смогут решить экономические проблемы края. Обращение к Центру мотивируется также тем, что поскольку край волей-неволей вынужден участвовать в общей политике России, например в отношении Чечни (направляя туда своих "парней"), а также в политике безопасности через экономическую поддержку военных структур на Дальнем Востоке, следовательно, у Центра должны быть и обратные обязательства по оказанию помощи Приморью. Другой фактор, присущий российскому устрою: предлагать явно нереализуемые проекты, например по "модернизации" Транссиба. По крайней мере, никто не указал сумму и финансовый источник такой "модернизации". Это касается и "нового транзитного коридора Восток-Запад". Для начала было бы неплохо выяснить: захотят ли американцы или китайцы работать в такой тройственной связке и, самое главное, с какой целью? Вдумайтесь: для транзита "грузов китайско-американской внешней торговли" с Востока на Запад.

Приморские власти (да и не только они) не понимают одной очевидной вещи: в России установилась капиталистическая система. (Это не значит, что я ее одобряю. Просто в данном случае я исхожу из факта.) В результате чего кардинально изменилась роль государства. В его функции теперь не входит развитие экономики той или иной области; это дело частного бизнеса и местных властей через собственные краевые экономические структуры. У государства остается множество других функций, но даже на эти функции у него просто нет средств. Федеральный бюджет на 2000 ф.г. составляет всего лишь 27 млрд долл. О каком скоростном Транссибе может идти речь?

Проблема местных властей (а это касается властей в любом регионе России) заключается в том, что общественно-экономическая система в России изменилась, а мышление осталось типично социалистическим, т.е. упование на Центр, правительство или лично президента. Они не понимают, что ни одна программа, ориентированная на помощь со стороны государства, отныне не будет работать. Достаточно вспомнить президентскую программу 1996—2005 г., которая не учла капиталистического характера нынешнего общества. Кстати, не работала и предыдущая Государственная долгосрочная программа развития производительных сил Дальневосточного экономического района (ДВЭР), Бурятской АССР и Читинской области на период 1987—2000 гг., утвержденная в период погибающего социализма, правда, по другим причинам.

В этой связи вынужден еще раз, как и десять лет назад, сделать "пророческий" прогноз: ни один из пунктов "Предложений" приморских властей выполнен не будет. Это очередная утопия, свидетельствующая об отсутствии понимания региональной властью характера нашего общества, а также ситуации, складывающейся в СВА.

Второй подход предполагает принятие долгосрочной программы развития Сибири и Дальнего Востока на базе придания данному региону особого инвестиционного и таможенного режима, а также создания регионального подразделения Центробанка со своими собственными резервами. В нем предусматривается усиление управленческих функций Центра через механизм институциональных структур по координации деятельности всей страны по развитию Сибири и Дальнего Востока, созданных в рамках правительства и президентской администрации. Предложено также при правительстве и в Госдуме создать структуру, ответственную за закрепление и переселение населения. Данное предложение исходит из опыта Японии, Канады и ряда других стран, в правительственном механизме которых существуют специальные подразделения, занимающиеся специфическими регионами и территориями.

Комментарий. Этот подход в наиболее развернутой форме был изложен директором Института Дальнего Востока РАН М.Л. Титаренко.

Та же самая стратегическая ошибка, что и у Приморских властей: упование на Центр и непонимание российской специфики. Неужели г. Титаренко не знает, что предлагаемая им единая программа развития Сибири и Дальнего Востока уже существует, а пользы от нее как от козла молока? В чисто социалистической манере он выдвигает массу предложений, не удосужившись подсчитать, сколько будет стоить реализация каждого из его предложений. По его докладу "Дальневосточная стратегия России (тезисы)" можно судить об уровне научного потенциала директора института и член-корреспондента РАН. В этой связи придется немного отклониться от РДВ, поскольку его развитие зависит от политики, какую Россия проводит в "АТР".

Многие российские ученые, в том числе и г-н Титаренко, давно пишут об "АТР", об "интеграции" в этом "АТР" и, конечно, о "глобализации". Любопытно то, что они никогда не объясняли, какая группа стран и почему входит в этот "АТР". Из их работ выясняется, что исследователи не видят разницы между интеграцией, интернационализацией и глобализацией. И наверняка они не слышали о терминах "локализация" и "глокализация". К примеру, Титаренко пишет, что долгосрочные экономические интересы России в "АТР" состоят: "в реальном участии в углубляющейся экономической интеграции стран АТР". Нужно иметь фантастическое воображение (в данном случае это равно безграмотности), чтобы писать про "интеграцию", да еще "углубляющуюся" между такими странами "АТР", как Папуа-Новая Гвинея, Мексика, Южная Корея и Монголия — страны, которые "АТР"-болтуны загоняют в один регион. Фантазии не оставляют ученого Титаренко. Он продолжает: такой громадный регион может превратиться "в ареал экономической силы, крупнейший международный торговый и финансовый центр"? Этот "центр", видимо, должен торчать где-нибудь посередине Тихого океана, скорее всего на острове Джарвис с населением в 2,5 человека.

Дальше — больше. Член-корреспондент утверждает: "Здесь (в "АТР". — *О.А.*) отчетливо видно стремление США закрепить свое монопольное лидерство, чему, однако начинает все больше препятствовать встречное желание доминировать в регионе развитой Японии и быстро крепнущего Китая, хотя их собственное противоборство, вероятно, не даст быстрого эффекта, какого в схожей ситуации может достигнуть объединенная Европа".

Фраза вся состоит из глупостей. Где, в какой стране "АТР" Япония препятствует США? Чтобы понять реальность, почему бы не посмотреть статистику торговых и инвестиционных позиций Японии и США в регионе. К своему удивлению, подобные ученые обнаружили бы примерный "паритет" этих позиций. И по каким же вопросам можно узреть "собственное противоборство" между Японией и КНР? Хотя бы один назвал. И чего ради даже "объединенной Европе" противостоять США? Наличие тех или иных противоречий не означает обязательного противоборства, о чем талдычили материалы съездов КПСС.

Вот еще один перл. Написано: Россия **"была и останется великой азиатской и евразийской державой"** (с. 8, выделено *М.Т.*). Из этой фразы непонятно: Россия азиатская или евразийская держава? Кстати, поскольку США "входит в Азиатско-Тихоокеанский регион", США тоже азиатская держава? И что означает "великая"?

А вот как видится ученым тенденция в регионе: "Основные идеи институализации экономического сотрудничества в регионе заключается в предложениях о долгосрочной схеме развития азиатского регионализма в составе стран АСЕАН, Японии, Китая и Южной Кореи (таможенный союз, далее — общий рынок, наконец — единая валюта и

единая экономика) и о создании, по сути дела, системы финансовой безопасности с участием национальных центробанков этих стран".

В каких академических высотах надо парить, чтобы допускать возможность единой экономики между капиталистической Японией и социалистическим Китаем? Даже внутри АСЕАН вот уже лет десять идут разговоры о едином таможенном союзе, и до сих пор никак не договорятся. Комментировать подобные "прогнозы" бессмысленно, поскольку их авторы просто не понимают, какие явления стоят за словами "таможенный союз", "общий рынок" и "единая экономика".

Мне пришлось столь подробно остановиться на персоне Титаренко только потому, что аналогичный подход присущ целой группе "АТР-говорунов", создающих искаженное представление о районе Восточной Азии. Поэтому *внимание*: все, что они говорят или пишут, не имеет никакого научного обоснования, а все их предложения не стоят выеденного яйца, поскольку все они утопичны и построены на еслибизме.

Третий подход предлагает концепцию "двухуровневой политики", предусматривающей различные варианты политики в Европе и на Дальнем Востоке. В последнем случае имеется в виду адаптация экономической политики России к требованиям ассоциации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и задачам, которые вытекают из участия России в АТЭС. Это касается, в частности, принятия условий АТЭС относительно снижения таможенных пошлин на товары, оговариваемые на совещаниях АТЭС. (В.В. Михеев, ИДВ РАН).

В рамках данного подхода предлагается придать Дальнему Востоку и Дальневосточному федеральному округу статус развивающейся территории, что позволит открыть каналы для поступления в Россию официальной помощи развитию (ОПР), например, из Японии. Автор данного предложения (В.К. Зайцев, ИМЭМО РАН) выдвигает также идею выкупа долгосрочных государственных облигаций (например у США и Японии) на суммы 20—25 млрд долл. под 5—6% годовых, под которые затем значительно легче запрашивать деньги у международных инвесторов. Для аккумуляции средств необходимо создать Дальневосточный банк развития по типу Российского банка развития, а также учредить международный фонд гарантий в Восточной Азии.

Комментарий. Сам по себе подход "двухуровневой политики" совершенно бессмыслен, поскольку любая внешняя политика должна быть гибкой в том смысле, что должна учитывать специфику любого региона и даже специфику любой страны. И если Россия стала членом АТЭС, она так или иначе вынуждена будет следовать инструкциям этой организации, которую составляют ее главные спонсоры: Япония и США. Только это будет называться не "адаптацией", а подчинением американско-японским правилам, суть которых сводится к противодействию регионализму, к более полному открытию рынков

стран АТЭС для своих ТНК и МНК. КНР этого не боится, поскольку там хорошо отлажена система контроля над деятельностью зарубежных компаний, с одной стороны, с другой — она обладает экономическим потенциалом внедрения на их рынки, включая рынки США и Японии, используя снижение тарифов стран АТЭС. У России же нет ни того, ни другого. Поэтому членство России в АТЭС не только не усилит ее роль в экономических связях с этими странами, но позволит его наиболее сильным участникам вторгнуться на рынок Дальнего Востока, разоряя промышленность в регионе. Что, кстати, происходит и сейчас.

Предложение же придать Дальнему Востоку "статус развивающейся территории", чтобы туда потекли деньги по линии ОПР, можно развить: например, придать статус развивающейся территории всем "территориям" России, поскольку они находятся почти в таком же непотребном состоянии, как и Дальний Восток. Но так как не существует международных юридических положений, предусматривающих возможность провозглашать какие-то части территории внутри одной страны развивающимися, а другие развитыми, то данная идея, может быть, и хороша для дебатов внутри страны, но совершенно бессмысленна для серьезного обсуждения за ее пределами в нынешнем виде. В принципе сама идея интересная, но должна быть переформулирована.

Конечно, было бы очень даже неплохо выкупить "долгосрочные облигации" США и Японии. Имеется в виду, что обе эти державы выпускают такие облигации специально для России под будущее ее развитие, исходя из стратегической заинтересованности в развитии экономики. Я не очень хорошо знаю настроения в Японии, но очень хорошо знаю ситуацию в США. И утверждаю: администрация Буша-младшего таких "облигаций" для России штамповать не будет. По одной простой причине: ни в одной из стратегических программ США, некоторые из которых расписаны до 2025 года, не заложена идея развивать экономику России, а заложена идея "воспрепятствовать возникновению региональных гегемонов". Поэтому, прежде чем уповать на дядю Сэма, надо понимать, что он не Санта-Клаус, не Дед Мороз, который разносит подарки по всему миру.

В рамках указанных трех подходов, которые акцентировали внимание на стратегическом видении ситуации в Приморье, выдвигались и более частные предложения.

Так, одна из участниц (И.В. Бойко, Владивосток), исходя из того, что локомотивом или механизмом реализации любой программы является бизнес, а не государство, предложила Приморской администрации подготовить такую программу, которая была бы ориентирована на ресурсы вовлекаемого в реализацию программы бизнеса и под это предлагала бы помощь и поддержку федерального центра.

В другом предложении (А.В. Островский, ИДВ РАН) высказана идея создания в Приморье своего рода регионального операционного центра, состоящего из "точек роста", каковыми могли бы быть зоны в Находке, Зарубино, Уссурийске, Арсеньеве. На базе институтов Дальневосточного РАН возможно создать Академгородок как зону высоких технологий. Предполагается, что такие "точечные зоны" могли бы развиваться на основе определенных, высокодоходных программ, строго контролируемых Центром. Была также подчеркнута необходимость предварительного создания инфраструктуры для последующего привлечения иностранного капитала. Идея заключается в том, чтобы не уповать на приток иностранного капитала в неподготовленную инфраструктуру. Пример Китая говорит, что в особых экономических зонах, например в Шеньчжени (провинция Гуандун), государственные инвестиции на душу населения в 10 раз превосходили инвестиции в районах (например в Пекине, или Шанхае, или в других аналогичных городах Гуандуня), не охваченных статусом особых зон. И только после создания соответствующих инфраструктур в эти зоны "пошел" иностранный капитал.

Участниками совещания неоднократно поднимался вопрос транспорта и использования его для давно обсуждаемой идеи связывания Востока с Западом. Главная проблема, как говорилось, не в создании транспортной инфраструктуры, а в тарифах и в управлении транспортными потоками. Высказывалась также идея создания транскорейской железной дороги с подсоединением ее к Транссибу через Приморье.

Учитывая важность энергетических проблем для всех стран Северо-Восточной Азии, В. Зайцевым выдвигалось предложение по стимуляции формирования Энергетического форума Северо-Восточной Азии, который бы объединил ресурсы всех заинтересованных стран, в первую очередь Японию, Южную и Северную Корею, Китай, Тайвань. Создание такого форума могло бы локализовать ресурсы указанных стран на российском Дальнем Востоке.

Комментарий. Во всех этих предложениях есть определенный рациональный смысл. Более того, идея Энергетического форума достаточно интенсивно стала обсуждаться на международных конференциях в последние два-три года. Ее реализация действительно могла бы вылиться в единое энергетическое сообщество стран СВА и положить начало реальному интеграционному процессу в данном регионе. (К этой идее я еще вернусь.) И все-таки большая часть вышеприведенных предложений нереализуема, поскольку они все равно подвязаны под финансирование со стороны государства (правительства). Та же самая инфраструктура. Ссылка на Китай теперь ничего не значит, поскольку КНР — социалистическое государство, оно может аккумулировать и направлять деньги на любые проекты. К тому же следует иметь в виду, что расходная часть бюджета КНР раз в десять выше бюджета российского.

Как выходить из этой тупиковой ситуации? На мой взгляд, — в корне и радикально меняя всю стратегию и тактику взаимоотношений с Центром.

Мой, **четвертый подход** отличается от всех предыдущих, прежде всего, тем, что акцент делается именно на специфике Приморского края как особой геостратегической и геоэкономической зоне России и, соответственно, требующей формирования особой стратегии и тактики, как для самого края, так и в отношении края. Предыдущие программы, охватывавшие весь ДВЭР, фактически провалились, и они не могли быть реализованными в принципе в силу ряда объективных причин. Одна из них заключается в том, что у Центра (правительства) нет финансовых возможностей поддерживать рост всего ДВЭР. Вторая причина — сам ДВЭР экономически не интегрирован из-за схожести производственных структур (лес, минеральное сырье, рыба, военно-промышленный комплекс). Следовательно, каждый из подрегионов имеет более тесные экономические связи с центральными районами России или с близлежащими государствами, чем между собой. Поэтому все программы, ориентированные на охват всего ДВЭР, неизбежно обречены на невыполнение. Наконец, третья причина — в России воспроизведена допотопная капиталистическая система (по форме и структуре напоминающая российский капитализм до 1917 г.), которая не предполагает экономического контроля или управления конкретными регионами. У государства в капиталистических системах совсем иные функции, что забывают или просто не знают, например, те же приморцы, возлагающие большие надежды на Москву.

Поэтому решение проблем РДВ, повторяю, должно осуществляться на кардинально иных посылах, среди которых в здесь хочу выделить всего два момента.

Прежде всего, каждый подрегион должен сформулировать свою программу развития, исходя из социально-экономической специфики местности, его геостратегического и экономического расположения и наличных ресурсов. В первую очередь это касается Приморского края. Учитывая его уникальное положение как с точки зрения безопасности страны на Дальнем Востоке, так и возможностей выхода на Восточную Азию, необходимо выработать особую стратегию развития Приморского края, отделяя его от всех остальных краев и областей. В этой стратегии необходимо обозначить особый экономический и геостратегический статус Приморья. Такой статус не предполагает экономический отрыв от Центра, а предусматривает переакцентировку, прежде всего, финансовых взаимоотношений на трех уровнях экономической власти: федеральном, краевом, а также частного бизнеса.

Центр должен курировать, помимо обороны и безопасности, госпредприятия федерального подчинения, включая военно-промышленный комплекс, взимая с них налоги с учетом специфики геостратегического и геоэкономического расположения.

Поскольку Центр не в состоянии выполнить взятых на себя финансовых обязательств перед краем, то с точки зрения экономической целесообразности ему необходимо отказаться от сбора налогов предприятий краевого подчинения и доходов местного частного бизнеса. Наоборот, он должен представить сбор налогов с краевых предприятий и частного бизнеса властям Приморья, что будет способствовать аккумулярованию средств для развития тех или иных целевых проектов, организуемых и контролируемых краевыми властями. Для размещения этих средств необходим краевой банк развития, связанный как с Центробанком, так, например, и с Азиатским банком развития, что предлагали большинство участников семинара.

Это базовые "внутренние" условия по изменению стратегии выхода из кризиса, позволяющие, по крайней мере, смягчить ситуацию "истощения" региона. Они, естественно, должны быть дополнены и особой экономической политикой Приморья в отношении окружающих стран и США. По крайней мере, строиться она должна не в рамках утопичной концепции "АТР", а реалистичного подхода к ситуации в СВА. Сказанное относится к Приморью. Однако высказанные предложения смогут заработать только в случае смены стратегического вектора политики России в Восточной Азии. Для того чтобы выработать правильное направление, необходимо разобраться, какие экономические процессы развиваются в этом регионе.

Глава VIII. Меньше шума, больше дела

Современные экономические процессы в СВА

Чуть ли не все российские ученые и политики говорят и пишут об интеграционном процессе в "АТР", в Восточной Азии или в СВА. Это опасное заблуждение приводит к путанице в стратегии политики и экономики. На данный исторический момент в Восточной Азии прослеживается тенденция к интеграции с весьма неопределенными перспективами, о чем мне приходилось подробно писать в книге "АТР: мифы, иллюзии и реальность". Поэтому доминирующим экономическим явлением в регионе остается интернационализация с присущими ей формам и типами экономического взаимодействия. Понятийная суть этих терминов сводится к следующему.

Экономическая интернационализация является объективным процессом интенсивного взаимодействия субъектов и акторов мировой экономики в сфере торговли, капитала и финансов.

Экономическая интеграция — это высшая форма интернационализации хозяйственной жизни, достигаемая в процессе соединения различных национальных экономик в единый хозяйственный комплекс, отличающийся своей специфической институциональной структурой и функционирующий на базе согласованной экономической политики как на межгосударственной, так и на наднациональной основе. Причем подобные явления реализуются пока только на региональном уровне.

Исходя из этих определений, можно считать только один регион интегрированным. Это — Западная Европа, точнее, Европейское сообщество. В процессе интеграции находится Северная Америка через механизм НАФТА. В Восточной Азии, повторюсь, наметились только тенденции к интеграции, причем именно в районе СВА. Подчеркиваю — только тенденция, которая пробивает себе дорогу через интернационализацию экономического взаимодействия. На данный момент основными интегрантами СВА являются Япония и США, закручивающие интеграционную спираль вокруг собственных экономик.

В ЮВА наметились попытки со стороны государств АСЕАН создать свой экономический ареал, адекватный интеграционным стандартам. На это работают их попытки снижения тарифов во взаимной торговле, которые, предполагается, должны привести к созданию зоны свободной торговли к 2003 г. На самом деле и здесь тоже не должно быть никаких иллюзий; они (страны АСЕАН) не смогут создать самостоятельный интеграционный комплекс из-за колоссальной зависимости от экономических отношений

с Японией и США. Последние просто не дадут им этого сделать. Но, может быть, еще более важным объективно противодействующим на этом пути фактором является Китай.

Дело в том, что Китай превращается не просто в один из экономических полюсов мира. Он начинает формировать интеграционный центр вокруг себя через стратегию Большого Китая. Первый шаг "великого китайского круга" охватывает Гонконг, Макао и Тайвань. Он наполовину уже осуществлен. Следующий этап — создание "срединного треугольника" со сторонами Китай, Южная и Северная Кореи и ЮВА. Последний этап: Китай занимает господствующее положение в треугольнике с США и Японией. Имеется в виду, что экономические активности последних двух стран в регионе "всосутся" в китайский экономический ареал, как в черную дыру. И если последний этап вызывает сомнение у многих аналитиков, то реализация первых двух этапов вполне осуществима. И в этом процессе громадную роль играют хуацяо¹. Надо иметь в виду, что где-то около 25 млн хуацяо контролируют, по разным оценкам, от 60 до 80% финансовых активов стран ЮВА.

Другими словами, в Восточной Азии вырисовывается три экономических неформальных блока. *Северо-Восточной экономическое пространство*, тяготеющее к Японии и США (в экономическом смысле вес США здесь не менее значим, чем вес Японии). *Китайский экономический ареал*. И *асеановское экономическое пространство*. Обозначенная субрегионализация на три блока в свое время и вызвала озабоченность Японии и США. Именно по их инициативе и была создана организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС или АПЕС) в 1989 г., призванная сломать тенденцию "закрытого регионализма" и повернуть ее к "открытому регионализму".

В этой связи необходимо сказать два слова о роли АТЭС. Главная цель этой организации — открыть рынки всех входящих в нее стран. По этому основному вопросу и начали вырисовываться противоречия и различные подходы к самому статусу этой организации. Соединенные Штаты и Япония объективно заинтересованы, прежде всего, в наиболее полной и последовательной либерализации потоков товаров, капитала и технологий в рамках "АТР" и открытия рынков стран Восточной Азии, на долю которых приходится большая часть внешнеторгового дефицита. (В скобках следует отметить, что немалая доля этого дефицита приходится на смешанные американо-азиатские компании, экспортирующие свою продукцию в США.) Поэтому Вашингтон отстаивает принцип обязательности выполнения всех принимаемых решений в этой области. Япония проявляет в этой связи меньшую нервность, поскольку она находит другие рычаги

¹ Хуацяо. Досл. перевод означает китайцев, живущих за рубежом, т.е. китайская диаспора.

внедрения на рынки ЮВА, прежде всего, через так называемую официальную помощь развитию, привязывающую экономики региона к Японии.

Развивающиеся же страны Восточной Азии, выдвигают на первый план свои индивидуальные особенности развития и добиваются известной свободы интерпретации принимаемых решений и добровольного характера их выполнения. На первый план при этом выдвигается не либерализация торговли и капиталовложений, а всемерное поощрение экономического и научно-технического сотрудничества.

Что же касается Китая, то у него в принципе аналогичные задачи, что у США и Японии: внедриться на рынки своих конкурентов. В то же время Пекин не придает серьезного значения этой АТЭС, а свое членство в ней рассматривает как возможность слежения за действиями и планами остальных членов, особенно Тайваня, а также как предварительный этап вхождения в ВТО. Процесс же либерализации рынка у самого Китая определяется степенью готовности тех или иных отраслей экономики "встретить" иностранных конкурентов на собственной территории.

Азиатский кризис 1997—1998 гг. показал, что АТЭС не в состоянии ни прогнозировать, ни тем более управлять кризисными явлениями. В этой связи его авторитет довольно серьезно пошатнулся. Хотя при этом надо иметь в виду, что АТЭС — это не экономический институт, наподобие многих экономических организаций в Западной Европе, решения которых обязаны выполнять правительства и компании. Это своего рода форум для изложения своих планов или взглядов на те или иные проблемы, это место для привлечения внимания к каким либо проектам, в которых заинтересована та или иная страна. Иначе говоря, это не институт, который управляет интеграционными процессами, а просто трибуна, которую необходимо уметь использовать.

В целом же экономическая ситуация в Восточной Азии, в том числе и в СВА, на рубеже веков оказалась не столь радужной, как представлялась еще лет пять назад. Практически все страны оказались в кризисе, хотя многие из них уже выкарабкались, например Южная Корея, но за счет громадных вливаний "со стороны". Япония постепенно тоже выравнивается, но без перспектив былой динамики. У стран АСЕАН, помимо экономических проблем, вызревают социально-политические условия, предопределяющие катаклизмы в будущем. Среди всех государств только Китай продолжает свое продвижение вперед на пути превращения в экономическую сверхдержаву.

В то же время надо иметь в виду, что именно отсутствие интеграции в регионе СВА создает больше возможностей для России, поскольку в интеграционную зону всегда труднее проникнуть, чем в неинтеграционную. Нестабильная экономическая ситуация также дает определенные шансы использовать трудности различных стран региона на

пользу интересов России. И в этой связи большую роль играет четко выверенная структурированная стратегия России в регионе.

Стратегия России в СВА

Цели России

Одна из сильных сторон внешней политики США заключается не только в ее теоретической обоснованности, но и в ее структурной укомплектованности.

В любой стратегии на первый план выносятся описание целей в жесткой иерархической последовательности. Это не простая дань упорядоченности, а приоритеты в рациональном распределении ресурсов, направляемых на Международную деятельность.

В стратегической политике России в СВА три стандартные цели могут быть наполнены следующим содержанием.

Стратегическая (долгосрочная) цель: формирование масштабного торгово-экономического сотрудничества со странами СВА в интересах развития всей экономики России.

Среднесрочная цель: использование торгово-экономического сотрудничества со странами СВА в интересах экономического развития российского Дальнего Востока.

Текущая (операционная) цель: использование торгово-экономического сотрудничества со странами СВА в целях стабилизации социально-экономической ситуации, прежде всего в подрегионах, охватывающих Приморье, Хабаровский край и Сахалинскую область.

На данный момент у российского правительства нет финансовых возможностей реализовать стратегическую цель, которая предполагает использование получаемых выгод от взаимоотношений со странами СВА на всей территории страны. Не стоит также питать иллюзий относительно того, что это взаимодействие (т.е. внешний фактор) приведет к повышению благосостояния населения всего РДВ. Максимум, на что можно рассчитывать в нынешних условиях, — это торможение или предотвращение продолжающегося экономического кризиса в трех названных регионах. Распыление получаемой "отдачи" на другие районы РДВ, например на Магаданскую область, Камчатку и Якутию, не говоря уже обо всей России, означало бы срыв реализации текущих целей. Осуществление же среднесрочной цели будет зависеть от возможностей реализации предложений и проектов, которые изложены ниже.

Концепции "привлечения" и "выборочного вовлечения"

Рефреном всех выступлений и писаний на тему об "АТР" является идея о необходимости для России "интегрироваться" в регион. Помимо того, что в "АТР" нет ни одного интегрированного региона, надо осознать еще одну простую вещь: любая интеграция, т.е. внедрение в какие-либо экономические пространства предполагает колоссальные финансовые затраты. Такими ресурсами в настоящее время обладают только страны "семерки". Но даже они не в состоянии интегрироваться в интегрированные или полу-интегрированные экономические анклав. Например, Германия и Англия не могут интегрироваться в зону НАФТА, а США — во внутренний рынок Японии, хотя прилагают для этого немало усилий. У России тем более нет возможностей "интегрироваться" в мировую экономику (она, кстати, не интегрирована, а интернационализирована). Но у России есть потенциальные возможности для того, чтобы *интегрировать* привлекательные для нее страны в собственное экономическое пространство. То есть ее задача заключается в том, чтобы "втянуть" в себя, иначе говоря, в свои экономические проекты другие страны для решения текущих (операционных) задач. Процесс "втягивания" всегда дешевле, чем процесс "интеграции" куда-либо.

Другими словами, на первом этапе решения текущих задач все усилия должны быть сконцентрированы на реализации концепции "*привлечения*". Вместе с тем, нельзя абсолютно отбрасывать и концепцию "*вовлечения*", однако это вовлечение не должно быть "безразмерным" с охватом всех и вся. Оно должно быть **выборочным**, исходя из текущих и среднесрочных целей. Именно в такой постановке вопроса состоит мудрость политиков. США — самая мощная и сильная держава мира, но даже для нее многие американские политологи предлагают концепцию "селективного вовлечения" (selective engagement).

"Выборочное вовлечение" предполагает концентрацию на таких странах-партнерах, взаимодействие с которыми позволяют эффективно решать текущие цели и закладывают основы для решения среднесрочных целей.

Выбор стратегического региона и партнера в "АТР"

Одна из важнейших стратегических ошибок внешней политики СССР заключалась в том, что Москва своей внешней политикой пыталась объять все регионы, независимо от того, отвечает это национальным интересам страны или нет. Чтобы избежать подобной ошибки, необходимо четко определить свои финансовые возможности и в соответствии с

ними определять наиболее оптимальные точки их приложения. В нынешних условиях, когда финансирование международной деятельности определяется суммой 1,8—2,0 млрд долл. (у США — около 22 млрд долл., у Японии — около 7 млрд долл.), необходимо сузить сферу географической деятельности и не расплывать их на "освоение" всех стран "АТР". Это значит, что нам необходимо свернуть или довести до оптимального минимума деятельность в отношении множества стран "АТР", включая латиноамериканские страны Тихого океана, все островные государства Тихого океана и даже Австралию и Новую Зеландию, поскольку отдача от взаимодействия с ними не компенсирует затраты. В ЮВА можно сконцентрироваться на двух—трех государствах, например Малайзии и Вьетнаме (в первом случае — продажа оружия, во втором — устоявшиеся исторические связи плюс долги и т.д.). Ни в коей мере не расплываться на взаимодействие с Филиппинами, Таиландом и Индонезией. Наибольшую же активность проявлять в зоне СВА в силу множества очевидных причин. Это — что касается подрегиона. Далее, не менее важная проблема — выбор стратегического партнера.

Необходимо хотя бы для себя четко представлять значимость партнеров для решения внешних задач и в зависимости от этого рационально распределять финансовые ресурсы для взаимодействия с ними. К примеру, если Россия выделяет на взаимодействие, скажем, с США и Англией одну и ту же сумму, а отдача от взаимодействия с США в два-три раза превосходит отдачу от взаимодействия с Англией (в данном случае речь идет о торгово-экономических взаимоотношениях), это значит, что мы несем потери в своих взаимоотношениях с Англией.

Безусловно, значимость партнеров определяется уровнем целей, которые страна преследует. Вместе с тем должно быть ясно, что даже на стратегическом уровне необходим выбор, поскольку попытки общения со всеми в целях получения выгод для всей страны приведет только к обратному результату (еще раз есть смысл вспомнить опыт СССР).

В случае же с СВА проблема упрощается, поскольку здесь всего несколько государств: Япония, Северная и Южная Кореи, Китай, Тайвань и Монголия. Как уже говорилось, Япония и Китай образуют свои экономические анклавы.

В нынешних условиях России, принимая во внимание прежде всего интересы РДВ, следует четко определиться, преимущественная кооперация с каким из центров для нее предпочтительнее.

Прежде чем ответить на этот вопрос, сразу же следует сказать о США, поскольку многие эксперты придают им преувеличенное значение. С точки зрения общей стратегии России США, безусловно, занимают и будут занимать первостепенное место в иерархии внешнеполитических целей. С точки же зрения интересов РДВ такая позиция может оказаться ошибочной. Отсутствие достаточных факторов экономической

взаимозависимости, относительная географическая удаленность так или иначе будут оказывать сдерживающее влияние на перспективы преимущественного развития связей южной части Дальнего Востока с США. Вместе с тем в соответствии с концепцией "вовлеченности" США могут сыграть определенно позитивную роль на севере РДВ, в районах Магадана, Камчатки и Чукотки.

Япония и Южная Корея, функционирующие в одном экономическом ареале, в настоящее время входят в число ведущих экономических партнеров российского Дальнего Востока. Однако, учитывая ряд факторов — снижение темпов роста экономик в этих странах, наличие у них серьезных проблем структурного характера, а также ориентацию внешнеэкономической стратегии прежде всего на США, а также государства АСЕАН и Китай, традиционно сырьевой характер экспорта Дальнего Востока в эти страны и т.д., трудно рассчитывать на то, что даже при благоприятных условиях (включая подписание мирного договора с Токио) развитие отношений с Японией и Южной Кореей будет способствовать серьезным позитивным структурным изменениям в экономике Дальнего Востока. Нет серьезных оснований предполагать, что произойдет увеличение доходов и от традиционного экспорта сырья в эти страны.

Следовательно, наиболее перспективным для Дальнего Востока в обозримом будущем может быть только КНР, точнее, постоянно расширяющийся экономический ареал Большого Китая. По сути дела это — единственная страна, в отношении которой необходимо использоваться одновременно и концепцию "привлечения", и концепцию "выборочного вовлечения". Интенсификация экономического сближения с КНР, помимо всего прочего, может создать в перспективе и дополнительные возможности в отношении других партнеров России уже в зоне ЮВА. Надо иметь в виду, что в тех районах без "дружбы" с хуацяо немыслима плодотворная экономическая деятельность.

В пользу Китая работает множество экономических факторов: взаимодополняемость экономик — тяжелая промышленность, наукоемкие отрасли и добывающая промышленность — у России и сельское хозяйство, легкая промышленность и наличие избыточной рабочей силы — у Китая; значительный объем валютных резервов у хуацяо в странах АСЕАН и потребности Дальнего Востока в инвестиционном капитале; сопоставимость научно-технических уровней КНР, и прежде всего Северо-Востока Китая, с уровнем производственной базы на российском Дальнем Востоке и т.д.

Важны и политические факторы. Возможная экономическая интеграция южных частей РДВ с Северо-Востоком Китая, т.е. реальное переплетение экономик, может придать провозглашенному "стратегическому партнерству" совершенно иные перспективы для согласованной политики Москвы и Пекина по всему спектру международных отношений, в том числе и в отношении США и Японии.

Сказанное отнюдь не означает отказа от развития отношений с теми же США и Японией. Речь идет только о приоритетах, а значит, повторю еще раз, о рациональном распределении ресурсов.

Программы и предложения по реализации концепции "привлечения"

У российских экспертов по "АТР" и РДВ нет недостатка в предложениях по "интеграции" России в "АТР", по вытягиванию РДВ их затянувшегося кризиса. Основой этих предложений являются национальные интересы России, реализовывать которые почему-то должны иностранные государства. Но, поскольку у зарубежных государств существуют свои национальные и коммерческие интересы, которые чаще всего не совпадают с нашими интересами, большинство выдвигаемых предложений вот уже на протяжении как минимум десяти лет так и остаются темой для "говорильни" на всяческих симпозиумах и конференциях. Чтобы выйти из этого тупика, необходимо сделать так, чтобы *наши* национальные интересы стали *их* интересами, т.е. превратить их в *международные* интересы.

Энергетический форум СВА

Одним из таких проектов может стать решение энергетических проблем стран СВА. Совершенно очевидно, что нашим основным экспортом как в настоящее время, так и в обозримом будущем является продукция, связанная с энергетическими ресурсами. Такая ситуация не должна обескураживать. Более того, именно энергетический фактор может оказаться реальным стимулятором интеграционного процесса в СВА. Нынешняя же проблема заключается в том, что крупномасштабные энергетические проекты в Сибири и на Дальнем Востоке реализуются в медленном темпе. Естественно, это связано с финансовыми трудностями, отсутствием новейших технологий и оборудования. Предполагалось, что эти проблемы будут решены за счет западных инвестиций. Но этого не происходит. Это тем более удивительно, если иметь в виду возрастающие энергетические потребности Китая и постоянную озабоченность Японии своей почти 90-процентной зависимостью от ближневосточной нефти.

В принципе, России, если иметь в виду относительно незначительный внутренний рынок РДВ в потреблении естественного газа и нефти, крупномасштабные проекты не нужны. По большому счету, в большей степени они необходимы именно странам СВА. Кроме того, соединение российской нефти и газа с трубопроводами, пролегающими по территории Китая, Японии, Монголии и двух Корей формировали бы критическую массу для начала интеграционных процессов в указанном экономическом пространстве. При этом надо иметь в виду, что большое количество капитала, необходимого для реализации

этих планов, требует многосторонних усилий всех стран СВА. Они не могут быть решены на двусторонней основе (например на базе различного вида договоров между КНР и Россией).

Отсутствие прогресса в этой сфере мотивируется множеством причин, но одна из них заключается в том, что весьма влиятельные круги в Японии опасаются ставить под угрозу свои экономические интересы чрезмерной завязкой на российские ресурсы. Другая — переговорные процессы по проектам осуществляются на двусторонней основе. То есть эта проблема не интернационализована.

Россия могла бы в этой связи выступить с предложением, например, в рамках той же АТЭС о создании Энергетического форума СВА (ЭФ СВА) как компактной международной организации, имеющей целью аккумулировать фонды государственных и частных источников для их инвестирования в крупномасштабные проекты Сибири и РДВ. Мировая практика показывает, что проекты таких масштабов гораздо легче осуществлять совместными усилиями правительств на многосторонней основе. Энергетический форум СВА как постоянно действующий институт мог бы стать штабом по распечатке масштабных энергетических резервов и тем самым внес бы вклад в экономический рост и экономическую безопасность региона.

Концепция "развивающейся территории"

Одним из неординарных ходов по "вовлечению" ресурсов на РДВ является реализация концепции "развивающейся территории". Суть ее состоит в следующем.

Если отвлечься от военного и ядерного потенциала, то по своим ключевым экономическим параметрам Россия сейчас представляет развивающуюся страну. Поэтому в этой связи многими экспертами, в основном японоведами, высказывается идея придать Дальнему Востоку или Дальневосточному федеральному округу статус развивающейся территории. (В свое время правительство Японии аналогичный статус придало Хоккайдо и Окинаве.) В таком случае появляется возможность обратиться к международным организациям за официальной помощью развитию. Следует напомнить, что, например, Япония выделяет из своего бюджета по статье ОПР около 15—20 млрд долл. ежегодно. Прецедент есть: бывшие наши азиатские республики охотно приняли этот статус развивающихся территорий и сейчас начали получать деньги от развитых стран.

Однако ясно, что Россия вряд ли получит ОПР, если выступит с этой инициативой только для себя. Эта проблема опять же должна быть интернационализована. Значительно больше шансов на успех, если она выступит с инициативой провозглашения статуса "развивающихся территорий" не только РДВ, но и Монголии, Северной Кореи и Северо-Востока Китая. Предложив одновременно создание подкомитета при АТЭС, который и определял бы масштабы и источники ОПР.

Банк развития Дальнего Востока

Уже не первый год среди специалистов и экспертов по "АТР" обсуждается идея создания специализированного регионального Банка развития российского Дальнего Востока (БР РДВ), в функции которого входила бы работа по привлечению иностранных инвестиций, кредитование крупных инвестиционных проектов на территории Дальнего Востока и Сибири, а также российских инвестиционных проектов в странах Восточной Азии, работа с региональными, отраслевыми и коммерческими банками, предоставление кредитов под крупные торговые сделки на уровне межгосударственных соглашений и совместных региональных проектов, включая проекты по линии приграничной торговли и др. Такой многосторонний Банк, который мог бы действовать как независимо, так и в связке с МВФ и Азиатским банком развития (АБР), мог бы генерировать ресурсы от частного бизнеса стран СВА и ускорять экономические связи в регионе. Естественно, его участниками и вкладчиками могут быть и иностранные юридические лица, хотя контрольный пакет должен принадлежать российскому правительству.

Существует также необходимость создать Фонд страхования стран СВА, который мог бы гарантировать интересы инвесторов от политических и экономических рисков. Для того чтобы такой Фонд заработал, российское правительство должно решить проблему ликвидности громадного национального богатства, которое не используется продуктивно. В частности, федеральные и региональные власти могли бы договориться обеспечить гарантии Фонда страхования ликвидными национальными активами, прежде всего за счет подтвержденных естественных ресурсов (нефть, газовые месторождения, золото, бриллианты и т. д.). Должно быть очевидным, что без создания финансовой инфраструктуры, специально сконцентрированной на РДВ, все проекты и предложения останутся втуне.

Конференция по экономическому сотрудничеству в СВА (КЭС СВА)

Каждый субрегион Тихоокеанского бассейна обладает своей спецификой и уникальностью. СВА в этом смысле не является исключением. Более того, именно здесь разнообразие элементов, образующих целостность подрегиона, представляет собой обостренно противоречивый характер. Уникальность подрегиона состоит и в том, что в будущем он может стать одним из мировых экономических центров. И в то же время он таит в себе колоссальный потенциал опасности, способный нести угрозу стабильности и безопасности без преувеличения всему миру.

Учитывая все это, многими учеными и политиками вот уже на протяжении многих лет выдвигается идея создания специальной организации нечто типа Конференции экономического сотрудничества в СВА (КЭС СВА) для решения проблем, касающихся

зоны СВА. Впервые она была предложена в 1992 г. на одной из международных конференций в Чаньчуне (КНР) по инициативе группы ученых из США (Гавайский центр "Восток — Запад"), Японии, Китая и России. Был даже опубликован специальный Меморандум по этому поводу. Тогда на фоне только что созданного (в 1989 г.) АТЭС она не получила поддержки со стороны правительств стран СВА. Однако ныне, когда становится все более и более очевидным неэффективность АТЭС в деле "управления" процессами в "АТР", идея создания КЭС СВА может оказаться актуальной и востребованной всеми заинтересованными акторами СВА.

Эта Конференция наряду с Банком развития Дальнего Востока и Фондом страхования могли бы стать первыми кирпичиками в фундаменте интеграционного пространства СВА.

Подготовка внутренней инфраструктуры

Комплексный подход к реализации задач интеграции Дальнего Востока с СВА предполагает предоставление дальневосточным районам Российской Федерации определенной экономической автономии при сохранении политического суверенитета России над данной территорией. Необходимо иметь в виду, что Россия вследствие своей величины и огромного разнообразия природно-географических и экономических условий не может рассчитывать на одномоментное вхождение в мировую экономическую систему. Поэтому предложение о предоставлении Дальнему Востоку особого экономического статуса, который может заключаться в таможенной автономии региона и создания других благоприятных предпосылок для его включения в единое экономическое пространство с сопредельными регионами других стран в определенной степени базируется на опыте открытия внешнему миру китайской экономики. К тому же относительно скромный удельный вес Дальнего Востока в населении и промышленном производстве Российской Федерации позволяет относительно безболезненно выделить данный регион в территорию с особым экономическим статусом.

В качестве конкретных шагов следует предложить прежде всего формирование льготного (упрощенного) пограничного и таможенного режима в районах, прилегающих к КНР.

Эта политика на территории Сибири и Дальнего Востока может осуществляться в несколько этапов: 1) создание таможенных зон российско-китайской торговли на пограничных переходах Маньчжурия — Забайкальск, Гродеково — Суйфэньхэ, Благовещенск — Хэйхэ и др.; 2) создание свободных экономических зон в российских городах на границе с КНР, где имеется необходимая инфраструктура для бизнеса — Благовещенск, Хабаровск, Уссурийск, Бикин; 3) принятие закона о совместных

предприятиях на территории трех-четырех областей Дальнего Востока России, граничащих с КНР — Приморский и Хабаровский края, Амурская и Читинская области, предоставляющих иностранным предпринимателям такие же льготы, как на сопредельной территории в КНР; 4) принятие закона о зонах технико-экономического развития на базе Академгородков во Владивостоке, Хабаровске, Иркутске и Новосибирске.

В систему поощрительных мер должны быть включены государственные преференции тем производителям, которые в производстве поднимаются на более высокие ступени технологии, например снижение транспортных тарифов для продукции глубокой переработки сырья, снижение таможенных тарифов при экспорте продукции этого вида и т.д.

В дальнейшем здесь сформируются зоны свободной торговли, после чего режим переносится на всю территорию Дальнего Востока. Формирование льготного таможенного и инвестиционного режима на территории РДВ позволит также привлечь сюда российские капиталы и свободные средства населения (пусть даже первоначально это будет происходить под флагом иностранного капитала), как это и происходит в свободных зонах КНР, а также восточных провинциях Китая в целом.

В качестве последующих шагов по формированию единого экономического пространства РДВ и сопредельных территорий можно предложить постепенное ослабление ограничений на свободное перемещение капитала, услуг, технологий и рабочей силы, интеграцию энергетических и транспортных систем и т.д.

В этой связи особенно хотелось бы подчеркнуть: принятие решений о развитии свободных экономических зон, таможенных зон и зон технико-экономического развития должно на первом этапе сопровождаться выделением необходимых инвестиций со стороны государства для развития местной инфраструктуры. Уповать на частный бизнес было бы очередной иллюзией. Практика КНР и многих других стран постоянно подтверждает одну простую истину: частный бизнес идет только в хорошо подготовленную инфраструктуру. Создать ее - задача государства.

Миграционная и иммиграционная политика

В средствах массовой информации притчей в языцах стала тема о "желтой опасности", т.е. нелегальной миграции китайцев в районы РДВ. В этой связи приводятся совершенно фантастические цифры (от 500 тыс. человек до миллиона и больше). Хотя и в не таких пугающих масштабах, тем не менее проблема существует. Но это проблема отсутствия законодательной базы в отношении миграции. В Канаде и США количество китайцев в десятки, если не в сотни раз превосходит их наличие в России, однако проблем с ними нет. Поэтому настала пора создать свод законов и правил, регулирующих

иммиграционную политику в России вообще со специальными разделами для Сибири и Дальнего Востока в частности.

На самом же деле необходимо подумать о более масштабной иммиграционной политике. Всем известна проблема малонаселенности РДВ, которая усугубляется продолжающимся оттоком населения из этих районов. Ожидать притока туда людей из других районов России представляется нереальным. Такая ситуация вынуждает поставить новую задачу: привлечение эмигрантов из других стран, не только из США. Примером такой политики являются США и особенно Канада. В XIX веке западные территории США и Канады (Калифорния, провинция Британской Колумбии) осваивались прежде всего эмигрантами из Китая. И в настоящее время экономика этих частей развивается в значительной степени благодаря иммигрантам из Азии. Задача состоит в том, чтобы мигранты превратились в иммигрантов, подчиняющихся общим законам страны-реципиента.

* * *

Подводя итогу, следует еще раз подчеркнуть: экономические позиции России в США весьма слабы. Они еще менее заметны в более широком регионе — Восточной Азии. У Москвы нет достаточных финансовых и экономических ресурсов для масштабного экономического внедрения в США. Но у нее есть потенциальные возможности для привлечения стран подрегиона на территорию РДВ. Превращение потенциальных возможностей в реальные зависит от рациональной политики, от отказа от иллюзорных надежд вхождения в "АТР", от тонкого просчета возможностей России и готовности зарубежных государств сотрудничать с ней. Русские должны постоянно помнить: выигрывает тот, кто умеет считать.

Если же руководство страны сохранит нынешнюю систему взаимоотношений с РДВ, со странами США, то оно рискует в худшем случае через некоторое время вообще остаться без Дальнего Востока, в лучшем — поиметь регион, который будет называться "Международно-криминально-сырьевой зоной" Северо-Восточной Азии.

Приложение

Японоведы, китаеведы, востоковеды (краткие характеристики)

В общественном сознании россиян сложилось убеждение, что человек, обладающий какой-нибудь ученой степенью, является ученым. Да и сами "остепененные", по крайней мере многие из них, тоже считают себя учеными. Нередко можно слышать, как новорожденный кандидат наук, выступая на какой-нибудь конференции, говорит: "Я, как ученый, считаю..." На самом деле даже не каждый академик является ученым. В то же время человек без всякой степени может быть ученым. Например, Ф. Энгельс не имел даже докторской степени, однако как ученому-обществовед�, ему не было равных в XIX веке, кроме Маркса.

В данной книге не место подробно раскрывать тему "ученый — не ученый"¹, но, чтобы читателю в какой-то степени были понятны мои характеристики востоковедов, я коротко, без детальных обоснований, выскажу некоторые соображения на этот счет.

Ученый — это человек, открывший законы или закономерности природы или общества. "Великость" ученых зависит от их масштаба. Гениальный ученый совершает открытия, влияющие на ход развития всего человечества (Платон, Аристотель, Ньютон, Лейбниц, Гегель, Маркс, Эйнштейн). Талантливый ученый открывает (в основном) законы в рамках какой-либо одной научной дисциплины (Ом, Ампер, Фарадей, Лобачевский, Менделеев, Павлов, Фрейд, Смит, Рикардо, Кейнс). Способный ученый совершает открытия в узкой сфере какой-либо из научных дисциплин (их много).

С определенной натяжкой к ученым можно отнести также класс людей-изобретателей, которые придумывают нечто такое, что отсутствует в природе или обществе.

В рамках Российской академии наук, по крайней мере в области общественных наук работают научные сотрудники. Ученых среди них наберется максимум процентов пять. Значительно больший процент (где-то около 10—15%) приходится на специалистов: это те исследователи, кто обладают знаниями по изучаемому предмету. Кандидат наук обычно владеет знаниями по весьма узкому кругу явлений. Он значительно шире для доктора наук. Остальные — околонаучные работники. Это бесценная армия паразитов и разных уклеек при науке. Их "бесценность" двояка. Во-первых, в самом прямом смысле этого слова: они ничего не стоят, а во-вторых, по материальному объему затрат

¹ Хотя однажды мне пришлось анализировать данную тему в статье "Власть и наука, или как аукнется, так и откликнется". См.: Пульс реформ. Юристы и политологи размышляют. М.: Прогресс, 1989, с. 109—131.

государства на обеспечение жизнеподдержания этой армии прожорливых около-научно-приживал, будь они кандидатами или докторами наук.

Что касается званий член-корреспондентов и академиков, в российских условиях они обычно даются за бюрократические достижения директорам институтов и их замам. К науке эти звания, за редким исключением, почти не имеют отношения (надеюсь, что в естественных науках картина несколько иная). Вообще-то директор института и ученый — вещи несовместимые по той простой причине, что ученый никогда не сможет стать бюрократом, к чему вынуждает директорская должность. Знаю это по собственному опыту.

Особую настороженность должны вызывать различные ученые степени и звания у действующих политиков. Все они, уверен, "липовые" кандидаты и доктора. Ко мне, к примеру, неоднократно обращались с предложением за немалые суммы написать докторские диссертации для такой категории лиц. Но это уже отдельная, так сказать, криминальная тема, требующая отдельного анализа. Важно только, чтобы читатель зафиксировал для себя, что сложился постоянно действующий механизм "остепенения" политиков, о чем весьма робко начали писать в печати ².

Одним из признаков отличия ученого от не ученого является то, что первый строит свой анализ на базе понятийно-категориального аппарата, второй — на уровне слов и терминов. В первом случае процесс познания, или, если придерживаться гегелевской терминологии, погружение в предмет осуществляется через последовательную триаду разум — рассудок — разумный рассудок (или рассудочный разум). На последнем этапе происходит слияние познающего и предмета, т.е. акт познания, другими словами, открытие закона бытия предмета или явления. Во втором случае работает принцип здравого смысла, который позволяет описать явление, но не понять его сущность. В таком ключе, в частности, пишутся почти все работы в области современного китаеведения и японоведения. Среди нынешних российских японоведов-международников только трое работают на понятийном уровне. В то же время их значительно больше среди международников — не востоковедов, поскольку многие из них прошли школу освоения теории международных отношений, например в секторе покойного В. Гантмана в ИМЭМО, в Центре международных исследований МГИМО, а также у А.В. Сергиева (к сожалению, тоже покойного) в МИДе. У меня нет намерений перечислять их имена, но не могу не удержаться, чтобы не назвать одно выдающееся имя — Э.А. Позднякова — автора классического труда в 2-х томах: "Философия политики" (М., 1994), которую советую изучить всем нашим востоковедам.

И еще два слова о терминах "журналист" и "публицист".

Разница заключается в том, что публицист — это тот же научный работник, который пытается в средствах массовой информации в популярной форме изложить ту или иную идею, до этого выношенную на основе научного исследования. Между прочим, одним из выдающихся публицистов первой половины XIX века был гениальный поэт Гейне (кстати, он имел степень доктора юридических наук и был одним из немногих, кто понял Гегеля).

Журналист же пишет свои статьи или книги по принципу: что вижу, то пишу, т.е. на основе поверхностного взгляда на те или иные явления. Журналистика — это жанр, отражающий текущую реальность как можно в более понятной для среднего читателя форме. Журналисту некогда копаться в глубинах темы, поскольку ему приходится писать практически обо всем. Поэтому даже яркие журналисты не в состоянии проникнуть в суть общественных процессов. Не потому что они глупы, а потому что таков их жанр. Хотя на фоне общей массы серых ученых, некоторые наиболее выдающиеся журналисты могут показаться очень "учеными".

Я надеюсь, что у меня появится возможность более подробно изложить свой взгляд на нашу общественную науку. Здесь же ограничусь краткими портретами-характеристиками некоторых знакомых мне востоковедов, к которым рекомендую отнестись не слишком серьезно. Я не называю их настоящих имен в надежде на то, что их узнают по характеристикам.

Авелев	Востоковед-академик. Научную карьеру сделал при социализме, политическую — при капитализме. Типичный представитель российской науки. Законов не открыл.
Альраф	Презренный японовед-мечтатель. Презирает многих японоведов, мечтает перестать быть японоведом.
Алгорский	Японовед-демократ. Вместе с "островами" готов отдать и всю Россию.
Борин	Японовед-философ. Умудрился остаться незаметным как в японоведении, так и в философии.
Бурлина	Японовед-борец. Борец против подонков. Подонки торжествуют.
Буков	Японовед-генерал. В японоведении — ефрейтор.
Бутчеров	Китаевед-академик. Академик получился, ученый — нет.
Зесрам	Японовед — этнический еврей, агностик, параноик. Помешался на передаче "островов". Пациент Кашенко.
Иваненко	Японовед-начальник. Начальник лагерей японских военнопленных.
Коврамов	Японовед-дурак. Стал доктором наук, т.к. никто не решился тягаться с ним в дурости.
Кубов	Атээровец-вояжер. Научное кредо — всю жизнь без строчки.
Левяков	Китаевед. Яки лев.
Леонова	Японовед-женщина. С Еленой Прекрасной сближает имя, со многими японоведами — отчество.

² См., например, статью Алексея Савина "Диссертации оптом и в розницу". — Мир за неделю, 9—16.10.1999.

Минос	Японовед с весом. Вес — около центнера.
Мипялко	Удивительный японовед. Удивляет хорошим отношением ко мне.
Мосин	Японовед-дипломат. Язвенник: любит язвить. В подлости замечен не был.
Ниигатов	Сначала — австралолог, затем индолог, наконец — атээровец. В мире науки не известен. Пробавляется на японских харчах.
Никулов	Востоковед-дипломат-политик. Редкий случай: порядочный человек. Но почему-то любит яблоки.
Плевко	Японовед-филолог, ставший японоведом-политологом. Лучше бы оставался филологом.
Раков	Австралолог. Отличительная черта: убивает "мягкостью". Ну прямо "англичанин".
Рёмин	Японовед. Его я, правда, не читал. Думаю, что он напоминает Дякова, которого я тоже не читал.
Ротанес	Официальный японовед застойного периода. Продолжает в нем пребывать.
Серян	Японовед-администратор. Японию любит больше, чем Россию. Внешняя примета: очень мудрое лицо.
Серчуг	Настоящий японовед. Умудряется ладить со всеми. Даже с мерзавцами.
Стопадзе	Японовед-дипломат. Наиболее выдающаяся черта — подлость. Наиболее подходящее место — виселица.
Таранкин	Китаист-философ. Начальник. Член. Еслибист.
Тай	Японовед-экономист. Экономит даже на мыслях.
Туров	Из японоведа сделался АТР-болтуном. Болтает в пользу США.
Тышев	Неувядающий японовед. Свидетельством служит молодая жена.
Усагин	Японовед-экономист. Любит Японию и деньги. Японцы платят.
Цевич	Японовед, возвысившийся благодаря серому окружению.
Целис	Преуспевающий японовед, считающий себя гением. Японцы согласны.
Щукина	Женщина-японовед. Как японовед неизвестна, как женщина — тоже.
Язнер	Японовед-экономист. Оказался иудой.

Н.М. Карамзин и Южно-Курильские острова

Ни пяди, ни врагу, ни другу!

Н.М. Карамзин

Всем известно, что у каждого народа были, есть и будут свои предатели. Немало было их и в России. Удивительно не это, а то, что, кажется, только в России предатели могут не скрывать своих намерений. И более того, даже афишировать эти намерения в печати и призывать к предательству правительство.

Примеров этому множество, но для иллюстрации я беру конкретный случай, так называемую, проблему Южно-Курильских островов, в Японии известную как проблема "северных территорий". Дискуссия по ней время от времени разгорается в СМИ, в стенах Думы и на всяческих научных симпозиумах и конференциях.

Как известно, некоторые политики, но особенно определенная группа японоведов из лагеря демократов выступает за "возвращение" Южно-Курильских островов Японии. Другими словами, открыто выступает за нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Я не знаю ни одной страны мира, где бы какая-нибудь часть ее граждан выступала за передачу территории своей страны иностранному государству. Случись такое – это вызвало бы сенсацию с печальными последствиями для таких выступающих. В России же "возвращенцы" не только не сидят в тюрьмах, а занимают солидные посты в различных академических институтах.

Среди этой публики наиболее одиозной фигурой является д.э.н. В. Рамзес из ИМЭМО РАН. Поскольку он считается ученым (как-никак доктор экономических наук), профессиональным японоведом, попробуем разобраться в логике его предательства. В откровенной форме свою позицию этот доктор изложил в статье, опубликованной в журнале, где он является главным редактором. Статья называется "Не хватит ли мучиться дурью?" (ж. "Знакомьтесь – Япония", № 30, 2000). Поскольку автор не стеснялся в выборе слов по адресу своих противников, мне не остается ничего иного, как последовать его примеру, т.е. также не заботиться о словах и выражениях.

Рамзес – агностик

Вся концепция этого ученого-агностика (так он сам себя называет) строится на факте "кражи" Южно-Курильских островов у бедной Японии. "Они ведь краденые", — рефреном звучит по всей статье. А раз так, то нет необходимости анализировать

военно-стратегическое или экономическое значение этих островов для интересов России. Раз украл, так сказать, совершил грех, то искупи его, отдай, верни их Японии.

В словаре Даля значение глагола красть объясняется так: "брать тайно чужое, уносить или присваивать что тайком". Но, как известно, Советский Союз эти острова захватил открыто, не скрывая ни от Японии, ни от кого бы то ни было. Более того, он заранее оговорил со своими тогдашними союзниками — США и Англией, что эти острова СССР заберет. На что союзники с радостью согласились, поскольку в обмен Советский Союз пообещал им разгромить миллионную Квантунскую армию, расположенную в Маньчжурии, что с блеском и было сделано за пару недель. Тем самым Советские войска спасли немало солдат союзнической армии в ходе разгрома Японии.

Следовательно, СССР названные территории не крал, а завоевал в соответствии с нормами геостратегических схваток того времени. Точно так же вела себя Япония в отношении царской России в 1904-1905 гг., в качестве победителя отторгнув у России часть Сахалина. Точно так же, как и любая империалистическая страна, расширявшая свои границы с помощью войн. Именно таким образом и сформировались границы большинства стран мира: в случае победы — территории расширялись, в случае поражения — сужались. И получается, что границы большинства государств мира так или иначе образовывались в результате "кражи". И если следовать логике демократа Рамзеса, тогда надо всем возвращать "украденные" территории, когда бы это не произошло. Можно представить, какая кутерьма началась бы в мире, бледным прообразом которой является нынешний бардак на Балканах.

Этот библейский пророк может, конечно, мне возразить, сказав, что Советский Союз напал на Японию в результате "беспардонного надругательства над процедурой денонсации Пакта о нейтралитете 1941 г."

Во-первых, почему "беспардонного"? Неужели "пардоннее" было напасть на Россию в 1904 г. без объявления войны, или точно так же напасть на Маньчжурию в 1931 г., затем на Внутренний Китай в 1937 г., или, наконец, на Пирл-Харбор в 1941 г.? О каком джентльменстве может идти речь со страной-агрессором? Неужели этот пророк забыл уроки Халхин-Гола и Хасана? Или оккупацию российского Дальнего Востока в 1918 г. теми же самураями?

Во-вторых, СССР действительно нарушил процедуру денонсации Пакта о нейтралитете 1941 г., но, между прочим, неукоснительно следовал процедуре различных договоренностей со своими союзниками. Хотя и последнее не имеет никакого значения. И в этой связи мне кажется смешными попытки ученых-японоведов из патриотического лагеря оправдать "нарушения" СССР всяческими ссылками на какие-то документы, международное право и прочую чепуху. Все равно это никого не

убеждает. Поскольку главным, основным и единственным аргументом в геостратегических баталиях является аргумент СИЛЫ. *Так было, так есть и так будет.* Морализаторство оставьте писателям или поборникам "общечеловеческих ценностей". Это их сфера. Ученые же должны исходить из реальностей, которые формируются на основе законов и закономерностей международных отношений, повторяю, главным из которых является закон силы.

Известны ли они Рамзесу-агностику? Есть повод взглянуть на него как на ученого.

Для начала затронем экономический аспект, в котором он обязан разбираться в силу своей профессии экономиста. Он пишет: "Перемены становятся все более многочисленными и радикальными. Достаточно назвать глобализацию, выхолащивающую само понятие "государственные границы" и придающую необыкновенную подвижность внутривострановым и международным ситуациям".

Спрашивается, если глобализация выхолащивает само понятие "государственных границ", чего же тогда беспокоиться за эти территории. Пусть японцы и "глобализируют" эти острова, занимаясь там экономической и хозяйственной деятельностью. Тем более что против этого никто и не возражает. Какие проблемы?

На самом деле проблемы есть. Этот доктор экономики явно не понимает, что "глобализация" государственных границ не отменяет. Пусть попробует он на базе этой "глобализации" без виз посетить хотя бы любимую им Японию. Кроме того, глобализация — это всего лишь один из сегментов мировой экономики, охватывающий в основном банковско-финансовую сферу. Большая же часть этой мировой экономики функционирует в поле интернационализации. Европейская же ее часть — в зоне интеграции. В каждом из этих полей работают свои специфические законы экономического взаимодействия, которые при пересечении очень часто вступают в серьезные конфликты. Эти элементарные вещи стыдно не знать экономисту.

Агностик, судя по всему, просто помешался на "общечеловеческих ценностях", которые, по его мнению, являются чуть ли ни "высшими государственными интересами". Он до сих пор так и не понял, что именно эти "общечеловеческие ценности", когда они были заложены в основу официальной внешней политики Советского Союза при Горбачеве, явились толчком к поражению СССР на международной арене, а затем и внутри страны. Этот либералист (слово Карамзина) в силу своей идеологической зашоренности должен, видимо, испытывать пиетет перед США, способствовавшими развалу ненавистного ему коммунистического режима в Советском Союзе. Так вот. Эти самые американцы плевали на все "общечеловеческие ценности", на что указывают все их стратегические доктрины, в которых провозглашаются только интересы США и американского народа на международной арене. Именно свои американские ценности они и реализуют в практической

деятельности. Точно так же ведут себя и японцы. Они четко и последовательно отстаивают свои собственные интересы и не предлагают ради "общечеловеческих ценностей" вернуть, например, захваченные ими некогда острова Дяюй КНР, а острова Токто Южной Кореи. Болтать об "общечеловеческих ценностях" может человек или совершенно не разбирающийся во внешней политике и международных отношениях, или человек, купленный иностранным государством, в пользу которого он и работает. Или человек, сочетающий в себе оба эти качества.

Поскольку сам Рамзес называет себя агностиком, т.е. персоной, считающей невозможным познавать объективные законы мира, закономерности развития природных и общественных явлений, то можно предположить, что он относится к категории "незнаек". Но, принимая во внимание, что он работает в журнале, спонсируемом Японией и откровенно проводящим антироссийскую линию по проблеме территориальной целостности, можно склониться и ко второму варианту — предатель. В результате мы имеем третий вариант — прояпонский агностик российского разлива. Но и это еще не все. Он еще и этнический еврей, о чем сам же поведал в указанной статье.

Этнический еврей Рамзес против этнических евреев Моисея и царя Давида

Вообще-то евреи за те идеи, которые излагает Рамзес, наверняка подвергли бы его *херему* (религиозному проклятию и отчуждению от общины). Поскольку вся эта христовщина (ударил по одной щеке, подставь другую) слишком расходится с законами Торы, один из которых гласит *Аин тахат аин, мен тахат мен* (Око за око, зуб за зуб). По воле Яхве, ведомые Моисеем евреи "покрали" немало земель у других народов, пока сорок лет куролесили по палестинам. А царь Давид не просто "крал", но вытворял и такие вещи. "А народ, бывший в нем, он вывел, и положил их под пилы, под железные молотилки, под железные топоры, и бросил их *в обжигательные печи* (курсив мой). Так он поступил со всеми городами Аммонитскими. И возвратился после того Давид, и весь народ в Иерусалим" (2-я ЦАРСТВ, глава 12, стих 31).

Оказывается, ноу-хау "по обжигательным печам" принадлежит не гитлеровцам, как я раньше думал, а сынам Израилевым. Но не это здесь главное. Важно то, что тогдашние евреи-завоеватели мало чем отличаются от нынешних этнических евреев, почему-то не собирающихся отдавать арабские территории, захваченные ими во время победоносной шестидневной войны. Это тоже что ли следы "коммунистического варварства".

Дело в том, что агностик и этнический еврей причины "антияпонской политики" нынешней России видит в остатках "омерзительного следа коммунистического варварства", "гнусного советского менталитета". Это, между прочим, пишет человек, который, будучи секретарем партийной организации Отдела Японии ИМЭМО, неукоснительно требовал соблюдения партийной дисциплины, особенно в деле сдачи партийных взносов.

Ладно, с евреями проехали. Посмотрим как при царе Горохе, т.е. до эпохи "советского менталитета" решались территориальные проблемы в России. Беру Н.М. Карамзина и читаю удивительные вещи. Они настолько интересны и полезны для российского руководства, что я вынужден чуть ли не полностью перепечатать мысли Карамзина из его послания Александру I, озаглавленного как "Мнение русского гражданина".

Карамзин на страже государственных интересов России

Вот как понимает знаменитый историк государственные интересы России.

«Вы думаете восстановить древнее Королевство Польское, но сие восстановление согласно ли с законом государственного блага России? Согласно ли с Вашими священными обязанностями, с Вашей любовью к России и к самой справедливости? Во-первых (не говоря о Пруссии) спрашиваю: Австрия отдаст ли добровольно Галицию? ...Во-вторых, можете ли с мирною совестью отнять у нас Белоруссию, Литву, Волынию, Подолию, утвержденную собственность России еще *до Вашего царствования*? Не клянутся ли государи блюсти целостность своих держав? Сии земли уже были Россиєю, когда митрополит Платон вручал Вам венец Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы Сами назвали Великою. Скажут ли, что Она незаконно разделила Польшу? Но Вы поступили бы еще незаконнее, если бы вздумали загладить Ее несправедливость разделом самой России. *Мы взяли Польшу мечом: вот наше право, коему все государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний.* Екатерина отвечает Богу, отвечает История за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение. *Старых крепостей нет в политике:* иначе мы должныствовали бы восстановить и Казанское, Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское, и так далее. К тому же и по старым крепостям Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицию, были некогда коренным достоянием России. Если вы отдадите их, то у вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска: ибо они также

долго принадлежали враждебной Литве. Или все, или ничего. Доселе нашим государственным правилом было: *ни пяди, ни врагу, ни другу!* ... Таков наш характер и дух государственный. Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россию бездушной, бессловесной собственности? Будете ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими, кого за благо рассудите? Россия, Государь, безмолвна перед Вами, но если бы восстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела некогда историка достойного, искреннего, беспристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. Сей историк сказал бы совсем не то, что могут теперь говорить Вам поляки; извиняем их, но Вас мы бы, русские, не извинили, если бы Вы для их рукоплесканий ввергнули нас в отчаяние. ...Я слышу русских, и знаю их: мы лишились бы не только прекрасных областей, но и любви к царю; *остыли бы душою к Отечеству*, видя оное игрищем самовластного произвола; ослабели бы не только уменьшением государства, но духом; унизились бы пред другими и пред собою. Не опустел бы, конечно, дворец; Вы и тогда имели бы министров, генералов; но они служили бы не Отечеству, а единственно своим личным выгодам, как наемники, как истинные рабы...

Одним словом... И Господь Сердцеведец да замкнет смертию уста мои сию минуту, если говорю Вам не истину...одним словом, восстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обогрят своею кровью землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!

Нет, Государь, *никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками*. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России, конечно, не в Ваше царствование, но Вы, Государь, смотрите далее своего века, и если не бессмертны телом, то бессмертны славою! В делах государственных чувство и благодарность безмолвны; а независимость есть главный закон гражданских обществ. Литва, Вольния желают Королевства Польского, но мы желаем единой Империи Российской. Чей голос должен быть слышнее для Вашего сердца? Они, в случае войны, впрочем ни мало не вероятной (ибо кому теперь восстать на Россию?), могут изменить нам: тогда накажем за измену силою и правом: право всегда имеет особую силу, а бунт, как беззаконие, отнимает ее. Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее поляков — россиян (курсив мой. — *O.A.*)»

Между Россией и Японией территориальной проблемы не существует

В этом небольшом отрывке Н.М. Карамзин дает образец служению Отечеству, его государственным интересам. Более того, он дает также образец понимания законов внешней политики и международных отношений. Этот отрывок великого русского историка является предметным уроком и для нынешних руководителей России. Хочу выделить несколько важных положений, которыми необходимо руководствоваться всем, кому дорога Россия.

Во-первых, все рассуждение Карамзина сконцентрировано на идее "блага России", а не блага кого бы то ни было. Все преломляется именно через интересы России.

Во-вторых, он прямо предупреждает царя: нечего раздавать территории, не завоеванные Вами, "еще до Вашего царствования". Они были завоеваны предками, многие из которых сложили голову ради них. Отдать эти территории, значит осквернить их память, наплевать на многие жизни, положенные во славу Отечества.

В-третьих, именно Меч служил средством приобретения территорий. Меч — наше право. И именно на основе меча и создавались государства и границы. То есть Сила определяла "бытие" государств как в их защите, так и в расширении. И нынешние разговоры о потере значения военной силы являются словоблудием неграмотных интеллигентов, заиклившись на "красоте, которая спасет мир". Если бы они были правы, тогда пусть объяснят, почему статья военных расходов является самой внушительной у государств, формирующих структуру международных отношений. Неужели из-за глупых руководителей этих государств? Наивные дети. Если бы у России не сохранился ядерный стратегический потенциал, Япония при поддержке США не просила бы вернуть "северные территории", а давно бы их забрала, как она это в свое время и делала в отношении слабых Кореи и Китая.

В-четвертых, "старых крепостей нет в политике", иначе это ведет к разрушению государства, к его самораспаду.

В-пятых, отдай одному, начнут требовать другие. И пошло-поехало, как цепная реакция. Современный пример — албанцы в Косово, а теперь — в Македонии. Отдал "северные острова", дальше — Калининград, еще далее — Выборг и т.д.

В-шестых, дело даже не в потере территорий. Главное — это ослабление "духа" народа. Цель — служение Отечеству заменяется служением своим корыстным интересам. Ради чего стараться и биться, если очередной царь запросто может отдать-вернуть завоеванное кровью и жизнями.

В-седьмых, в связи с союзниками и братьями поляками. Карамзин на основе своего геополитического анализа четко прогнозировал поведение поляков. Не были и не стали они нашими искренними братьями. Не потому что они хуже кого-то, а потому что стратегические интересы той или иной страны всегда преобладают над национальными и даже над религиозными. А этот миф о братстве славянских народов?!

— Предавали и предавать будут. И болгары, и поляки, и сербы, и кто угодно, когда им это выгодно или когда им покажется, что это выгодно. Не случайно Карамзин четко призывал: ни пяди, ни врагу, ни другу! Потому что понимал: сегодня — друг, завтра — враг. В отношении всех, в том числе и славян, необходимо исходить только из стратегического расчета. Эта классическая аксиома, часто забываемая русскими в отношении "братских народов".

В-восьмых, в политике, в делах государственных "чувства и благодарность безмолвны". Сколько раз Россия выручала другие народы и нации. Не счесть. И немцев во время наполеоновских войн, и французов и англичан во время первой и второй мировой войны, не говоря уже о братьях славянах во время бесконечных балканских войн. Но как только Россия сама попадала в беду или в критические ситуации, все они бросали Россию на произвол судьбы, а при удобном случае даже стремились поживиться за ее счет. О какой благодарности может идти речь в политике? Только холодный расчет в определении национальных интересов и наиболее эффективных способов их защитить является альфой и омегой рациональной внешней политики.

И то, что писал Н.М. Карамзин почти два века назад, актуально и для нашего времени.

Парадоксом же является то, что предписания Карамзина о том, как надо отстаивать интересы Отечества, писанные для русских, на деле реализуются американцами. Все стратегические доктрины США как будто написаны на основе указаний Карамзина. И результаты налицо: Америка стала единоличным гегемоном в мире.

Русские же, нахватавшись либералистских идей у того же Запада, которых сам Запад в реальной международной политике никогда не придерживался, и внедрив их в свою внешнеполитическую практику развалили страну. Более того, потеряв уже немало территорий, продолжают думать, что бы еще кому отдать. Например, те же Южные Курилы. На уровне МИДа ведутся разговоры с японцами о решении "территориальной проблемы". И всерьез готовы передать хоть сейчас, если бы японцы согласились, острова Хабомай и Сикотан. Дескать, у нас это было зафиксировано в Совместной декларации 1956 г. Мол, Хрущев обещал, а не отдал.

Во-первых, не отдал потому, что те же японцы устами тогдашнего министра иностранных дел Айтиро Фудзияма собирались на них возвести военные базы для американцев. А во-вторых, и слава богу, что не отдал. И забыть надо про эту декларацию. Тогда была одна ситуация. Сейчас — другая. И никакого добрососедства передачей островов мы не укрепим. А только продемонстрируем в очередной раз свою слабость. А удел слабых — презрение к ним. И пусть никого не вводят в заблуждение басни о том, что передача островов резко усилит торгово-экономическое сотрудничество между Японией и Россией. Оно, наоборот, более интенсивно

развивалось при нашей твердой позиции, в годы СССР. А как только стала проявляться мягкость, нерешительность, двойственность, торговля резко пошла вниз. Посмотрите хотя бы на динамику торговли за последние десять лет. Уровень экономических отношений зависит совершенно от других факторов. Прежде всего от состояния и структуры экономики каждой из стран. Уж, в каких враждебных отношениях находятся Тайвань и КНР, а торговля процветает, инвестиции тайваньцев в "красную экономику" увеличиваются.

Я в деталях мог бы показать экономическое, геостратегическое, политическое и прочие значения островов для России. Мог бы обратиться и к юридической казуистике при анализе всех договоров и соглашений, касающихся данной проблемы. Но не делаю этого, поскольку все это, повторяю, не имеет значения. И тут наш агностик прав, только с точностью наоборот. Есть интересы России и только России. И они превыше всего.

Нынешние руководители страны обязаны четко объявить японцам: никаких территориальных проблем между нами не существуют. Все. Что упало, то пропало. Никаких дискуссий. Никаких ссылок на декларации и договоры. Хотят, торгуют после этого, не захотят — никто и не заметит. Все равно уровень мизерный.

А всех прояпонских лоббистов, осмеливающихся отстаивать японские интересы, отдать под суд за предательство государственных интересов России.

Таблица 1. Доля СССР/России в экспорте стран СВА (%)

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Гонконг		0.30%	0.50%	0.50%	0.10%	0.40%	0.20%	0.30%	0.24%	0.16%	0.06%
КНР	3.79%	3.34%	2.64%	3.34%	2.94%	1.27%	1.13%	1.10%	1.11%	1.00%	0.77%
КР	0.19%	0.80%	0.87%	0.48%	0.73%	0.68%	1.12%	1.40%	1.30%	0.84%	0.21%
Тайвань				0.10%	0.30%	0.14%	0.10%	0.10%	0.10%	0.07%	0.09%
Япония	1.58%	0.90%	0.70%	0.30%	0.42%	0.31%	0.26%	0.20%	0.24%	0.25%	0.12%

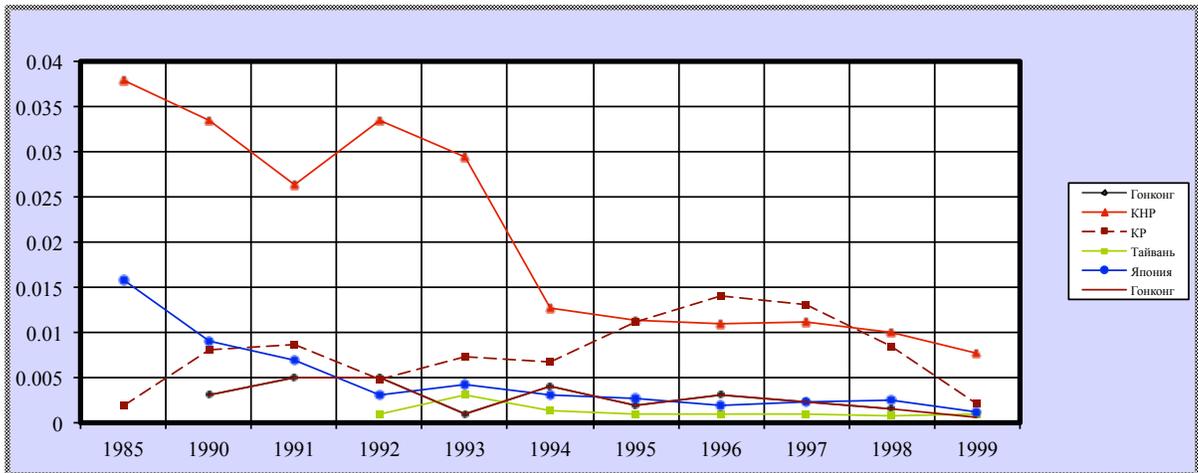
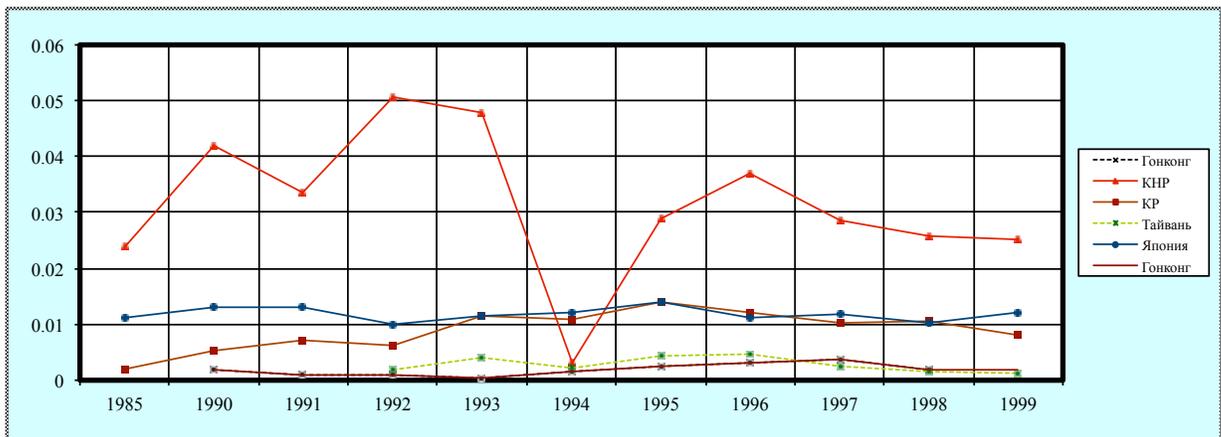

Таблица 2. Доля СССР/России в импорте стран СВА (%)

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Гонконг		0.20%	0.09%	0.09%	0.04%	0.16%	0.25%	0.30%	0.37%	0.20%	0.18%
КНР	2.39%	4.21%	3.37%	5.08%	4.80%	0.30%	2.88%	3.70%	2.87%	2.58%	2.53%
КР	0.20%	0.53%	0.71%	0.61%	1.16%	1.09%	1.41%	1.20%	1.04%	1.07%	0.81%
Тайвань				0.18%	0.40%	0.22%	0.45%	0.48%	0.25%	0.14%	0.11%
Япония	1.11%	1.30%	1.30%	1.00%	1.15%	1.22%	1.41%	1.12%	1.18%	1.03%	1.21%

Таблицы 1-4 рассчитаны на основе: IMF. Direction of Trade Statistics Yearbooks, 1998, 2000.
По Тайваню: Monthly Bulletin of Statistics. Taipei, October 2000.

Таблица 3. Доля стран СВА в экспорте СССР/России (%)

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Гонконг				0.17%	0.53%	0.48%	0.38%	0.24%	0.23%	0.20%	0.17%
КНДР	1.23%	2.24%	1.23%	0.54%	0.38%	0.08%	0.09%	0.60%	0.09%	0.05%	0.07%
КНР	2.66%	4.31%	4.19%	6.51%	6.93%	4.20%	4.16%	5.26%	4.73%	4.40%	4.76%
КР	0.10%	0.79%	1.26%	0.49%	0.88%	0.55%	0.92%	0.74%	0.99%	0.72%	1.13%
МНР				0.48%	0.36%	0.22%	0.25%	0.20%	0.19%	0.19%	0.16%
Тайвань				0.30%	0.70%	0.30%	0.60%	0.60%	0.34%	0.20%	0.38%
Япония	3.77%	6.57%	6.60%	3.95%	4.57%	3.46%	4.10%	3.20%	3.49%	3.04%	2.89%
КНДР - 1986 г.											

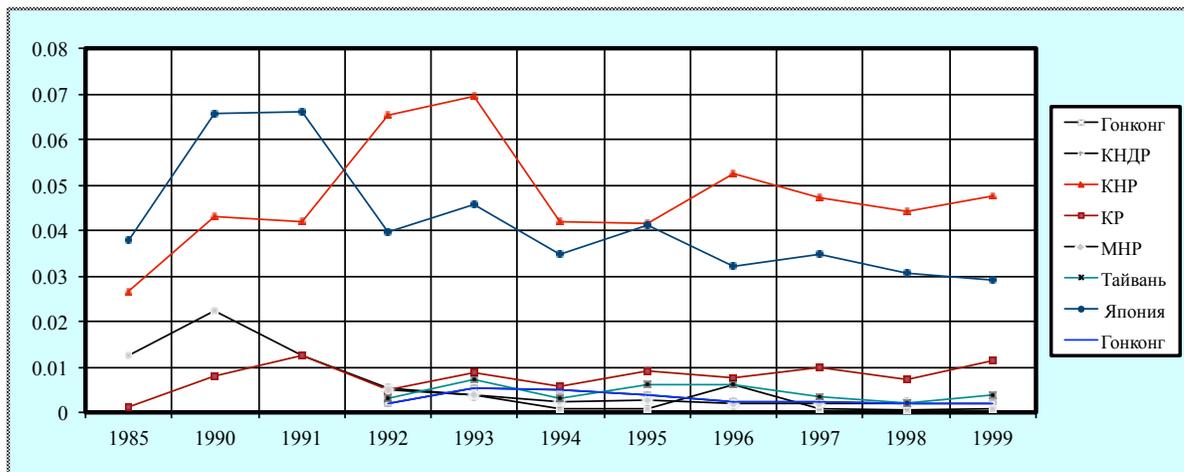
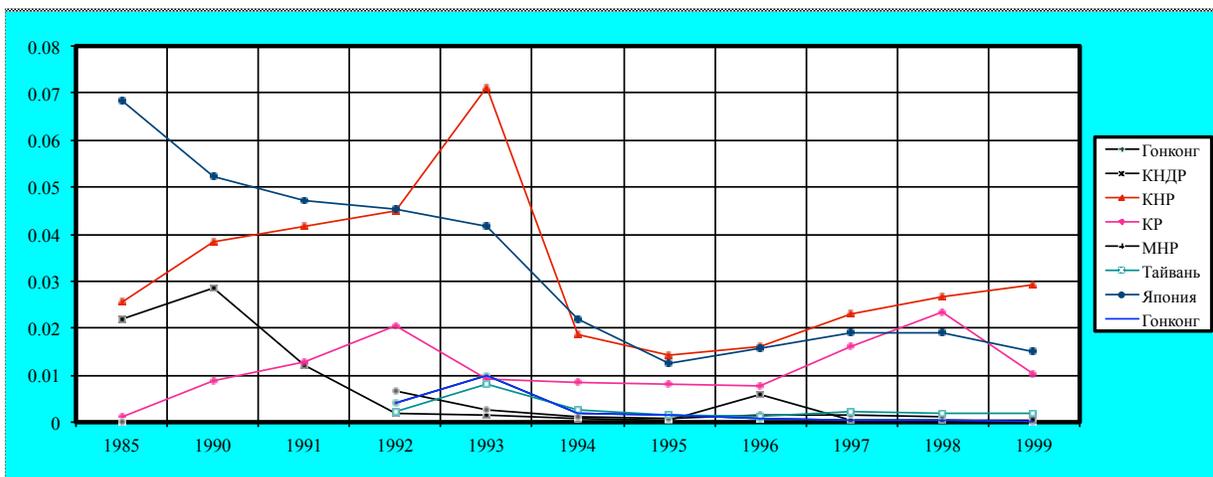

Таблица 4. Доля стран СВА в импорте СССР/России (%)

	1985	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Гонконг				0.40%	0.97%	0.20%	0.15%	0.08%	0.05%	0.02%	0.01%
КНДР	2.19%	2.84%	1.19%	0.18%	0.16%	0.09%	0.02%	0.57%	0.03%	0.02%	0.02%
КНР	2.56%	3.83%	4.16%	4.51%	7.12%	1.88%	1.42%	1.62%	2.30%	2.67%	2.93%
КР	0.11%	0.88%	1.27%	2.04%	0.93%	0.85%	0.82%	0.76%	1.60%	2.34%	1.04%
МНР				0.67%	0.25%	0.11%	0.07%	0.14%	0.16%	0.11%	0.15%
Тайвань				0.23%	0.82%	0.27%	0.14%	0.12%	0.23%	0.17%	0.17%
Япония	6.83%	5.21%	4.73%	4.54%	4.17%	2.21%	1.25%	1.58%	1.89%	1.89%	1.50%

Библиография

Примечание: Статьи, опубликованные в газетах и журналах типа "Независимая газета", "Тайм" или "Экономист", использованные в книге, не обозначены в библиографии. Их выходные данные приведены в сносках.

Статистические и информационные справочники, доклады международных организаций

Госкомстат России (ежегодники).

Direction of trade statistics. Yearbooks [prepared by the General Statistics Division of the Bureau of Statistics of the International Monetary Fund].

Entering the 21st Century. World Development Report 1999/2000. NY: Oxford University Press, 1999.

International trade statistics 2000. WTO, 2000.

World Bank, World Development Report 2000/2001. Attacking Poverty. Washington DC, 2001.

World Military Expenditures and Arms Transfers — 95 (WMEAT-95). Wash. D.C.: Arms Control and Disarmament Agency, April 1996.

Нихон токэй нэнкан 2001 (Японский статистический ежегодник, 2001 г.). Токио, 2001. — Internet.

Хокутоадзиа кэйдзай хакусё. 21-сэки-но фурантия. Ниигата: Каннихонкай кэйдзай кэнкюсё, 2000 (Белая книга по экономике Северо-Восточной Азии. Выпуск 2000 года. Рубежи 21 века). Ниигата: Институт экономики Японского моря, 2000.

Правительственные заявления, документы и материалы

Доклад Цзян Цзэминя на 15 съезде ЦК КПК. — Beijing Review, Oct. 6—12, 1997.

Annual Report for the United States Intelligence Community. May 1999. Director of Central Intelligence — Internet.

Cohen William S., Secretary of Defense. Annual Report to the President and the Congress. 1998.

Cohen William S., Secretary of Defense. Annual Report to the President and the Congress. 1999.

Cohen William S., Secretary of Defense. Annual Report to the President and the Congress. 2000.

Cohen William S., Secretary of Defense. Annual Report to the President and the Congress. 2001.

Defense of Japan. Defense Agency, 1997. — Internet.

Defense of Japan. 1999. Urban Connections, June 1999.

Diplomatic Bluebook 1998. Japan's Diplomacy toward the XXIst Century — New Developments and New Challenges Facing the International Community. — Internet: Ministry of Foreign Affairs of Japan Home Page, 1999.

Diplomatic Bluebook 1999. Japan's Diplomacy with Leadership Toward to the New Century. — Internet: Ministry of Foreign Affairs of Japan Home Page, 2000.

Diplomatic Bluebook 2000. Toward the 21st Century — Foreign Policy for a Better Future. — Internet: Ministry of Foreign Affairs of Japan Home Page, 2001.

Hashimoto, Ryutaro. Address to the Japan Association of Corporate Executives. 24 July 1997. — The Office of the Prime Minister of Japan. — Internet.

- Japan-Russia Summit Meeting (Summary). Ministry of Foreign Affairs, 5 September 2000. — Internet
- Joint Statement by the Presidents of People's Republic of China and the Russian Federation on Anti-Missile Defense. — Beijing Review, Aug.7, 2000.
- A National Security Strategy for A New Century. The White House, NSC, May 1997.
- A National Security Strategy for A New Century. The White House, NSC, October 1998.
- A National Security Strategy for A New Century. The White House, NSC, December 1999.
- Remarks by John C. Gannon (Chairman, National Intelligence Council). The CIA in the New World Order: Intelligence Challenges Through 2015. 1 February 2000. — Internet.
- Sino-Russian Joint Statement. — Beijing Review, Dec. 20, 1999.
- Transforming Defense. National Security in the 21st Century. Report of the National Defense Panel. Wash., DC, Dec., 1997.
- The United States Security Strategy for the East Asia-Pacific Region. 1998. U.S. Department of Defense, Washington, DC, November 1998. — Internet.
- U.S. Department of State, Strategic Plan, September 1997.
- United States Strategic Plan for International Affairs, First revision — February 1999.
- U.S. Department of State. Strategic Plan. September 2000.
- Tenet George J. Statement by Director of Central Intelligence before the Senate Select Committee on Intelligence on the Worldwide Threat in 2000: Global Realities of Our National Security. 2 February 2000. — Internet.

Авторские книги и статьи

- Аверьянов И.П., Жижин Д.П. Некоторые закономерности серного оруденения на Курильских островах. В Вопросы металлогении и зональность месторождений Тихоокеанского рудного пояса. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1974.
- Алиев Р.Ш.-А. Внешняя политика Японии в 70-х — начале 80-х годов (Теория и практика). М.: Наука, 1986.
- Алиев Р.Ш.-А.. Гласность в тенетах внешней политики и международных отношений. В Гласность: мнения, поиски, политика/Под ред. Ю.М. Батурина. М.: Юрид. лит., 1989.
- Арин О. АТР: мифы, иллюзии и реальность. Восточная Азия: экономика, политика, безопасность. М.: Флинта*Наука, 1997.
- Арин Олег. Россия в стратегическом капкане. М.: Флинта, 1997.
- Арин Олег. Россия на обочине мира. М.: Линор, 1999.
- Арин Олег. Стратегические перспективы России в Восточной Азии. М.: МГИМО, 1999.
- Богатуров, А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после второй мировой войны (1945—1995). М., 1997.
- Китай в мировой и региональной политике (История и современность). ИБ № 13, М.: ИДВ РАН, 1997.
- Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М.: ИДВ РАН, 1999.
- Китайские политологи о геополитической борьбе в современном мире, ее влиянии на ситуацию в Северо-Восточной Азии и о геополитической стратегии России. — Экспресс-Информация. № 12. ИДВ РАН, 1998.
- Китайские политологи о региональной безопасности и региональном сотрудничестве. — Экспресс-Информация. № 7. ИДВ РАН, 1998.
- Китайские политологи о перспективах развития китайско-американских отношений после обмена визитами между Цзян Цзэмином и Клинтонем. "Экспресс-Информация", № 4, М., ИДВ, 1999.

Неронов Ю.Л., Тютрин И.И. Схема перспектив рудоносности Курильских островов. Геолого-географический атлас Курило-Камчатской островной системы. Л.: ВСЕГЕИ, 1987.

Обзор стратегического положения в Восточной Азии 1996-1997. Доклад Японского института оборонных исследований. ЭКПРЕСС — ИНФОРМАЦИЯ, № 12, М.: ИДВ, 1997.

Обзор стратегического положения в Восточной Азии 1997-1998. Доклад Японского института оборонных исследований. ЭКПРЕСС — ИНФОРМАЦИЯ, № 1, 2, М.: ИДВ, 1999.

О китайско-американских отношениях на современном этапе. Экспресс-информация. № 10. М.: ИДВ, 1997.

В. Павлятенко, А. Шлындов. Российско-японские отношения: некоторые итоги и перспективы на старте XXI века. — Проблемы Дальнего Востока, 4/2000.

Яковлев А. Россия и Китай в строительстве нового мирового порядка. — Проблемы Дальнего Востока, 1998, № 6.

Benjamin, David Paul. SEA POWER IN SOUTHEAST ASIA. USA, 1996.- Internet.
Between Diplomacy and Deterrence. Strategies for U.S. Relations with China. Ed. by Kim R. Holmes & James J. Przystup. HF, 1997. — Internet.

Binnendijk Hans. U.S. Strategic Objectives in East Asia. Institute for National Strategic Studies — "Strategic Forum", Number 68, March 1996. — Internet.

Blank, Stephen J. THE DYNAMICS OF RUSSIAN WEAPON SALES TO CHINA. Strategic Studies Institute (SSI). March 4, 1997. — <http://carlisle-www.army.mil/usassi/>

Boswell, Terry. Hegemony and Bifurcation Points in World History. — Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 15.

Burles, Mark and Shalsky, Abram N. Patterns in China's Use of Force: Evidence from History and Doctrinal Writings. RAND 2000.

Burles, Mark. Chinese Policy Toward Russia and the Central Asian Republics. RAND 1999. — www.rand.org/publications/

Byman, Daniel L., Cliff, Roger. China's Arms Sales: Motivations and Implications, MR-1119-AF, 1999.

Chen Jian (Ambassador) Speaks on Sino-Japanese Ties. — Beijing Review, № 11, 3/13, 2000.

China and Russia's Good Relations and Close Cooperation: A Strategic Option in the New Century. — Beijing Review, Aug.7, 2000.

China Details Foreign Security Policy. — Beijing Review, № 8, 2/21, 2000.

China Supports Reunification of the Korean Peninsula — Beijing Review, № 24, 6/12, 2000.

China's Independent Foreign Policy of Peace. — Internet: www.fmprc.gov.cn.

Chinese Experts Talk about the Situation on the Korean Peninsula. — Beijing Review, № 23, 6/5, 2000.

Chinese Views of Future Warfare./ Collection by M. Pillsbury. Institute for National Strategic Studies, 1997. — Internet.

Deng Xiaoping. Selected Works. Volume III (1982-1992). Beijing: FL Press, 1994.

Ding Sheng. Whither US-Russian Relations? — Beijing Review, February 28, 2000.

East Asian Strategic Review 1997—1998. Summary. The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 1998. — Internet.

East Asia Strategic Review. 1998—1999. Summary.

From the Preface to East Asian Strategic Review 2000. — Internet (Site of the Agency of National Defense).

Experts on NATO's New Strategy and Related Issues. — Beijing Review, July 7, 1999.

Exploring U.S. Missile Defense Requirements in 2010: What Are the Policy and Technology Challenges? Institute for Foreign Policy Analysis. April 1997. — Internet.

Foy, Colm and Maddison, Angus. China: a world economic leader? — Observer, № 215, January 1999. — Internet.

From the Preface to East Asia Strategic Review 2000. Introduction and Executive Summary. The National Institute for Defense Studies. Tokyo, 2000.

Gao Hui The Next Decade: How is the World Oriented? What Will China Do? — Beijing Review, July 10, 2000.

Garrett Banning and Glaser Bonnie. China and the U.S.- Japan Alliance at a Time of Strategic Change and Shifts in the Balance of Power. Stanford University. Asia/Pacific Research Center, October 1997.

Global Trends 2015: A Dialogue About the Future With Nongovernment Experts. NIC 2000-02, December 2000. — Internet.

Goldfrank, W. L. BEYOND CYCLES OF HEGEMONY: ECONOMIC, SOCIAL, AND MILITARY FACTORS. — Journal of World-Systems Research. Volume 1, Number 8, 1995.

Hu Jintao: China's Asia Policy. — Beijing Review, Aug. 14, 2000.

Human Rights Record of the United States in 1999. — Beijing Review, № 11, 3/13, 2000

Inoguchi Takashi. Adjusting America's Two Alliances in East Asia: A Japanese View. July 1999. <http://www.stanford.edu/group/APARC>.

Issues'98. The Candidate's Briefing Book. Ed. by Stuart M. Buttlar and Kim R. Holmes. The Heritage Foundation. Wash., D.C., 1998. — Internet.

ISSUES 2000 The Candidate's Briefing Book. Edited by Stuart M. Butler and Kim R. Holmes. Wash., D.C., The Heritage Foundation, 2000.

Japan's Goals in the 21st Century. The Frontier Within: Individual Empowerment and Better Governance in the New Millennium. January 2000. The Prime Minister's Commission on Japan's Goals in the 21st Century.

Jiang Benliang. The New Pattern of Current Major Powers Relationship. — International Studies, 1998, № 3—4.

Jiang Lingfei and Fu Tao. Bush's Position on America's China Policy is Harmful. — Beijing Review, Oct. 16, 2000.

Jin Canrong. The US Presidential Election and Its Influence on Sino-US Relations. — Beijing Review, March 27, 2000.

Khalilzad, Zalmay. Congage China, IP-187, RAND 1999. — Internet.

Lampton, David M. and May, Gregory C. Managing U.S. — China Relations in the Twenty-First Century. Wash., DC, The Nixon Center, 1999.

Li Bin. China's Security Environment in the Early 2000s. — Beijing Review, Jan. 10, 2000.

Li Haibo. China and Its Century. — Beijing Review, Oct 18, 1999.

Li Jinhui. Will the 21st Century Belong to China or the United States? — Beijing Review, March 27, 2000.

Lu Zhongwei. International Security Environment Goes Through Changes. — Beijing Review, Aug. 23, 1999.

Maddison Angus. Chinese Economic Performance in the Long Run. OECD, 1998.

Modelski, George. THE EVOLUTION OF GLOBAL POLITICS. — Journal of World-Systems Research, 1995, Volume 1, Number 7.

Noda Nobuo. Japan in a World of Rival Empires. — JAPAN ECHO Vol. 26, No. 3, June 1999.

Ogura Kazuo. Creating a New Asia. — JAPAN ECHO Vol. 26, No. 3, June 1999.

Okazaki Hisahiko. A National Strategy for the Twenty-first Century. — JAPAN ECHO Vol. 26, No. 5, October 1999.

One-China Principle and the Taiwan Issue, The. — Beijing Review, March 6, 2000.

Pacific Symposium 2000. "Asian Perspectives on the Challenges of China". 7/8 March 2000. National Defense University, Washington, DC. Final Report. — Internet.

Pivotal Visit: Inheritance From the Past Opens a New Chapter for the Future, A. — Beijing Review, Aug. 7, 2000.

Priorities for the President. Ed. By Stuart M. Butler and Kim R. Holmes. Wash., DC: Heritage Foundation, 2001.

Pollack Jonathan and Yang Richard, CF-137-CAPP, 1998.

Ren Xin US Stands Alone in Anti-China Proposals. — Beijing Review, № 18, 5/1, 2000.

Ren Xin. Diplomatic Achievements in Past 50 Years. — Beijing Review, Jan. 10, 2000.

- Rong Zhi. A Retrospect of China-USSR and China-Russia Relations. — Beijing Review, Nov. 16, 1999.
- Sato Seizaburo. Lessons from the Twentieth Century. — JAPAN ECHO Vol. 26, No. 4, August 1999.
- Sha Zukang. Some Thoughts on Establishing A New Regional Security Order. Statement by Ambassador at the East-West Center's Senior Policy Seminar. — (www.fmprc.gov.cn)
- Shiraishi Takashi. Asia's Regional Order: A Two-Century Perspective. — JAPAN ECHO Vol. 27, No. 3, June 2000.
- Shlapak, David T. Orletsky, Barry A. Wilson, MR-1217-SRF, 2000.
- Shulsky, Abram N. Deterrence Theory and Chinese Behavior, MR-1161-AF, RAND 2000.
- Soeya, Yoshihide. Japan's Dual Identity and the U.S. — Japan Alliance. Stanford University. Asia/Pacific Research Center. May 1998.
- Song Yimin. The US Security Strategy, World Power Division and Foreign Policy: A New Readjustment. — International Studies, 1998, № 12—13.
- Sources of Conflict in the 21st Century. Regional Futures and U.S. Strategy. Ed. by Zalmay Khalilsad and Ian O. Lesser. Rand, 1998.
- Strategic Assessment 1997. Flashpoints and Force Structure. Wash., DC, NDU, 1997.
- Strategic Assessment 1998. Engaging Power for Peace. Wash., DC, NDU, March 1998.
- Strategic Assessment 1999. Priorities for a Turbulent World. Wash., DC, NDU, 1999.
- Strategic Trends in China. Ed. by Hans Binnendijk and Ronald N. Montaperto. NDY/INSS, 1998.
- Sun Zhuangzhi. U.S. Strategy in Central Asia. — Beijing Review, № 26, 6/26, 2000.
- Swaine, Michael D. The Role of the Chinese Military in National Security Policymaking, Revised Edition, Rand, 1998. — Internet.
- Swaine, Michael D., Tellis, Ashley J. Interpreting China's Grand Strategy: Past, Present, and Future. RAND 2000.
- Tang on International Situation and China's Diplomatic Work. — Beijing Review, № 12, 3/20, 2000.
- The Role of Southeast Asia in U.S. Strategy Toward China, Richard Sokolsky, Angel Rabasa, C.R. Neu. MR-1170-AF, 2000.
- United States and a Rising China: Strategic and Military Implications, The. Zalmay Khalilzad, Abram Shulsky, Daniel Byman, Roger Cliff, David Orletsky, David Shlapak, Ashley Tellis, MR-1082-AF, RAND 1999.
- Wang Haihan. The Current Situation and Future Prospect of Sino — US Relations. — International Studies, 1998, № 12—13.
- Wang Hexing. Perspectives on the Economic Globalization in Light of Asian Financial Turmoil. — International Studies, 1998, № 8—9.
- Wolf, Charles, Jr., Asian Economic Trends and Their Security Implications, MR-1143-OSD/A, RAND 2000.
- Wu Jie. On Deng Xiaoping Thought. Beijing: Foreign Languages Press, 1996.
- Wu Qinghe. 1996: an Overview of the Post-Cold War International Situation. — Foreign Affairs Journal. March 1997.
- Wu Xinbo. Integration on the Basis of Strength: China's Impact on East Asian Security. Stanford University, Asia/Pacific Research Center, February 1998.
- Xiao Li. Sino-Russian Relations Prospering. — Beijing Review, Aug. 7, 2000.
- Xiao Li. US Practices Powers Around the World. — Beijing Review, Jan. 31, 2000.
- Xiao Zhou. World Economy: Troika Running Forward. — Beijing Review, July 3, 2000.
- Yang Xiyue. Power Relations in Today's World. — Beijing Review, March 1—14, 1999.
- Yu Xiaosong. A Bright Prospect for Sino-Russian Trade Cooperation. — Beijing Review, Dec. 13, 1999.
- Yu Yongding. Economic Trends of the 21st Century. — Beijing Review, February 7, 2000.
- Yuan Jian. The Challenge of Globalization. Debating the impact of trade on income distribution in the United States. — International Studies, 1999, № 3—4.

Yuan Jian. The Neoconservatives: Their Ideas and Impact on American Foreign Policy. — *International Studies*, 1998, № 5—7.

Zhou Qingchang. Sino — Russian Strategic Partnership. — *Beijing Review*, Dec. 13, 1999.

Zhou Wen. Security or Hegemony? — *Beijing Review*, May 29, 2000.

Zhou Xinhua. Too Hasty to Become a Military-Political Power. — *Beijing Review*, May 22, 2000.

Zhu Muzhi US Theory of 'Human Rights Being Superior to Sovereignty' Ridiculous. — *Beijing Review*, № 12, 3/20, 2000.

Список сокращений

"АТР"	Азиатско-Тихоокеанский регион
АСЕАН	Ассоциация государств Юго-Восточной Азии
АТЭС	Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество
ВА	Восточная Азия
ВВП	валовой внутренний продукт
ВНП	валовой национальный продукт
ВПП	внешнеполитический потенциал
ВТО	Всемирная торговая организация
ДВЭР	Дальневосточный экономический район
ЕС	Европейское сообщество
ИВ РАН	Институт востоковедения РАН
ИДВ РАН	Институт Дальнего Востока РАН
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений РАН
МБ	Мировой банк
МВФ	Международный валютный фонд
МИТИ (MITI)	министерство промышленности и внешней торговли
НАФТА	соглашение о свободной торговле в Северной Америке
НОАК	Национально-освободительная армия Китая
ОМУ	оружие массового уничтожения
ОПР	официальная помощь развитию
ОЭСР	Организация экономического сотрудничества и развития
ПИИ	предприятия с иностранными инвестициями
ППС	паритет покупательной способности
ПРО	противоракетная оборона
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций
РДВ	российский Дальний Восток
СВА	Северо-Восточная Азия
СНВ	стратегическое наступательное вооружение
СНГ	Содружество Независимых Государств
ССО-SDF	силы самообороны (Япония)- the Self-Defense Forces
ТВД	театр военных действий
ТНК	транснациональные корпорации
УНО-AND	Управление национальной обороны- the Agency of National Defence
ЭИБ-EIB	Экспортно-импортный банк-Export-Import Bank
ЮВА	Юго-Восточная Азия

Оглавление

Предисловие	5
США	
Глава I. Американцы о месте и роли России в Восточной Азии	7
Официальная оценка Вашингтоном места и роли России в Восточной Азии	8
Место и роль России в Восточной Азии (академический подход)	13
Глава II. XXI век - восстановление биполярности, или Вызов Китая и ответ США	19
Соединенные Штаты — гегемон до середины XXI века	19
Теория длинных циклов Дж. Модельского и У. Томпсона	19
Возвышение Китая	21
Реакция США на возвышение КНР	26
Что век грядущий нам готовит?	42
Япония	
Глава III. Национальные интересы Японии и безопасность в XXI веке	47
Официальная позиция Токио на мир и место Японии в мире	47
Политико-академическое сообщество Японии (сэйдзигаккай) о мире, о себе и России	51
Обновленный взгляд на XXI век и место Японии в мире	62
Концепция "Просвещенных национальных интересов"	63
<i>Гражданская держава</i>	66
<i>"Политика слов"</i>	68
Глава IV. Роль России во внешней политике Японии	72
Россия в контексте безопасности Японии	72
"Евразийская дипломатия" Японии и Россия	77
Двусторонние российско-японские отношения	79
<i>Российско-японские торгово-экономические отношения</i>	81
<i>Причины спада торгово-экономических отношений с Японией</i>	84
Китай	
Глава V. Китай о международных отношениях в XXI веке	90
Предварительные замечания	90
Стратегические теории Дэн Сяопина	92
Базовые принципы внешней политики КНР	97
Подход политико-академических кругов КНР к международным отношениям и внешней политике Пекина	99
<i>Мировые экономические процессы</i>	99
<i>Структура международных отношений</i>	102

Позиция и политика КНР в сфере военной безопасности в Восточной Азии и Россия	110
США в китайской внешней политике	114
Глава VI. Место и роль России во внешней политике Пекина	121
Хроника китайско-российских отношений	121
Академические круги КНР об отношениях с Россией	123
Торгово-экономические отношения между КНР и Россией	126
Россия	
Глава VII. Россия в Северо-Восточной Азии: ни шагу вперед	132
И снова строим-строим, мы строим "общий дом"... в "АТР" (Отклик на статью В. Путина)	132
Экономическая роль России в СВА на современном этапе: реальность без иллюзий	136
<i>Внеэкономические связи Российского Дальнего Востока (РДВ) со странами СВА и США</i>	138
<i>Внешние связи районов РДВ</i>	140
Рецепты российских ученых по "выздоровливанию" РДВ	149
Глава VIII. Меньше шума, больше дела	158
Современные экономические процессы в СВА	158
Стратегия России в СВА	161
<i>Цели России</i>	161
<i>Концепции "привлечения" и "выборочного вовлечения"</i>	162
<i>Выбор стратегического региона и партнера в "АТР"</i>	162
<i>Программы и предложения по реализации концепции "привлечения"</i>	165
Приложение	
Японоведы, китаеведы, востоковеды (краткие характеристики)	171
Н.М. Карамзин и Южно-Курильские острова	184
Торговля России со странами СВА	193
<i>Таблица 1. Доля СССР/России в экспорте стран СВА (%)</i>	193
<i>Таблица 2. Доля СССР/России в импорте стран СВА (%)</i>	193
<i>Таблица 3. Доля стран СВА в экспорте СССР/России (%)</i>	194
<i>Таблица 4. Доля стран СВА в импорте СССР/России (%)</i>	194
Библиография	195
Список сокращений	201